ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

Г. ШУИ.

СОСТАВИЛЪ
Дѣйствительный Членъ Владимірскаго Губернскаго Статистическаго Комитета

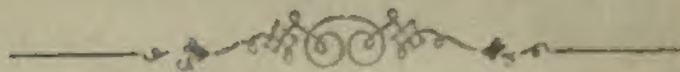
Ѳ. Г. ЖУРОВЪ.

Губ. гор. Владиміръ.
Типографія Губернскаго Правленія.
1892.

Глубокоуважаемому Протоіер
Отцу Александру Казанско
Ө. Журов

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

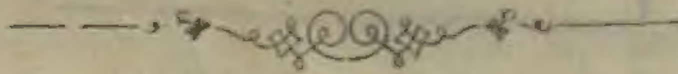
Г. ШУИ.



СОСТАВИЛЪ

Дѣйствительный Членъ Владимірскаго Губернскаго Статистическаго Комитета

Ө. Г. ЖУРОВЪ.



Губ. гор. Владиміръ.
Типографія Губернскаго Правленія.
1892.

Перепечатано изъ Владимірскихъ губернск. Вѣдомостей за 1890 - 91 г.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ
Г. ШУИ.

I.

Въ нашемъ обширномъ отечествѣ много древнихъ городовъ, время основанія которыхъ исторіи не извѣстно. Поэтому можно предположить, что время ихъ основанія столь отдаленно, относится къ такой древности, когда русской исторіи еще не существовало, да не существовало даже и Русскаго государства въ смыслѣ ли Варяго—Новгородскаго или Славяно—Кіевскаго. Къ такимъ городамъ относятся Смоленскъ, Изборскъ, Кіевъ, Ростовъ, Суздаль, Муромъ и нѣкоторые другіе. Ихъ можно называть городами доисторическими, по крайности въ отношеніи исторіи русской. Къ числу этихъ древнѣйшихъ городовъ я беру смѣлость причислить и городъ Шую, находящійся нынѣ во Владимірской губерніи. Конечно, неизвѣстность времени основанія города еще не доказываетъ глубокой древности его существованія, такъ какъ исторія могла и проглядѣть возникновеніе его, какъ пункта не особенно значительнаго; да я этому и не придаю особенной важности, а дѣлаю лишь предположеніе болѣе или менѣе вѣроятное. Въ доказательство же его древности имѣю привести иные факты, наиболѣе серьезные и наименѣе могущіе подвергнуться опроверженію.

„*Шуя*“. Что это за имя, данное городу нынѣ русско-славянскому? Очевидно слово это не славянское.

Покойный В. А. Борисовъ, трудолюбивый изыскатель старинныхъ актовъ, относящихся до города Шуи, и составитель его „Описанія,“ производитъ это слово отъ славянскаго *ошуюю*, означающаго лѣвую руку, ногу и, вообще, лѣвую сторону чего-бы то нибыло. Предположеніе это онъ дѣлаетъ потому, что городъ Шуя находится на лѣвомъ берегу рѣки Тезы, отчего и получилъ свое названіе *Шуя*, означающее лѣвую сторону рѣки по славянски.

Это предположеніе нельзя считать основательнымъ, во первыхъ потому, что лѣвая сторона по славянски пишется ошуюя, а не шуя: „И поставитъ овцы одесную себѣ, а козлища ошуюю“, говорится въ евангеліи отъ Матѳея (гл. 25, 33). Во вторыхъ въ Россіи есть нѣсколько рѣкъ, носящихъ наименованіе *Шуя*: напримѣръ, въ Костромской губерніи есть рѣка Шуя, протекающая по Макарьевскому уѣзду съ сѣвера на югъ ([1]); въ Олонецкой губерніи есть рѣка съ этимъ же названіемъ и на ней село Шуя ([2]), наконецъ, рѣка Шуя есть въ Новгородской губерніи и на ней погостъ Шуя ([3]). Эти рѣки съ наименованіемъ Шуя никакъ не могли получить себѣ имя отъ славянскаго ошуюю, потому что онѣ не могли быть на лѣвой сторонѣ чего бы то нибыло.

([1]) Географич. карта Шуберта.

([2]) Случевскій., „Московскія вѣдомости“ 1884 г. № 182.

([3]) А. Ильинскій. „Журналъ М. Н. Просвѣщенія“ 1876 года іюнь, стр. 252.

Не болѣе ли достовѣрнымъ будетъ произвести слово Шуя отъ финскаго Suo?

Г. Д. Щегловъ въ своей статьѣ: „Первыя страницы русской исторіи,“ говоритъ: „село Шуйки напоминаетъ многія поселенія сѣверной Россіи съ этимъ именемъ, которое производятъ отъ Suo, озеро, болото,“ а слово suo финское. (1)

Теперь остается вопросъ: примѣнимо ли это слово, означающее озеро, болото, къ городу, получившему наименованіе Шуя?

Г. Д. Иловайскій говоритъ: Мѣста для городковъ избирались на возвышеніи береговъ рѣкъ или озеръ; по крайней мѣрѣ съ одной стороны городокъ долженъ былъ примыкать къ дебрямъ и болотамъ, которыя не только препятствовали непріятельскому нападенію, съ этой стороны, но и служили укрытіемъ на случай взятія непріятелемъ городка. (2)

Совершенно такое мѣстоположеніе занимаетъ городъ Шуя.

Съ сѣверо-западной стороны его облегаетъ рѣка Теза, на возвышенномъ берегу которой онъ получилъ свое основаніе; съ юго-восточной стороны окруженъ былъ непроходимымъ болотомъ, признакомъ котораго до послѣдняго времени оставался прудъ, по запущенности его называвшійся поганымъ. Въ 1887 году, по распоряженію Городской думы, онъ заваленъ землей послѣ многовѣковаго его существованія.

---

(1) „Журналъ М. Народ. Просвѣщенія“ 1876 г., апрѣль, стр. 240 и 251.

(2) Исторія Россіи Т. I ч. 2 стр. 302.

Если этого факта недостаточно для доказательства существованія болота, то въ подтвержденіе онаго могутъ послужить двѣ улицы, встарину именовавшіяся — одна Заболотской ([1]), а другая Ново-Заболотской. ([2])

Первая находилась тамъ, гдѣ нынѣ фабричный корпусъ И. И. Попова и фабрика С. М. Посылина, противъ землянаго вала, а другая въ началѣ нынѣшней Милліонной улицы, гдѣ теперь домъ П. Ѳ. Корнилова и единовѣрческая церковь.

Еще серьезнѣйшимъ доказательствомъ существованія въ прежнее время болота служитъ въ настоящее время цѣлый кварталъ домовъ, построенный на болотѣ, въ которомъ нѣтъ ни одного погреба съ ямникомъ для навалки снѣга, потому что подъ землей не глубже одного аршина находится почвенная вода, поэтому погреба здѣсь, какъ говорится, *верховые*, въ которые снѣгъ наваливается прямо на землю подъ потолокъ погребовъ; по той-же причинѣ нѣтъ и подпольевъ въ кухняхъ и подваловъ подъ домами.

Этотъ кварталъ находится къ востоку отъ города, находящагося въ земляной осыпи, — и соприкасается съ уничтоженнымъ нынѣ прудомъ. Лицомъ онъ выходитъ на улицу Стрѣлецкую, въ старину Пищальную. Дома въ немъ г-жъ Болотовой, Крашенинниковой, г. Коломазнина и другихъ.

([1]) „Описаніе гор. Шуи" В. Борисова, стр 31.

([2]) Печатный раздѣльный актъ г.г. Посылиныхъ, въ которомъ упоминается фабрика на Н о в о - з а б о л о ц к о й у л и ц ѣ, нынѣ Моргунова.

Даже и фамилія Болотовыхъ, присущая многимъ стариннымъ домамъ въ Шуѣ, нѣсколько можетъ подтверждать въ существованіи болота нынѣ осушеннаго и застроеннаго, находившагося за стѣнами стараго города.

Сочтемъ себя убѣжденными, что слово шуя, есть слово финское. Явится вопросъ: какимъ образомъ привилось это, чуждое славянству слово, къ городу, находящемуся въ центрѣ государства Славяно-Русскаго?

На этотъ вопросъ легко отвѣтить и совершенно удовлетворительно слѣдующими данными, взятыми изъ исторіи.

Городъ Шуя встарину принадлежалъ великому княжеству Суздальскому и находится отъ Суздаля не болѣе какъ въ 50-ти верстахъ; а древніе жители земли Суздальской были народецъ *Чудь*, вѣтвь многочисленнаго племени Финновъ (1), занимавшаго въ древности всю сѣверную часть нынѣшней Россіи (2). „Чудь сотвори Богъ въ Суздальской землѣ," говоритъ нашъ древній лѣтописецъ. (3) Поэтому нисколько не удивительно, что городу, нынѣ славянско-русскому, дано имя финское, какъ находящемуся въ землѣ народца Чуди, финскаго племени, въ средѣ котораго въ то отдаленное время Славянъ

(1) „Исторія Россія," Соловьева Т I, стр 87.

(2) „Исторія Россіи," Иловайскаго Т I, ч. 2, стр. 120, а также „Первыя страницы Русской Исторіи," г. Д. Щеглова. Ж. М Н П 1876 г. Апрѣль, стр. 240 и 251

(3) Пол. С. Русск. Лѣт. Т VII, стр. 21.

еще не было, а потому славянскаго языка не существовало.

Такихъ не русскихъ, или вѣрнѣе, не славянскихъ словъ, встрѣчается въ здѣшнемъ краѣ не мало Укажу на слово *вязьма.* Въ Шуйскомъ уѣздѣ есть рѣка подъ этимъ именемъ. Казалось-бы, что это слово русско-славянское, происходящее отъ глагола *вязнуть.* Но оказывается, что слово вязьма есть финское. ([1]) Даже имя нашего древняго города Ростова, Ростово-Суздальской земли, есть слово финское, происходящее отъ собственнаго существительнаго имени *Ростіоръ*, каковое носилъ одинъ изъ финскихъ волхвовъ. ([2])

Показанныя три имени: Шуя, Вязьма и Ростовъ суть финскія, а не чудскія, какъ бы слѣдовало по мѣсту нахожденія племени чудскаго. Между тѣмъ лѣтопись Нестора, перечисляя народы, жившіе въ мѣстности нынѣшней Владимірской губерніи, а также и Ярославской, говоритъ, что у чуди былъ свой языкъ, о финнахъ же и не упоминаетъ. По видимому она финновъ именуетъ чудью. Это смѣшеніе названій находится и въ другихъ историческихъ источникахъ.

Соловьевъ говоритъ, что одно и то-же племя называлось разнородно. Нѣмцы называли его *финнами*, а славяне чудью. ([3]) Г. Иловайскій пишетъ:

([1]) „Первыя Страницы Русск. Исторіи,“ г. Д. Щеглова Журналъ М. Н. Просвѣщ. 1876 г. Апрѣль, стр. 250 и 251.

([2]) Тамъ же, стр. 249.

([3]) «Исторія Россіи» Т. I, стр. 76.

„Всю сѣверную и среднюю полосу прибалтійскаго края занимали народцы *финскаго* семейства, извѣстные у древней руси вообще подъ именемъ чуди.“ (¹)

Признавъ, что имя—Шуя, носимое нашимъ городомъ, есть финское, мы по необходимости должны признать, что городъ основанъ финнами, народомъ, обитавшимъ въ здѣшней мѣстности ранѣе основанія русскаго государства, слѣдовательно, городъ очень древній.

Это доказательство его древности довольно убѣдительно. Прибавимъ къ нему еще преданіе, уже вошедшее въ исторію, что городъ Шуя былъ нѣкогда столицею *Бѣлой Россіи*, и что самое слово *шуя* на сарматскомъ языкѣ значитъ *столица*: такъ утверждаетъ историкъ Болтинъ. (²)

Въ этомъ преданіи мы не найдемъ противорѣчія съ подлинной исторіей относительно мѣстности Бѣлой Россіи и сарматскаго языка. Исторія Россіи говоритъ, что Бѣлая Россія означала сѣверную Русь, Ростовскую землю. „Въ Бѣлой же Руси, старѣйшіе грады Ростовъ и Суздаль.“ (³) А Суздаль,

(¹) «Исторія Россіи» Т. I, ч. 2, стр. 120 и 152. Не отъ Чуди ли произошло полубранное слово чудакъ, употребляемое нашимъ простонародьемъ? Не означаетъ ли оно Чудина, Чудяка?

(²) См. Историческое изслѣдованіе о Тмутараканскомъ камнѣ. Приложеніе, стр. 50 и 72 и Письменное описаніе Владимірскаго намѣстничества, соч. Болтина и въ энциклопедическомъ лексиконѣ статью: „Бѣлая Россія.“ „Описаніе г. Шуи.“ В. А. Борисова, стр. 2.

(³) «Исторія Россіи», Соловьева. Т. II, стр. XLVI и XXXIX.

какъ извѣстно, находится только въ 50 верстахъ отъ Шуи. Что же касается до сарматскаго языка, попавшаго въ здѣшнюю мѣстность Финновъ-Чуди, то онъ, можетъ быть, имѣлъ сродство съ языкомъ Финновъ или Чуди, потому—что Сарматы, какъ говоритъ забытый нашъ историкъ Татищевъ, были очевидно финскаго племени. Онъ говоритъ, что сѣверная часть древнѣйшей Россіи, обнимавшая Ростовскую и Суздальскую землю „съ принадлежностями", была населена Сарматами. По его показанію народы, населявшіе эту страну, были слѣдующіе: „Кимры—Сарматы, Кривичи—Сарматы, Мордва—Сарматы. (1)

Отсюда видно, что Сарматы были соплеменны Кривичамъ и Мордвѣ, а Кривичи и Мордва—обитатели Оки и Волги, мѣстностей недальнихъ. Лѣтописецъ Несторъ пишетъ: „По Оцѣ (Окѣ рѣкѣ, гдѣ потече въ Волгу, Мурома языкъ свой, Черемиса свой языкъ и Мордва свой языкъ", а г. Иловайскій, называя Кривичей *славянами*, говоритъ, что „они отъ верховъ Днѣпра и западной Двины отчасти потѣснили, отчасти подчинили себѣ туземные финскіе народы. Одна часть этихъ поселеній направилась къ Чудскому озеру; другая подвинулась на сѣверовостокъ въ область верхней Волги." (2)

Изъ этого возможно заключить, что Сарматы—Мордва и Сарматы—Кривичи могли обитать и въ здѣшней мѣстности, странѣ Суздальской и г. Шуѣ.

(1) „Первыя страницы Русск. Исторіи," Щеглова. Ж. М. Н. П. 1876 г., Апрѣль, стр. 241.

(2) «Исторія Россіи». Т. 1, ч. 2, стр. 159.

Здѣсь, конечно, можетъ явиться вопросъ, куда же дѣвалось племя Чудь, которое „сотворилъ Богъ въ Суздальской землѣ? Повидимому Чудь племя было обитателемъ искониымъ, древнѣйшимъ здѣшней мѣстности, а Сарматы—Кривичи или Сарматы—Мордва обитателями позднѣйшими,—это видно изъ того, что г. Иловайскій называетъ Кривичей Славянами, оттѣснившими и подчинившими себѣ финскіе народцы, обитавшіе здѣсь до прибытія Славянъ въ страну сѣверо-восточную. (1) Такимъ образомъ могло случиться, что Сарматы вытѣснили изъ здѣшней мѣстности племя Чудь и основали свою резиденцію въ Шуѣ, назвавъ ее столицей. Предположеніе это тѣмъ болѣе заслуживаетъ вѣроятія, что нѣкогда находилась въ сѣверной финской Россіи *Сарматія*. Шафарикъ полагаетъ эту Сарматію на

---

(1) На VIII Археологическомъ съѣздѣ въ Императорскомъ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ, бывшемъ въ январѣ 1890 года, профессоръ Самокваcовъ показалъ, что эпоха Сарматская относится ко времени отъ II вѣка до Р. Х. по VI вѣкъ послѣ Р. Х., слѣдовательно Сарматы народъ очень древній. Но мнѣ кажется, эта глубокая древность не можетъ опровергнуть того предположенія что древнѣйшими, ископными обитателями здѣшней мѣстности, земли Мерской, какъ именуютъ ее иногда лѣтописи, были не Сарматы, а Чудь финскаго племени, хотя послѣдняя, можетъ быть, и не столь древняя, какъ Сарматы. Это подтверждается и тѣмъ, что Сарматы, по заявленію почтеннаго профессора, обитали на югѣ Россіи, а не здѣсь. Съ юга они могли придти сюда и вытѣснить слабое племя Чудь.

верхней Волгѣ во время, предстоящее прибытію туда Славянъ. (¹) Не была—ли эта Сарматія Сарматіей Шуйской, о которой говоритъ Болтинъ? Вѣдь Шуя въ разстояніи отъ верхней Волги не болѣе 70 верстъ по пути къ Суздалю; и не она ли называлась Бѣлой Россіей, упоминаемой историкомъ Болтинымъ? Конечно это—предположеніе, и предположеніе смѣлое, но оно имѣетъ нѣкоторое основаніе. Болтинъ говоритъ, что городъ Шуя былъ нѣкогда столицею Бѣлой Россіи, и самое слово на сарматскомъ языкѣ значитъ столица; (²) но онъ не упоминаетъ, какой народъ жилъ въ этой мѣстности и имѣлъ столицу съ наименованіемъ сарматскимъ. Допустивъ, что столица носила имя сарматское, легко допустить, что она была столицею на-

---

Согласно съ этимъ показываетъ и г. Щегловъ. Онъ утверждаетъ, что Сарматы жили на югѣ, и у Азовскаго моря, и у Днѣпра, но еще въ I вѣкѣ нашей эры заняли мѣсто на сѣверѣ, около истоковъ Волги и Днѣпра. (См. Ж. М. Н. П. Апрѣль, стр. 240). Отсюда они, конечно, могли спуститься и на среднюю Волгу, что, какъ выше сказано, Д. И. Иловайскій и подтверждаетъ, говоря, что Сарматы—Кривичи оттѣснили и подчинили себѣ финскія народцы, обитавшіе здѣсь до прибытія Славянъ.

(¹) „Первыя страницы Русской Исторіи.“ Ж. М. Н. П. 1876 г. Апрѣль стр. 240.

(²) Достойно замѣчанія, что въ Китаѣ есть портовый городъ Тань—Шуи. Въ 1884 г. онъ взятъ былъ французами. См. Московскія Вѣдомости 1884 года, №№ 265 и 266.

родца Сарматовъ, населявшаго мѣстность, которая одними писателями называлась Сарматіею, а другими — Бѣлой Россіей.

Такое смѣшеніе названій у древнихъ историковъ случалось нерѣдко. Выше мы видѣли, что одинъ и тотъ-же народъ нѣмецкими писателями называется Финнами, а славянскими — Чудью. Такихъ примѣровъ можно найдти нѣсколько.

Почти согласно со сказаннымъ Болтинымъ о Шуѣ, что она была столицею Бѣлой Россіи говорится и и въ другомъ историческомъ актѣ начала нынѣшняго столѣтія. „Древніе наши писатели, — читаемъ мы въ немъ, — подъ именемъ Бѣлой Россіи разумѣли Польской и Мерянской, или Суздальской и Ростовской предѣлъ съ принадлежащими къ нимъ областями.... такъ, что границы сея части простирались на сѣверъ до Великой Руссіи по Волгу, на востокъ до Югровъ и въ низъ по Волгѣ до устья рѣки Оки съ Мордвою, на югъ до Оки же съ княжествомъ Рязанскимъ и Болгарами, а потомъ до рѣки Воронежа. Престолъ древнѣйшій во время Сарматскихъ государей въ сей части былъ градъ *Шуя*; при Владимірѣ Ростовъ; но Юрій II перенесъ его въ Суздаль, Андрей II во Владиміръ, Іоаннъ Калита въ Москву.“ (¹)

Насколько это сказаніе достовѣрно сказать трудно, потому что мы не знаемъ откуда оно позаимство-

(¹) См. Картина Россіи, изображающая исторію и географію, хронологически, генеалогически и статистически. Собрано изъ вѣрныхъ источниковъ. 2 части. Москва 1807 года. Въ вольной типографіи Өедора Любія. Иждивеніемъ Өедора Любія. Ч. 1, стр. 9.

лано авторомъ-издателемъ, что бы можно было судить о его достовѣрности. Во всякомъ случаѣ замѣчательно то, что г. Шуя считается здѣсь болѣе древней столицей, чѣмъ Ростовъ при Владимірѣ, потому что въ Шуѣ былъ престолъ государей Сарматскихъ, существовавшихъ до Владиміра.

Признаніе за городомъ Шуей глубокой древности подтверждается не однимъ только носимымъ имъ названіемъ—не славянскимъ, но и названіями многихъ другихъ, окружающихъ его, мѣстностей, рѣкъ и селеній.

Напримѣръ, что за слово *теза*, дающее имя рѣкѣ, на которой стоитъ гор. Шуя? Очевидно слово древнее, не славянское. Или, что за слова *пожга*, *вонгода*, *молохта*, *сеха*, *жмшихъ*, *пежа*, *нарма*, *мардасъ* и *люлехъ*, отъ которыхъ получили наименованія рѣки, впадающія въ р. Тезу? По мягкости звуковъ,—кромѣ одного мардаса,—эти имена очень подходятъ къ именамъ рѣки Тезы и города Шуи. А такъ какъ слово шуя предполагается происхожденія финскаго, то ничего нѣтъ мудренаго, что и всѣ означенныя рѣки имѣютъ названія финскія, или получившія ихъ отъ другихъ народцевъ, напримѣръ —Чуди, Мордвы, Сарматовъ, тоже обширнаго финскаго племени.

Не менѣе, чѣмъ рѣки, странно звучатъ и нѣкоторыя названія селеній облегающихъ Шую, напримѣръ: села—*Юрчаково* (вѣроятно отъ татарскаго слова юрта) и *Тейково* (телешъ?), дер., *Бильдюхино* (отъ Бильде-ханъ?), *Лихушино* (лихушъ?), или еще

страннѣе звучатъ названія, окружающихъ городъ, урочищъ: *Ваширъ*, *Яскино* (отъ ясакъ?), *Турсуково*. Послѣднее, можетъ быть, отъ слова Туръ. А это слово толкуется разно. Въ „Словѣ о Полку Игоревѣ“, (¹) оно означаетъ, дикій волъ, зубръ, а г. Савельевъ производитъ его отъ языческаго бога Тура. Онъ говоритъ, что въ Костромской губерніи есть село Туровское, стоящее на горѣ, на которой будто бы былъ въ древности храмъ божеству Туру, упоминаемому въ нашихъ былинахъ. (Туръ ходитъ по горамъ). (²)

Нѣтъ надобности доискиваться, которое изъ этихъ толкованій правильнѣе. Во всякомъ случаѣ, это названіе урочища, находящагося близь Шуи, очень древнее. Древность его велика, если оно произошло отъ Тура, дикаго вола, зубра. Оно доказываетъ, что въ то время здѣсь водились эти животныя, о которыхъ теперь и понятія не имѣется; но еще древнѣе это названіе окажется, если его произвести отъ божества Тура, которое имѣло мѣсто до введенія въ Россіи христіанской вѣры. Не мѣшаетъ замѣтить, что урочище Турсуково, это—возвышенная, прекрасная мѣстность, въ недальнемъ разстояніи отъ рѣки Тезы, какъ разъ подходитъ къ толкованію г. Савельева, что и село Туровское находится на горѣ.

(¹) Изданія 1867 г.

(²) Историческій Вѣстникъ 1889 г. іюль, стр. 166. Замѣчательно, что въ Шуѣ есть фамилія Туралова. Не отъ того ли же она происходитъ тура: тура—лава, туры—лава, турова—лава?

Столь-же убѣдительнымъ доказательствомъ древности г. Шуи служитъ высокій и обширный земляной валъ, окружавшій въ древности весь городъ (кремль, дѣтинецъ), а нынѣ и самый валъ оказался уже окруженнымъ новымъ городомъ. Этотъ валъ въ свое время былъ обведенъ глубокимъ и широкимъ рвомъ, наполненнымъ водой; для въѣзда въ городъ и выѣзда изъ онаго были сдѣланы трое воротъ; на валу стояла высокая деревянная стѣна изъ бревенъ, врытыхъ въ землю стоймя, вплоть одно къ другому; верхніе концы бревенъ были острые, [1] чтобы черезъ нихъ нельзя было перелѣзать. Стѣны этой давно уже нѣтъ.

Когда и какимъ народомъ сдѣланъ этотъ, окружающій городъ, валъ, свѣдѣній нѣтъ. По подобными земляными валами огораживались города издревле. Это дѣлалось въ защиту отъ хищническихъ набѣговъ иноплеменныхъ народовъ. Таковыя огораживанія существовали еще до Несторовой Лѣтописи [2]. Затѣмъ мы видимъ, что гор. Владиміръ на Клязьмѣ укрѣпленъ былъ валомъ немедленно по его построеніи въ первой половинѣ XII вѣка. [3] Около того же времени укрѣплены земляными валами города Ростовъ, Суздаль, Переяславль—Залѣсскій и село Кидекша [4]. Но еще ранѣе, около IX вѣка,

---

[1] Не отсюда—ли слово острогъ?

[2] „Чтенія Исторіи и Древностей Россійскихъ.“ Кн. 3, стр 71.

[3] „Владимірскій Сборникъ.“ К. Тихоправова, стр. 64.

[4] „Исторія Россія,“ Иловайскаго. Т. I, ч. 2, стр. 265, 267, 269.

существовали городки и небольшія селитьбы, окопанныя валомъ и рвомъ. (¹)

„Такіе города", говоритъ г. Иловайскій, „обыкновенно состояли изъ двухъ частей: дѣтинца и острога. Дѣтинецъ, иначе кремль, считался внутреннею частью, хотя онъ рѣдко приходился внутри, а обыкновенно одною или двумя сторонами былъ расположенъ подъ самымъ береговымъ спускомъ. Въ немъ помѣщались соборный храмъ и дворъ князя или посадника, а также дворы нѣкоторыхъ бояръ и духовныхъ лицъ." (²)

Все здѣсь сказанное какъ—бы списано съ положенія гор. Шуи. Въ немъ есть, какъ уже сказано, кремль или дѣтинецъ, окруженный валомъ и рвомъ, въ дѣтинцѣ соборный храмъ и находились дома знаменитыхъ дворянъ, о чемъ будетъ сказано ниже; дѣтинецъ именно двумя сторонами былъ расположенъ надъ самымъ береговымъ спускомъ, довольно возвышеннымъ, къ р. Тезѣ

Къ какому бы періоду времени мы не отнесли обыкновеніе окапывать города валами,—ко времени ли столѣтія IX или къ столѣтію XII,—во всякомъ случаѣ это обыкновеніе очень древнее; слѣдовательно можно считать древнимъ и существующій валъ около города Шуи.

Далѣе пишетъ г. Иловайскій: „Изъ четырехъ значительнѣйшихъ лѣвыхъ притоковъ Клязьмы, каковы Колокша, Нерль, Теза и Лухъ, двѣ послѣднія (рѣки) повидимому еще мало были заселены; можетъ быть

(¹) Тамъ же, стр. 302.

(²) Тамъ же, стр. 304.

на нихъ и встрѣчались укрѣпленныя мѣста, но лѣтописи о томъ не упоминаютъ. *Возможно, что на Тезѣ уже тогда (XII вѣкъ) лежало торговое селеніе или гор. Шуя;* такъ какъ это *единственный* изъ упомянутыхъ притоковъ, способный къ судоходству." ([1])

Почему—же нигдѣ не упоминается положительнымъ образомъ о существованіи Шуи въ древности? Это вопросъ конечно важный. Но не опровергается ли онъ тѣмъ, что въ древности, до Несторовой лѣтописи, исторіи русской не было? Иностранные же историки не могли знать всѣхъ городовъ, находившихся на обширныхъ пространствахъ, занимаемыхъ нынѣ нашимъ отечествомъ.

„Еще въ VI вѣкѣ", пишетъ иностранный историкъ Іорнандъ, „лѣса и болота замѣняли Славянамъ города, т. е. служители имъ вмѣсто укрѣпленій противъ непріятелей." Но это извѣстіе нельзя принимать буквально: уже въ тѣ времена, по всей вѣроятности, были укрѣпленныя поселенія и даже существовали значительные торговые города. Около трехъ столѣтій спустя послѣ Іорнанда, другой латинскій писатель (географъ Баварскій) перечисляетъ славянскія и неславянскія племена, населявшія Восточную Европу и считаетъ у нихъ города десятками и сотнями, такъ что въ сложности получается нѣсколько тысячъ городовъ. Если-бы это извѣстіе и было преувеличено, все--таки оно указы-

---

([1]) Тамъ же, стр. 264.

ваетъ на огромное количество городовъ въ древней Россіи. [1]

Понятно, что насчитывая такое множество городовъ въ Восточной Европѣ, нынѣ Россіи иностранцы не могли знать ихъ наименованій; а если бы даже и могли, то сочли бы за излишній трудъ перечислять ихъ всѣ поименно. Эти два факта, какъ-то: несуществованіе въ древности русской исторіи и неполнота лѣтописей иностранныхъ и могли быть причиною, по которой нигдѣ не упоминается имени г. Шуи до XVI столѣтія.

Если нѣтъ положительныхъ указаній на отдаленную древность существованія города Шуи, которыя желалось бы имѣть, то, по крайности, таковыя есть въ отношеніи къ облегающей его мѣстности.

Въ 1863 году, по назначенію предсѣдателя Императорской археологической коммиссіи гр. Строгонова, покойнымъ К. Н Тихонравовымъ, секретаремъ Владимірскаго Губернскаго Статистическаго Комитета, предпринята была раскопка нѣсколькихъ кургановъ по берегамъ рѣки Уводи, около г. Иваново-Вознесенска, въ которыхъ найдено болѣе *ста* древнихъ предметовъ, какъ то: браслетъ, колецъ, бусъ стеклянныхъ и глиняныхъ, привѣсокъ, пуговицъ съ бубенчиками, топоровъ, ножей и пр. Эти курганы признаны принадлежащими племени Меря. [2] Въ

(1) Тамъ же, стр. 302.

(2) Труды Владимірскаго Губернск. Статист. Ком. вып. VI, 1867 г., стр. 134. По Иловайскому: Меря - вѣтвь племени Чуди въ Суздальской землѣ. Древнее населеніе Ростово—Суздальскаго края составляло финское племя, Меря. - Исторія Россіи, Т. I, ч. 2, стр. 153 и 201.

разстояніи отъ Шуи они находятся не болѣе какъ въ 30 верстахъ. Затѣмъ въ 16 верстахъ отъ Шуи, внизъ по р. Тезѣ, на лѣвомъ ея берегу, находится замѣчательное городище, подъ названіемъ *Ивановское*, окруженное валомъ и рвомъ и заросшее дубовою рощею. На старинномъ кладбищѣ, близъ этого городища, находятъ разныя вещи: серьги, перстни, браслеты, старинныя монеты, имѣющія видъ *треугольника.* ([1])

Неизвѣстно, какому народу принадлежало означенное Ивановское городище. Но судя по найденнымъ въ немъ вещамъ, тожественнымъ съ вышеозначенными и въ особенности по монетѣ трехъугольной формы, каковой въ Россіи никогда не чеканилось, можно предположить, что и это городище осталось послѣ какого либо первобытнаго народа (Меря, Чудь, Весь и пр.) финскаго племени, обитавшаго въ здѣшней мѣстности до возрожденія Русскаго государства.

Если по всему вышеизложенному мы позволимъ себѣ признать, что городъ Шуя, находясь въ странѣ Финновъ, былъ городомъ древнимъ, то возьимѣемъ смѣлость предположить, что онъ могъ быть въ древности городомъ торговымъ, торговавшимъ посредствомъ своей издревле судоходной рѣки Тезы, впадающей въ Клязьму, съ заволжскими Болгарами, а чрезъ послѣднихъ съ восточными народами, въ VII и VIII столѣтіяхъ ([2]) Этому могло способ-

---

([1]) Пространная Географія Россійской Имперіи. Ив. Павловскаго. Изд. 2 е, 1846 г. ч 2, стр. 116.

([2]) ,,Первыя Страницы Русской Исторіи,“ Ж. М. Н. П. 1876 г. Май 10, Іюнь 163.

ствовать то, какъ уже сказано, что судоходная рѣка Теза чрезъ посредство двухъ рѣкъ соединяется съ Волгою, древнѣйшимъ путемъ къ Востоку.

„Бѣ мятежъ великъ и голодъ по всей странѣ (Суздальской), идоша по Волзѣ вси людье въ Болгары, и привезоша жито, и тако ожиша“ Это извѣстіе о торговомъ пути значится подъ 1024 годомъ. (¹)

Г. Щегловъ положительно утверждаетъ, что городъ Муромъ, на Окѣ, имѣлъ торговлю съ Востокомъ. Въ этотъ городъ, который у восточныхъ народовъ именовался *Кутаба, Сунаба*, дѣйствительно ѣздили восточные купцы (²). Это подтверждаютъ и другіе акты. Одинъ изъ нихъ говоритъ, что въ X вѣкѣ Муромъ торговалъ съ заволжскою Болгаріею и чрезъ нее съ Востокомъ чрезъ Оку и Волгу. Онъ былъ главнымъ городомъ народа Мурома, племени финскаго (³).

А торговый характеръ жителей мѣстности, занимаемой нынѣ Владимірской губерніей, къ которой

(¹) Полное Собр. Русск. Лѣтописей. I стр. 64.— Городъ Болгары, столица Болгарскаго царства, находился въ Спасскомъ уѣздѣ, Казанской губерніи, около 123 верстъ отъ Казани, гдѣ нынѣ село Богородицко-Успенское. См. Географію Россіи Павловскаго. Изд. 2, ч. 2 стр. 135.

(²) „Первыя Стран. Русской Исторіи,“ Ж. М. Н. П. 1876 г., Май, 25.

(³) Владимірскій Сборникъ, стр. 80.—По заявленію профессора Аспелина на бывшемъ въ 1890 году VIII Археологическомъ Съѣздѣ въ Москвѣ, найдены въ Муромскомъ уѣздѣ дугообразныя пряжки, оказавшіяся скиоскими издѣліями первыхъ пяти вѣковъ нашей эры.

принадлежитъ Муромъ, весьма извѣстенъ. При суровомъ климатѣ и недостаточно плодородной землѣ жители по необходимости занимались торговыми дѣлами (¹) Этому занятію способствовали обширные лѣса, въ которыхъ водилось много пушнаго звѣря, доставлявшаго дорогіе мѣха, пчелиныхъ ульевъ, дававшихъ изобиліе воска, а рѣки Суздальской области: Клязьма, Нерль и *Теза* снабжали жителей дорогими бобрами. (²) Всѣ эти предметы и были главными отпускными товарами изъ здѣшняго края въ городъ Болгаръ на Волгѣ, какъ главный складочный пунктъ товаровъ, привозимыхъ изъ окрестныхъ странъ (³) Отсюда товары отправлялись на Востокъ въ Хиву (⁴) и другія мѣстности, въ страны мусульманскія и огнепоклонническія прикаспійскаго края. (⁵)

Торговый характеръ жителей здѣшней мѣстности Владимірской губерніи подтверждается и другими фактами. Въ одномъ изъ здѣшнихъ кургановъ первобытнаго племени найдены вѣсы и гири, какъ принадлежность людей торговыхъ. „Присутствіе вѣсовъ и гирь, говоритъ писатель, доказываетъ, что Меря вела

(¹) ,,Пашенъ Руссы не имѣютъ,“ говоритъ одинъ арабскій писатель, ,,а питаются лишь тѣмъ, что привозятъ изъ страны Славянъ. Единственный помыселъ ихъ торговля“ См Первыя страницы Русской Исторіи, г Д Щеглова. Ж. М. Н. П. 1876 г., Май, стр. 44.

(²) Тамъ-же, стр. 22.

(³) Исторія Россіи. Соловьева. Т. I, стр. 150.

(⁴) Исторія Россіи Иловайскаго. Т. I, ч. 2, стр 284.

(⁵) Первыя Стран. Рус. Исторіи. Ж М. Н. П. 1876 г. Май, стр. 10.

торговлю не пассивную, а активную" ([1]). Въ 1853 году покойнымъ К. Н. Тихоправовымъ пріобрѣтена была монета Волжскихъ Болгаръ, битая въ Самаркандѣ по образцу монетъ Бухарскихъ Саманидовъ конца IX или начала X вѣка, найденная близь гор. Вязниковъ. ([2]) Г. Владиміръ, въ древности Володимерь, по изысканію Тихоправова, основанъ не Владиміромъ Мономахомъ, а ранѣе его. „Можно предположить, дополняетъ онъ, что Меряне здѣсь еще въ началѣ VIII вѣка имѣли уже свою главную пристань на рѣкѣ Клязьмѣ, въ которую впадаетъ Суздальская рѣка Нерль, и въ то время начали уже торговать съ Востокомъ. ([3])

Найденные вѣсы и гири, бухарская монета, положительное извѣстіе о торговлѣ Мурома съ Востокомъ и предположеніе, что во Владимірѣ на Клязьмѣ была главная пристань для торговли съ восточными купцами, достаточно убѣждаютъ въ торговой дѣятельности здѣшнихъ жителей во времена отдаленныя. Допустивъ это, мы, кажется, безъ погрѣшности можемъ допустить, что участникомъ этой торговой дѣятельности былъ и городъ Шуя. Такъ какъ рѣка Теза, на которой стоитъ городъ, издревле судоход-

---

([1]) Тамъ же, стр. 38.

([2]) Владимірскій Сборникъ, стр. 22.

([3]) Труды Владимірскаго Губ. Статистическаго комитета. Выпускъ X, 1874 г. Если Владиміръ дѣйствительно основанъ ранѣе Владиміра Мономаха, можетъ быть народомъ Меря, то не отсюда ли онъ получилъ древнее имя Володимерь, т. е. володѣлъ (владѣлъ) Мерью?

ная, впадаетъ въ Клязьму, то восточные народы, проходя Волгу, Оку и Клязьму, на послѣдней, не доходя до Владиміра, главной пристани, неминуемо должны были наталкиваться на рѣку Тезу и по послѣдней могли сворачивать въ Шую и даже съ нѣкоторой выгодой, потому что отъ этого пункта, мѣста впаденія Тезы въ Клязьму, путь до Шуи былъ гораздо короче, чѣмъ до Владиміра; не расторговавшись въ Шуѣ начисто, они безъ большаго ущерба могли изъ Шуи отправляться во Владиміръ.

Это предположеніе тѣмъ болѣе заслуживаетъ вѣроятія, что и въ недавнее время, до устройства дорогъ съ паровыми двигателями этого обыкновенія держались наши купцы, ѣздившіе торговать краснымъ товаромъ по Волгѣ; они ни одного сколь нибудь замѣчательнаго торговаго пункта въ сторонѣ не считали возможнымъ обходить, не поторговавъ; а тѣмъ болѣе восточнымъ народамъ непростительно было не соблюдать этого правила, прибывъ изъ края отдаленнаго, съ большимъ трудомъ, по единственному въ то время пути водному, не дорожить которымъ они немогли при сухопутномъ бездорожьѣ и непроходимыхъ лѣсахъ,—и тѣмъ болѣе не требовавшемъ перевала, волокомъ, къ которому нерѣдко прибѣгали странствующіе торговцы въ необходимыхъ случаяхъ, перетаскивая лодки и товары отъ одной рѣки до другой на себѣ.

Здѣсь, какъ и выше опять можетъ возбудиться вопросъ о неупоминаніи нигдѣ имени города Шуи. Отвѣтъ будетъ тотъ-же, что въ то время русскихъ лѣтописей не было, а иностранныя, преиму-

щественно арабскія, и не полны въ отношеніи здѣшней мѣстности въ обширномъ смыслѣ, и очень неточны. Онѣ извѣстные имъ города нынѣшней Россіи, существовавшіе въ то время, называютъ совсѣмъ не ихъ собственными именами, а своими, вымышленными, согласными съ ихъ языкомъ и понятіемъ. Напримѣръ Тулу, онѣ называютъ Тлавой, (1) Москву—Секау, Волгу—Итиль. (2) А одинъ какой-то городъ столицу Руссовъ, онѣ называютъ столь разно, напримѣръ: Кутаба, Купая, Курбая, Кербая, Керкаяна, Керсабе и пр., такъ что его произносятъ на 24 способа; русскіе-же ученые и по сіе время не знаютъ, что это за городъ (3); а между тѣмъ онъ безспорно существовалъ, что доказывается тѣмъ, что лѣтописи знали о его разстояніи отъ гор. Болгаръ, которое считалось писателями около 500 верстъ воднымъ путемъ, т. е. 20 дневныхъ переходовъ по 25 верстъ, и даже давали нѣкоторыя свѣдѣнія относительно народнаго быта этого города, какъ то, которое сообщено выше, что пашень Руссы не имѣютъ, а питаются лишь тѣмъ, что привозятъ изъ страны Славянъ. Неполнота арабскихъ лѣтописей видна и изъ того, что онѣ ничего не говорятъ о притокахъ Волги, Камѣ и Окѣ, по которымъ несомнѣнно торговцы плавали, а говорятъ лишь объ одной Волгѣ, подразу-

---

(1) Первыя Стран. Русск. Исторіи. Ж. М. Н. П. 1876 г., Май, 24.

(2) Тамъ-же, стр 255, 265, Апрѣль.

(3) Тамъ же, стр. 262, 262.

мѣзая въ этомъ словѣ и притоки ея ([1]), а можетъ быть даже и притоки притоковъ: Клязьму, Нерль и Тезу.

Въ нѣкоторомъ отношеніи Скандинавскія саги полнѣе лѣтописей, какъ русскихъ, такъ и арабскихъ. Первыя знаютъ Ладогу. Ростовъ, Муромъ, Суздаль, Гдовъ и до сихъ поръ не извѣстный намъ какой-то городъ *Сирнесъ*, тогда какъ въ русской лѣтописи Суздаль, Гдовъ и Сирнесъ не значатся, а въ арабской —или тоже не значатся, или значатся совершенно подъ другими именами. ([2])

Жаль, что и Скандинавскія саги очень кратко сообщили о городѣ Сирнесъ. Что это за городъ? Не значился ли подъ этимъ именемъ городъ Шуя, какъ ближайшій городъ къ Суздалю, о которомъ знаютъ и сообщаютъ саги?

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ намъ приходилось называть жителей здѣшней мѣстности, страны Мерянъ, Чуди и другихъ Руссами

Чтобы разъяснить это кажущееся противорѣчіе, нужно вникнуть глубже въ смыслъ лѣтописей.

Русскія лѣтописи говорятъ. „Чудь сотвори Богъ въ Суздальской землѣ.“ Изъ тѣхъ же лѣтописей мы видимъ, что Чудь, Меря, Мурома, Весь и пр. платили дань Руси ([3]) Здѣсь Русь отдѣлена отъ Чуди; слѣдовательно, первая не въ странѣ Суздальской, которая называлась иногда страною Мерянъ Послѣ Ярополка, говоритъ исторія, Мерская земля перешла во власть Юрія Долгорукаго, который избралъ своею

([1]) Тамъ же Май, стр. 15.

([2]) Первыя Стр. Рус. Исторіи. Ж. М. Н П. Іюнь, 209.

([3]) Исторія Россіи Соловьева, Т. I, стр. 87.

резиденціею Суздаль (1). И здѣсь Суздальская страна не именуется русскою. Гдѣ-же исконная, древняя Русь?

„Древняя Русь,“ говоритъ г. Д. Щегловъ, „въ обширномъ смыслѣ, занимала всю страну финскаго племени отъ Наровы до страны Булгаръ и Буртасовъ и до Азовскаго моря, а *Русь въ тѣсномъ смыслѣ — только страну средней Волги и нижней Оки, которая и была первоначальной Русью.*“ (2)

Сѣверная, волжская Русь,—читаемъ далѣе того же автора,—была въ X вѣкѣ независима отъ южной, составляла отдѣльное политическое тѣло. Такимъ образомъ, если Арабы въ X вѣкѣ называютъ страну средней Волги Русью и жителей ея Русью, то это не потому, чтобы жители ея были обрусѣвшіе Финны, и не потому, чтобы она принадлежала южнымъ русскимъ князьямъ (ни того ни другаго не было), а потому, что въ X и XI вѣкахъ здѣсь *жили Руссы, была Русь*. Это было ея генерическое, этническое имя не занятое ею ни откуда, такъ какъ въ Скандинавіи никогда, а на среднемъ Днѣпрѣ до конца IX вѣка, такой страны не было (3).

Графъ Уваровъ, неутомимый археологъ, раскопавшій тысячи кургановъ во Владимірской губерніи, пришелъ къ тому убѣжденію, что, во первыхъ, курганы эти принадлежали Мери, обитавшей на средней Волгѣ въ VII, VIII, IX и X вѣкахъ, во вторыхъ, что эту Мерю видѣли и знали арабскіе путешественники и географы, и называли ее Русью (4). По мнѣнію этого

---

(1) Первыя Стр. Рус. Исторіи. Ж. М. Н. П. Іюнь, 209. 1876 г., Май, 61.

(2) Тамъ-же, Іюнь, 201.

(3) Тамъ-же, Май, 68.

(4) Тамъ-же, стр. 34.

же археолога, Арабы подъ именемъ Руси, разумѣли всѣхъ иностранцевъ, приходившихъ изъ Руси торговать въ Болгарахъ, не обращая при этомъ никакого вниманія на племенные оттѣнки. Варягъ, Славянинъ или обрусѣвшій Финнъ (Меря, Мурома, Весь, и пр.) были для Арабовъ всѣ безъ исключенія Руссы (1).

Существованіе этой Руси авторъ относитъ ко времени дорюриковской эпохи, ранѣе выселенія Славянъ съ Дуная (2) и ранѣе, чѣмъ присвоено имя Руси Кіеву, къ началу XII вѣка (3).

Далѣе мы читаемъ сообщеніе профессора Хвольсона, изложенное имъ на VIII Археологическомъ Съѣздѣ, бывшемъ въ Москвѣ, въ январѣ 1890 года: „Русскіе купцы плавали по Дону, Волгѣ и Каспійскому морю *до прибытія князей въ Россію*. Руссы жили тогда по обоимъ берегамъ Волги. Они составляли многочисленный народъ, состоящій изъ *разныхъ народностей*. Имя Русь не можетъ быть обязано своимъ происхожденіемъ Норманамъ."

Почти тоже пишетъ и Д. И. Иловайскій, что Русскіе купцы въ IX вѣкѣ ѣздили въ Азію и торговали въ Багдадѣ. Русь и Варяги два разные народа одновременно (4).

Изъ всего этого мы видимъ, что древняя Русь была не въ здѣшней мѣстности, странѣ Мерской, Суздальской области, а лишь въ сосѣдствѣ съ ней; что она существовала до прибытія князей варяжскихъ въ область Новгородскую, если только оно было; что Русь и Варяги два народа разные, жившіе одновременно

(1) Тамъ-же, стр. 47.

(2) Тамъ-же, іюнь, 196 и 197.

(3) Тамъ-же, Апрѣль, 236.

(4) Историческая Археологическая поправка. Моск. Вѣд. 1890 г. № 22.

Отсюда видно, что Русь существовала отдѣльно, какъ отъ племенъ Чуди, Меря, Мурома, такъ и отъ пришельцевъ Варяговъ; между тѣмъ древнія лѣтописи часто смѣшиваютъ эти народы воедино и именуютъ Чудь—Русью, Мерю—Руссами, ([1]) Русь—Чудью, ([2]) вообще въ лѣтописяхъ чрезвычайно сбивчивы наименованія народовъ, что крайне затрудняетъ изученіе исторіи въ частностяхъ Эта сбивчивость происходитъ частію отъ единоплеменности этихъ и нѣкоторыхъ другихъ ближайшихъ къ нимъ народовъ, какъ вѣтвей обширнаго племени финскаго въ послѣдствіи ославянившагося ([3]) и частію отъ несогласія между собой нашихъ историковъ относительно происхожденія Русскаго государства, раздѣлившихся на сѣверо-норманскихъ и южно-кіевскихъ.

Понятно, что древняя Русь съ соплеменными ей народами была языческою; въ этомъ, конечно, не можетъ быть и сомнѣнія по ихъ древности. Но раскопки кургановъ между Волгой и Окой показали замѣчательный фактъ, до тѣхъ поръ даже неподозрѣваемый историками: во многихъ курганахъ покойники найдены погребенными по христіанскому обычаю, лицомъ на востокъ, и кромѣ того, найдены предметы, показывающіе, что покойники принадлежали къ христіанской вѣрѣ крестики, образки и. т п. Время этихъ кургановъ относится къ VIII—XI вѣкамъ ([4]).

Это открытіе показываетъ, что между древнѣйшими не славянскими Руссами были христіане, хотя, мо-

---

([1]) Перв. Стран. Русск. Исторіи Ж. М. Н. П., 1876 г. Май, 11. 34, 35, 47.

([2]) Исторія Россіи Иловайскаго, Т I, ч. 2, стр. 152.

([3]) Перв. Стран. Русск. Ист. Ж. М. Н. П., 1876 г. Мвй, стр. 68.

([4]) Тамъ-же, Іюнь, стр. 179—183.

жетъ быть, они исповѣдывали свою религію тайно. При томъ найдено, что древніе Руссы имѣли свои письмена. Этими письменами они писали по мягкому дереву, а иногда вырѣзывали ихъ на немъ. Эти письмена извѣстны были въ IX вѣкѣ, и Святой Кириллъ могъ видѣть евангеліе и псалтирь, писанные русскими письменами, „роушькими письмены." (¹)

О письмѣ Руссовъ на деревѣ сообщаетъ арабскій писатель Эль Надимъ. Онъ самъ видѣлъ кусокъ дерева, на которомъ были вырѣзаны письмена, изображеніе коихъ онъ даже и представляетъ.

Къ этому г. Щегловъ добавляетъ: „Быть можетъ кусокъ дерева, видѣнный Эль-Надимомъ, былъ даже не деревомъ, а корой его, лубкомъ. Эль-Надимъ Арабъ, незнакомый съ деревьями сѣвера, могъ принять лубокъ за самое дерево. При разсказѣ Эль-Надима невольно приходитъ на умъ суздальское лубочное печатаніе изображеній и даже книгъ. Откуда ведетъ свое начало это печатаніе, это вырѣзываніе буквъ и изображеній на лубкахъ? Не восходитъ ли оно къ такому-же вырѣзыванію Руссовъ, древнихъ обитателей страны? Извѣстно, что спеціальности въ промышленности нерѣдко восходятъ къ глубокой древности" (²) Далѣе г. Щегловъ пишетъ, что имя Россіи (Волжской) употреблялось жителями ея раньше періода времени извѣстнаго нашему лѣтописцу (Нестору), который ничего не знаетъ о томъ времени, когда въ Ладогѣ были собственные государи, что на берегу Ладожскаго озера существуетъ село Бѣлый—Костеръ. Костеръ на языкѣ офеней значитъ городъ. Языкъ офеней, равно какъ и ихъ торговля, повидимому

(¹) Тамъ же Іюнь, стр. 176, 181.

(²) Тамъ-же, стр. 181.

служать остатками языка и торговли древнихъ Руссовъ. (¹)

И лубочныя картины, и изображенія, и языкъ офеней, какъ спеціальныя занятія жителей Владимірской губерніи, образовавшейся изъ первобытныхъ народностей земли Ростово-Суздальской, Руссовъ, въ общемъ смыслѣ, только подтверждаютъ сказанное о древности здѣшней страны, отдаляющейся ко времени, предшествовавшему основанію Русскаго государства, еще не ославянившейся и не обрусѣвшей. Когда же произошло нашествіе сюда народа славянскаго, и поглощеніе имъ древняго племени Руссовъ?

Славянское племя пришло въ Европу изъ Азіи, но времени этого прихода оно не помнитъ, сохранило лишь преданіе о своемъ первоначальномъ пребываніи на Дунаѣ. У нашего русскаго лѣтописца мы читаемъ, что „спустя много времени послѣ Вавилонскаго столпотворенія сѣли Славяне по Дунаю, гдѣ теперь земля Венгерская и Болгарская. Отъ этихъ Славянъ разошлись по землѣ племена и прозвались своими именами, гдѣ какое племя сѣло на какомъ мѣстѣ". (²) Далѣе читаемъ, „что восточная отрасль Славянъ, т. е. Хорваты Бѣлые, Сербы и Харутане, будучи потѣснены врагомъ, двинулись на сѣверовостокъ, и одни сѣли по Днѣпру и назывались Полянами, а другіе Древлянами, потому что сѣли въ лѣсахъ. Часть Славянъ сѣла около озера Ильменя и прозвалась своимъ именемъ — Славянами. эти Славяне построили городъ и назвали его Новгородомъ У Полянъ было свое княженіе, у Древлянъ свое, у Славянъ свое въ Новгородѣ." Далѣе лѣтописецъ, го-

---

(¹) Тамъ-же, стр. 205.

(²) Исторія Россіи Соловьева. Т. I, стр. 42.

воря о Полянахъ и Древлянахъ, что они племени славянскаго, прибавляетъ еще Родимичей и Вятичей, которые происходятъ отъ Ляховъ, т. е отъ западныхъ Славянъ: „были два брата въ Ляхахъ, Родимъ и Вятко; Родимъ пришелъ и сѣлъ съ родомъ своимъ на рѣкѣ Сожѣ, а Вятко на Окѣ. (1)

Къ сожалѣнію, лѣтописецъ не сообщаетъ,—въ какое время, въ какомъ столѣтіи славянинъ Вятко сѣлъ на Окѣ; не видно этого и изъ другихъ источниковъ. Выселеніе же Славянъ съ Дуная въ Россію относятъ нѣкоторые писатели къ половинѣ VII вѣка. Трудно думать, говоритъ историкъ, чтобы раньше чѣмъ въ сто лѣтъ, съ Дуная они могли достигнуть до береговъ Ильменя, стало быть поселеніе ихъ въ этой странѣ не можетъ быть ранѣе половины VIII вѣка, а по всей вѣроятности его нужно отодвинуть и еще на полстолѣтіе, такъ что появленіе Славянъ въ странѣ Приильменской (при озерѣ Ильменѣ), по всей вѣроятности не восходитъ далѣе начала IX вѣка (2) Что же относится до поселенія Славянъ на Волгѣ, то одинъ писатель находитъ, что они не являлись тамъ и въ IX вѣкѣ (3) Даже въ 944 году, при Игорѣ, сѣверная Русь была еще не ославянившеюся и строго отличалась отъ Славянъ. (4). То же мы видимъ и при Владимірѣ. У него были подданные и Славяне, и Финны. Этимъ только и можно объяснить, почему онъ набиралъ лучшихъ людей въ города не только отъ Славянъ, Кривичей, Вятичей, но и отъ Чуди. Дѣло шло о защитѣ государства.

(1) Тамъ-же, стр. 45.

(2) Первыя Стран. Русск. Исторіи, Щеглова Ж. М Н. П. 1876 г. Іюнь, стр. 197.

(3) Тамъ-же Апрѣль, стр. 255.

(4) Тамъ-же. Май, стр. 48.

Государство это началось въ Чудской странѣ, и въ столѣтній періодъ времени отъ Олега до крещенія Руси еще не получило вполнѣ преобладающаго славянскаго характера. Славянскій элементъ получилъ окончательное преобладаніе только тогда, когда въ новокрещенную южную Русь принесены были славянскія церковныя книги, и отсюда распространились на всѣ части государства, какъ славянскія, такъ и финскія. Съ того времени, то есть послѣ Владиміра, начинается построеніе южными князьями городовъ въ Мерской землѣ. Съ этого времени вступили между собою въ соперничество древняя Русь Ибнъ—Фодланда и Ибнъ—Дасты, (1) волжко Камская, и новая Русь—Кіевская. Ярославъ, по всей вѣроятности, не имѣлъ ничего общаго съ древнею Русью (Финскою). Онъ уже сознавалъ себя русскимъ въ томъ смыслѣ, какъ теперь мы сознаемъ себя русскими. Уже для него Русь была безповоротно Славянскимъ государствомъ и интересы славянской Руси были единственными государственными интересами. Слѣдствіемъ этого и было то, что онъ рѣшился взять въ свои руки Мерскую землю уже не добромъ, а силою, для чего и былъ построенъ Ярославль, какъ городъ оплота. Юрій Долгорукій еще съ большими усиліями старался укрѣпиться въ Мерской землѣ, чѣмъ Ярославъ. Онъ уже не довольствовался постройкою въ ней новыхъ городовъ. Онъ переселилъ въ нее колонистовъ—Славянъ. Въ славянствѣ, думалъ онъ найдти опору противъ мѣстной народности, и, судя по всему, не ошибся. Въ то же время Юрій старался сломить силу и мѣстныхъ старыхъ родовъ, по всей вѣроятности, происходившихъ отъ древняго

(1) Арабскіе писатели IX вѣка.

рода *князей мерскихъ*, одинъ изъ которыхъ княжилъ въ Ростовѣ при Ольгѣ. Въ Ростово-Суздальской землѣ дѣйствительно былъ силенъ элементъ земскихъ владѣльцевъ, самостоятельный, опиравшійся на собственныя силы Однимъ изъ такихъ мѣстныхъ владѣльцевъ былъ Кучка, владѣлецъ Москвы Быть можетъ, Кучка и былъ представителемъ правъ древнихъ мерскихъ князей. (¹)

Выше мы видѣли, что Юрій Долгорукій занялъ Мерскую землю и резиденціею своею избралъ Суздаль Здѣсь-же говорится, что онъ переселялъ въ Мерскую землю колонистовъ славянъ, можно полагать, съ тою цѣлію, чтобы ославянить край, побѣдить строптивую Мерь и подчинить ее своей власти. Этого онъ достигъ Суздальское княжество усилилось. Ему подчинился гор. Владиміръ, и владѣніе Юрія расширилось до предѣловъ княжества Рязанскаго. Построивъ гор. Москву, въ послѣдствіи столицу Іоанна Калиты, (²) онъ еще болѣе упрочилъ свою власть, и

(¹) Первыя Стран. Русской Исторіи, г. Щеглова. Ж. М. Н. П. 1876 г., Май, 65

(²) Исторія Россіи Иловайскаго Т. I, ч. 2, стр. 272. Здѣсь сказано, что Москву построилъ Юрій Долгорукій, а выше мы видѣли, что Москвою владѣлъ бояринъ Кучка ранѣе Юрія. Чтобы согласить эти разнорѣчія, можно предположить, что Юрій не снова построилъ Москву, а только перестроилъ или устроилъ ее. Существованіе ея до Юрія доказывается тѣмъ, что при рытіи фундамента для храма Христа Спасителя найденъ былъ въ землѣ кладъ съ древними арабскими монетами, изъ которыхъ одна относилась къ 862, а другая къ 866 годамъ. Кромѣ того Юрій взялъ дочь Кучки за своего сына Андрея. Это опять можетъ служить доказательствомъ, что Кучка былъ не простымъ

страна, залегающая между Клязьмой и сѣвернымъ загибомъ Волги, послужила *колыбелью* той Ростово—Суздальской народности, которая впослѣдствіи сдѣлалась извѣстна подъ именемъ Великой Россіи. ([1])

Такимъ образомъ мы узнаемъ, что лишь послѣ Св. Владиміра въ Чудской странѣ, Ростово—Суздальской, сталъ преобладать элементъ славянскій, и только при Ярославлѣ эта древняя Русь сдѣлалась безповоротно Славянскимъ государствомъ.

Возвеличивъ Суздаль, сдѣлавъ его резиденціею, расширивъ суздальское владѣніе до Москвы рѣки и устроивъ на берегахъ ея городъ Москву, Юрій Владиміровичъ Долгорукій обратилъ свою силу на престольный городъ Кіевъ, княженіе его отца Владиміра Мономаха и послѣ него, въ теченіи 29 лѣтъ, занятаго нѣсколькими великими князьями. Подходя къ Кіеву, Юрій послалъ сказать кіевскому князю Изяславу Давидовичу Черниговскому: „Кіевъ мнѣ отчина, а не тебѣ." Изяславъ не посмѣлъ сопротивляться, и удалился въ Черниговъ. Юрій, столь долго стремившійся въ Кіевъ, занялъ его въ 1155 году послѣ двухъ неудачныхъ попытокъ. Но и это торжество Юрія Долгорукаго продолжалось не долго. Въ званіи великаго князя Кіевскаго онъ прожилъ всего два года, скончавшись въ 1157 году. Его похоронили въ церкви св. Спаса на Берестовѣ, гдѣ былъ загородный княжій домъ. ([2])

бояриномъ а владѣтельнымъ княземъ. Убійство самаго Кучки и переселеніе его дѣтей ко двору Юрія даетъ мысль, что это сдѣлано съ цѣлію, чтобы присвоить себѣ Москву, владѣніе Кучки. См. Ж. М. Н. П. Май. стр. 64.

([1]) Тамъ-же, стр. 256.

([2]) Исторія Россіи Иловайскаго. Т. I, ч. I, стр. 242.

Сынъ Юрія, Андрей Юрьевичъ, не пожелалъ сѣсть на великокняжескій престолъ Кіевскій. Кіевляне не полюбились ему своими смутами, безпокойствомъ и распрями съ своими князьями. Онъ отдалъ Кіевъ своему брату Глѣбу, а самъ сѣлъ во Владимірѣ на Клязьмѣ, (¹) городѣ „плотниковъ и каменщиковъ", по словамъ Суздальцевъ, бывшемъ пригородѣ Суздаля. Съ этого времени Владиміръ сдѣлался столицею Русскихъ Великихъ Князей, а Суздаль сталъ упадать. Въ настоящее время послѣдній составляетъ захудалый уѣздный городокъ Велѣдъ затѣмъ Владимірцы подчинили себѣ и древній Ростовъ, бывшій ихъ старшій городъ съ древнихъ временъ. Въ послѣдствіи подъ власть Владимірцевъ подпалъ и Великій — Новгородъ со своими вольностями и вѣчевымъ колоколомъ. Для управленія этимъ городомъ Владимірскіе Великіе Князья посылали туда своихъ сыновей, племянниковъ или намѣстниковъ, (²) въ ихъ же владѣніи находился и удѣльный городъ Москва.

Торжество Владиміра на Клязьмѣ, какъ столицы Русскихъ великихъ князей, продолжалось около 170 лѣтъ. Великихъ князей въ немъ княжило въ продолженіе этого періода пятнадцать. Въ числѣ ихъ былъ знаменитый князь, побѣдитель Шведовъ, Александръ Невскій. Имѣя Москву подъ своею властію, онъ отдалъ ее въ удѣлъ своему младшему сыну Даніилу Александровичу. Даніилъ, умный и дѣятельный князь, возвысилъ Московское княженіе (³). Онъ скончался въ 1304 году. Послѣ него осталось пять сыновей. Старшій изъ нихъ Юрій Даниловичъ завялъ

(¹) Тамъ же, стр. 254.

(²) Исторія Россіи, Иловайскаго. Т. I, ч. 2, стр. 431.

(³) Тамъ-же, Т. II, стр. 4.

Московскій столъ, какъ *удѣльный*. Къ нему присоединилъ онъ Можайскій удѣлъ, отбивъ отъ Смоленской области. Пріобрѣтеніе Можайской волости было третьимъ важнымъ промысломъ послѣ Коломны и Переяславля: оно округляло Московскія владѣнія съ запада. Такимъ образомъ Юрій Даниловичъ сдѣлался едвали не сильнѣйшимъ княземъ сѣверо восточной Руси; но уже въ самомъ началѣ своего княженія онъ заявляетъ не одну энергію, а также и жестокость своего характера. Такъ онъ велѣлъ убить Рязанскаго князя Константина Романовича. (1) Затѣмъ онъ затѣялъ войну съ Тверскимъ княземъ и въ отсутствіе его занялъ столъ Новгородскій, изгнавъ тверскихъ намѣстниковъ. За это его вызвали въ Орду по требованію Узбека. Здѣсь онъ пробылъ почти два года и сумѣлъ войти въ милость къ хану Узбеку. Будучи вдовымъ, онъ женился на ханской сестрѣ Кончакѣ, принявшей въ крещеніи имя Агафіи, и затѣмъ получилъ ярлыкъ на *великокняжеское* достоинство, Владимірское. Чрезъ нѣсколько времени онъ, за его жестокость, былъ убитъ Тверскимъ княземъ въ 1324 году. (2)

Послѣ него занялъ Московскій столъ братъ Юрія Иванъ Даниловичъ Калита, второй внукъ Александра Невскаго, удѣльный князь Переяславля, но последніе свои годы, проводившій преимущественно въ ~~Новгородѣ~~ Москвѣ. Затѣмъ въ 1328 году онъ отправился въ Орду и получилъ отъ хана ярлыкъ на великое княженіе Владимірское. (3)

---

(1) Тамъ-же, Т. II, стр. 4.
(2) Тамъ-же, стр. 19.
(3) Тамъ-же, стр. 22.

Получивъ великокняжескій престолъ, бывшій, какъ сказано выше, во Владимірѣ, Иванъ Даниловичъ не переставалъ жить въ своемъ городѣ Москвѣ и, такимъ образомъ, великокняжескій престолъ Владимірскій *перешелъ въ Москву*, а Владиміръ утратилъ имя столицы великихъ князей, что и было причиною его упадка до незначительнаго губернскаго города, хотя и знаменитаго своими князьями, потомки которыхъ возвеличили Москву, а съ нею и все Русское Государство.

Прослѣдивъ исторію рода великихъ князей Кіевскихъ со времени Владиміра Всеволодовича Мономаха, можно видѣть, что онъ перешелъ изъ Кіева въ Суздаль (Юрій Владиміровичъ), изъ Суздаля во Владиміръ, изъ Владиміра въ Москву (Іоаннъ Калита) и здѣсь закончилъ свое существованіе въ лицѣ царевича Дмитрія Іоанновича, убитаго въ Угличѣ.

Мы видѣли также, что Мерская земля — земля народовъ племени не славянскаго — стала колыбелью нашего обширнаго государства Россіи и, что ославянилась она отъ нашествія племени Славянъ при Ярославѣ Владиміровичѣ въ началѣ XI вѣка; но не видѣли еще, когда она просвѣтилась свѣтомъ евангельскаго ученія.

Правда, выше было замѣчено, что во многихъ курганахъ здѣшняго края покойники найдены погребенными по христіанскому обычаю и кромѣ того найдены предметы показывающіе, что покойники принадлежали къ христіанской вѣрѣ: крестики, образки и. т. п., но эти доказательства, относящіяся ко времени VIII — XI столѣтій, могутъ убѣдить насъ только развѣ въ зачаткахъ христіанства, по всей

вѣроятности, исповѣдуемаго тайно; въ массѣ же народъ оставался язычниками.

Начало прочнаго введенія христіанства въ здѣшнемъ краѣ положено во времена Владиміра и Ярослава. Но и въ это время утвержденіе христіанской вѣры встрѣчало здѣсь тѣ-же или еще большія препятствія, чѣмъ въ Новгородской землѣ, со стороны какъ русскаго, такъ и особенно финскаго населенія. Лѣтопись не однократно повѣствуетъ о мятежахъ, произведенныхъ языческими волхвами, которымъ не разъ удавалось возвращать къ старой религіи многихъ жителей, уже принявшихъ крещеніе. ([1]) Ростовскіе язычники до того озлобились противъ христіанскаго ученія, что умертвили своего епископа Леонтія въ XI вѣкѣ. Слѣдующій за нимъ епископъ Исаія ходилъ по Суздальской землѣ съ своею проповѣдію, укрѣплялъ въ вѣрѣ вновь крещеныхъ, обращалъ язычниковъ, сожигалъ ихъ требища и строилъ христіанскіе храмы. Ему помогалъ Владиміръ Мономахъ во время своихъ поѣздокъ въ ростовскую землю. Одновременно съ Исаіей подвизался и третій свѣтильникъ Ростовскаго края, св. Авраамій. Въ его время, въ Ростовѣ, жители „Чудскаго конца" еще покланялись каменному идолу Велеса. Авраамій жезломъ своимъ разрушилъ этого идола а на мѣстѣ его основалъ первый Ростовскій монастырь въ честь Богоявленія. Только со времени Юрія Долгорукаго, т. е. съ тѣхъ поръ, какъ князь и его дружина утвердили здѣсь, въ Суздалѣ, свое пребы-

([1]) Истор. Росс. Иловайскаго Т. I, ч. 2, стр. 207.

ваніе, мы видимъ, что православіе сдѣлалось господствующимъ въ этомъ краѣ. (1)

Но и Юрію Долгорукому не малыхъ трудовъ стоило введеніе здѣсь христіанства. Язычники упорно противились. Когда же ихъ понуждали, то, какъ говоритъ преданіе, часть изъ нихъ, наиболѣе фанатическая, удалилась изъ страны далѣе внизъ по Волгѣ и тамъ образовала черемисскую народность или смѣшалась съ нею. (2) Въ одной не напечатанной космографіи XVII вѣка значится: „Черемисы, зовомая Отяки, тоже глаголются ростовская чернь забѣгшихъ тоже отъ рускаго крещенія и вселившимъ имъ въ болгарскихъ жилищъ.“ (3)

Какъ ни трудно было введеніе здѣсь христіанства, но оно введено и утвердилось. Первыми святыми изъ Русскихъ христіанъ были дѣти св. Владиміра, два брата, Борисъ князь Ростовскій и Глѣбъ князь Муромскій, убіенные въ 1016 году ихъ братомъ Святополкомъ (Окаяннымъ), великимъ княземъ Кіевскимъ, сыномъ св. Владиміра отъ полу-законной его жены гречанки, взятой имъ за себя послѣ его брата Ярополка (милостиваго), убитаго измѣннически. Они еще прежде отца своего торжественно причтены къ лику святыхъ изволеніемъ русскихъ князей и греко русскихъ іерарховъ. (4)

---

(1) Тамъ-же, Т. I, ч. 2 стр. 209.

(2) Перв. Стран. Русск. Исторій, Щеглова. Ж. М. Н. П. Май, 65.

(3) Корсаковъ. Меря, стр. 31.

(4) Исторія Россіи Иловайскаго. Т. I. ч. 1, стр, 75, 90, 150. Замѣчательно, что при Шуйской старинной Крестовоздвиженской церкви, время начальнаго осно-

Намъ уже извѣстно, что городъ Суздаль въ XII столѣтіи сдѣлался резиденціею великаго князя Юрія Долгорукаго и несомнѣнно, кромѣ, зависимыхъ отъ него, Новгорода и Москвы, имѣлъ и другіе удѣльные города въ особенности въ ближайшей къ нему мѣстности. Выше было сказано, что „Юрій, вводя въ страну колонистовъ славянъ, надѣялся найти въ нихъ опору противъ мѣстной народности. Онъ старался сломить силу *мѣстныхъ старыхъ родовъ*, происходившихъ отъ древняго рода *князей Мерскихъ*, одинъ изъ которыхъ княжилъ въ Ростовѣ еще при Ольгѣ. Въ Ростово-Суздальской землѣ дѣйствительно былъ силенъ элементъ земскихъ владѣльцевъ самостоятельный, опиравшійся на собственныя силы.“ (Иловайскій).

Обративъ вниманіе на сказанное нашимъ историкомъ о мѣстныхъ старыхъ родахъ, происходившихъ отъ древняго рода князей Мерскихъ, естественно возбудится вопросъ: что это за князья Мерскіе, гдѣ они княжили? Въ Мерской землѣ такихъ городовъ нѣтъ, кромѣ развѣ одной Шуи, да Ростова. Но послѣдній къ этому разряду не подходитъ. Можно предположить, что эти города, въ ко-

ванія которой не извѣстно, есть придѣлъ св. мучениковъ Бориса и Глѣба и даже самая церковь въ старину именовалась Борисоглѣбскою. Почему въ ихъ честь была основана эта церковь? Не современно-ли основаніе ея страдальческой смерти св. мучениковъ Бориса и Глѣба? Не подъ свѣжимъ ли впечатлѣніемъ ихъ страданія и потомъ причисленія къ лику святыхъ она была основана, какъ, напримѣръ, былъ устроенъ въ 1833 году при соборной церкви придѣлъ св. Митрофанія?

торыхъ княжили Мерскіе князья, нынѣ уже въ развалинахъ, и слывутъ подъ именемъ городищъ, городковъ, городцевъ. Такихъ развалинъ, бывшихъ населенными мѣстностями, во Владимірской губерніи уцѣлѣло до сихъ поръ 19. При многихъ изъ нихъ хорошо сохранились остатки древнихъ укрѣпленій, иногда поражающихъ грандіозностью своихъ размѣровъ. Таковы, напримѣръ, остатки въ 45 верстахъ отъ Владиміра при селѣ Осовцѣ, на берегу Клязьмы. Здѣсь еще цѣлы валъ и ровъ въ семь саженъ глубины. (1)

Если основательно предположеніе, что въ этихъ населеніяхъ, слывущихъ нынѣ подъ именемъ городищъ, городковъ, городцевъ, жили князья Мерскіе, то столь-же основательно предположить, что и Шуя могла быть мѣстомъ пребыванія какого либо изъ этихъ князей. Правда, она въ историческихъ актахъ того времени не упоминается, но вѣдь также не упоминаются имена и всѣхъ поименованныхъ населеній, находящихся нынѣ въ развалинахъ, а князья гдѣ нибудь да жили-же; слѣдовательно эта причина для опроверженія даннаго предположенія не существенна. Этому виной неполнота нашихъ древнихъ лѣтописей, которая неоспорима. Тѣмъ болѣе это предположеніе имѣетъ значеніе, что изъ позднѣйшей исторіи, мы видимъ Шую резиденціею удѣльныхъ князей, именно князей Шуйскихъ, получившихъ отъ Шуи и свое прозвище.

Въ полномъ географическо-историческомъ словарѣ Щекотова говорится, что Шуя во время раз-

(1) „Перв. Стран. Рус. Исторіи", Щеглова Ж. М. Н. П. Май, стр. 12.

дѣленія Руси на части состояла въ княжествѣ Ростовскомъ, а потомъ въ Суздальскомъ и Владимірскомъ и, что, по многочисленности своей, потомки князей Суздальскихъ должны были раздѣлиться на множество колѣнъ, изъ коихъ одни, получивъ въ удѣлъ Шую, стали именоваться князьями Шуйскими.

Другой историкъ, Устряловъ, пишетъ нѣсколько иначе. Въ родословной таблицѣ князей Шуйскихъ онъ производитъ ихъ отъ Суздальскаго князя Василія Кирдяпы (1403 г.) и отъ его сына Юрія. Отъ сего послѣдняго былъ сынъ Василій; онъ то первый въ XV вѣкѣ и сталъ называться княземъ *Шуйскимъ*. Отъ Василія Юрьевича уже въ пятомъ колѣнѣ произошелъ царь Василій Ивановичъ Шуйскій и его братья Иванъ и Дмитрій Ивановичи. (1)

Но почему же Василій Юрьевичъ сталъ называться Шуйскимъ? Вѣроятно Шуя отдана была ему въ удѣлъ, какъ значится у Щекотова.

У Иловайскаго читаемъ, что въ Новгородѣ оставался отъ Московскаго князя служилый князь Василій Шуйскій—Гребенка, потомокъ князей Суздальскихъ, лишенныхъ удѣла. (2)

И здѣсь значится, что Шуйскіе князья были удѣльными и, конечно, какъ владѣльцы Шуи.

Если Шуя въ позднѣйшее время имѣла своихъ удѣльныхъ князей, то легко допустить, что и въ древнее время она могла имѣть таковыхъ изъ рода князей Мерскихъ. (3)

(1) „Описаніе города Шуи„ В. Борисова, стр. 4.

(2) Исторія Россіи. Т. II, стр. 442.

(3) Но если доказательства мои для признанія за г. Шуей глубокой древности, восходящей до князей Мер-

Князья Шуйскіе, какъ владѣвшіе Шуей на правахъ удѣльнаго обычая, понятно, должны были и проживать въ Шуѣ. Этому есть и доказательства, хотя эти доказательства не очень древнія, не относятся ко времени ранѣе начала XVI столѣтія.

По описи Шуи этого времени значится, что въ ней были слѣдующіе дома лицъ замѣчательныхъ въ нашей исторіи: княгини Марьи Ивановны Барятинской, Данила Семеновича Змѣева, боярина Димитрія Мамстрюковича Черкасскаго, стольника князя Григорья Семеновича Куракина, боярина князя Ивана Борисовича Черкасскаго, боярина князя Димитрія Михайловича Пожарскаго, Ивана Гавриловича Коробьина, Василія Семеновича Собакина, Григорья и Луки Болотниковыхъ, князя Ивана Ивановича Гундорова, княгини Анисьи Петровны *Скопиной Шуйской*, князя *Ивана Ивановича Шуйскаго* (1629 г.) и нѣкоторыхъ другихъ. Всѣ эти дома названы въ описи *осадными*, это означало что они находились въ кремлѣ, окруженные земляньмъ валомъ и выдерживали осаду. ([1])

Наибольшее вниманіе обращаютъ на себя дома: князя Димитрія Михайловича Пожарскаго, одного изъ первыхъ дѣятелей, послужившихъ къ спасенію

скихъ, окажутся слабыми, то фактъ существованія въ XV вѣкѣ рода князей Шуйскихъ, получившихъ отъ Шуи свое наименованіе, естественно, долженъ допустить и фактъ существованія г. Шуи, и, конечно, болѣе отдаленнаго, чѣмъ вѣкъ XV. Такимъ образомъ *исторически* доказывается, что г. Шуя существуетъ болѣе 500 лѣтъ.

([1]) Описаніе г. Шуи. В. Борисова, стр. 34.

Россіи отъ Поляковъ въ трудное время междуцарствія, Василія Семеновича Собакина, тестя царя Іоанна Васильевича Грознаго, Новгородскаго купца, возведеннаго въ званіе боярина, послѣ того, какъ Грозный женился на дочери его Мароѣ Васильевнѣ въ 1571 году, княгини Скопиной—Шуйской и, наконецъ, князя Ивана Ивановича Шуйскаго. Послѣдніе два дома положительно доказываютъ, что князья Шуйскіе имѣли пребываніе въ Шуѣ.

Въ описи не говорится, проживали ли князья Шуйскіе въ Шуѣ въ данное время. Можетъ быть они отлучались иногда и въ загородные дома. Г. Иловайскій въ исторіи Россіи (Т. I, ч. 2, 105) говоритъ, что прежніе князья любили жить въ загородныхъ домахъ. Загородное житье привлекало ихъ не однимъ чистымъ воздухомъ, просторомъ и хозяйственными удобствами, но и нѣкоторымъ отдаленіемъ отъ строптивой городской черни. Въ недальнемъ разстояніи отъ Шуи есть село Мельничное. Оно прежде принадлежало князьямъ Шуйскимъ. Можно предположить, что въ немъ былъ таковой загородный домъ, ибо мѣстоположеніе села, на возвышенномъ берегу рѣки Сехи, очень прекрасное, откуда Шуя видима вся какъ на ладони. Затѣмъ въ недальнемъ же разстояніи отъ Шуи есть деревня Княжево. Откуда получила она свое названіе? Не было-ли и здѣсь дома княжьяго?

Но здѣсь является вопросъ. Князей Ивановъ Ивановичей Шуйскихъ было два: одинъ братъ царя Василія, бывшій съ нимъ въ польскомъ плѣну и возвратившійся въ отечество, другой по повелѣнію Годунова убитъ въ Шуѣ въ 1589 году, какъ ува-

димъ ниже, — то не извѣстно, которому изъ нихъ принадлежалъ домъ, значащійся въ описи г. Шуи. Вопросъ остается не разрѣшеннымъ.

Въ XVI вѣкѣ родъ князей Шуйскихъ значительно распространился и, вслѣдствіе того, что происходилъ отъ владѣтельныхъ великихъ князей Рюриковичей, — какъ обыкновенно пишется историками *норманской теоріи*, хотя Рюрика по послѣднимъ изысканіямъ вовсе и не было, — имѣлъ въ государственномъ управленіи того времени большую силу. Въ числѣ главныхъ тогдашнихъ правителей мы насчитываемъ пятнадцать князей Шуйскихъ. Въ особенности сильны были они въ малолѣтство Іоанна Грознаго по смерти его матери, царицы Елены Глинской, и, какъ видится, своею властію злоупотребляли. Въ письмахъ своихъ къ князю Курбскому Грозный пишетъ: „По смерти матери нашей Елены остались мы съ братомъ Георгіемъ круглыми сиротами; подданные наши хотѣніе свое улучили, нашли царство безъ правителя: объ насъ, государяхъ своихъ, заботиться не стали, начали хлопотать только о пріобрѣтеніи богатства и славы, начали враждовать другъ съ другомъ. И сколько зла они надѣлали! Сколько бояръ и воеводъ, доброхотовъ отца нашего умертвили! дворы, села и имѣнія дядей нашихъ взяли себѣ и водворились въ нихъ! казну матери нашей перенесли въ большую казну при чемъ неистово ногами пихалися вещи и спицами кололи; иное и себѣ побрали“ ([1]).

([1]) Исторія Россіи, Соловьева Т. IV, стр. 41. Изд. 3.

Описавши поведеніе князей Шуйскихъ относительно дьяка Мишурина, князя Ивана Бѣльскаго, двоихъ митрополитовъ, Іоаннъ продолжаетъ. „Насъ съ братомъ Георгіемъ начали воспитывать какъ иностранцевъ или какъ нищихъ. Какой нужды не натерпѣлись мы въ одеждѣ и въ пищѣ, ни въ чемъ намъ воли не было, ни въ чемъ не поступали съ нами такъ, какъ слѣдуетъ поступать съ дѣтьми. Одно припомню: бывало мы играемъ, а князь Иванъ Васильевичъ Шуйскій сидитъ на лавкѣ, локтемъ опершись о постель нашего отца, ногу на нее положивъ. Что сказать о казнѣ родительской? Все расхитили лукавымъ умысломъ, будто дѣтямъ боярскимъ на жалованье, а между тѣмъ все себѣ взяли; изъ казны отца нашего и дѣда нашего ковали себѣ сосуды золотыхъ и серебряныхъ и написали на нихъ имена своихъ родителей, какъ будто бы это было наслѣдственное добро; а всѣмъ людямъ вѣдомо: при матери нашей у князя Ивана Шуйскаго шуба была мохояровая, зеленая на куницахъ, да и тѣ ветхи: такъ если бы у нихъ было отцовское богатство, то чѣмъ посуду ковать, лучше бы шубу перемѣнить. ([1])

Такъ жаловался Грозный на Шуйскихъ, вспоминая свое дѣтство. Поэтому немудрено, что онъ сдѣлался нравомъ жестокъ и мстителенъ. Жестокость его стала проявиться съ 12 лѣтняго возраста. Этотъ возрастъ совпадаетъ съ правленіемъ Андрея Михайловича Шуйскаго и товарищей его. Въ это время Іоаннъ сталъ уже понимать свою силу. Онъ припоминалъ, какъ Шуйскіе злоупотребляли

([1]) Тамъ же стр 42.

своею властью, стоя во главѣ правительства, какъ они въ седьмой день по кончинѣ Елены приказали схватить боярина князя Овчину—Телепнева—Оболенскаго и въ заключеніи уморили его недостаточной пищей и тяжестію оковъ,—какъ они захватили дьяка Мишурина, велѣли княжатамъ, боярскимъ дѣтямъ и дворянамъ ободрать его, нагаго велѣли положить на плаху и отрубить голову безъ государева приказа,—какъ князь Иванъ Шуйскій и его сынъ Петръ, подговоривъ Новгородцевъ къ бунту, съ 300 человѣкъ дружины изъ Владиміра, гдѣ Иванъ Шуйскій въ то время находился,—въ ночь на 3 января 1542 года явились въ Москву, схватили князя Бѣльскаго, заточили его на Бѣлоозерѣ и потомъ чрезъ предавныхъ людей умертвили, а митрополита Іоасафа едва не убили, схватили и сослали въ Кириловъ Бѣлоозерскій монастырь, и на его мѣсто возвели своего Новгородскаго архіепископа Макарія,—какъ 9 сентября 1543 года трое Шуйскихъ и ихъ совѣтники взволновались въ присутствіи великаго князя и митрополита въ столовой избѣ у государя на совѣтѣ, схватили любимца Іоаннова Θеодора Семеновича Воронцова, били его по щекамъ, оборвали платье и хотѣли убить до смерти; Іоаннъ послалъ митрополита и бояръ Морозовыхъ уговорить ихъ, чтобы не убивали Воронцова: они послушались, не убили его, но сослали въ Кострому. ([1])

Всѣ эти убійства и своеволіе князей Шуйскихъ представлялись ему во всей ихъ жестокости и воз-

([1]) Тамъ же, стр. 35, 36, 37, 38.

двигнули его на мщеніе. 29 декабря 1543 года Іоаннъ, достигнувъ уже 13-ти лѣтняго возраста, рѣшился напасть на главнаго руководителя, Андрея Михайловича Шуйскаго, перваго вельможу въ государствѣ, приказавъ схватить его и отдать псарямъ: псари убили его, волоча къ тюрьмамъ, а князя Өеодора Шуйскаго и другихъ совѣтчиковъ— велѣлъ разослать въ ссылку. ([1])

Такимъ образомъ власть князей Шуйскихъ была сломлена и они затихли. Но въ царствованіе слабаго Өеодора Іоанновича они опять подняли голову, надѣясь занять царскій престолъ послѣ бездѣтнаго царя. Но у Өеодора былъ главнымъ правителемъ его шуринъ Борисъ Годуновъ. Онъ тоже, что и Грозный, круто поступилъ съ Шуйскими. Узнавъ, что они интригуютъ, стараются оттѣснить его и, по смерти бездѣтнаго Өеодора, достичь царскаго престола, какъ прямые наслѣдники великихъ князей,—онъ въ 1587 году велѣлъ схватить двоихъ Шуйскихъ. Князя Ивана Петровича взяли на дорогѣ, когда онъ ѣхалъ въ свою *Суздальскую* вотчину, отправили на Бѣлоозеро и тамъ удавили; князя Андрея Ивановича сослали въ Каргополь и тоже удавили. ([2])

Далѣе читаемъ въ Морозовскомъ лѣтописцѣ: „И возводя гнѣвъ свой, Борисъ Годуновъ, на великихъ и славныхъ бояръ (въ 1587 г.), разсылаетъ ихъ по городамъ въ темницы, князя Димитрія да князя Ивана въ Шую, и повелѣ князя Ивана Ивановича

([1]) Тамъ же, стр. 43.

([2]) Тамъ же. Т. VII, стр. 270.

въ Шуи — городѣ въ темницѣ Смирному — Мамонтову убити.“ Мая въ 8 день 1589 года. ([1])

Въ Шуѣ, при древней Покровской церкви, находящейся въ осыпи, т. е. въ старомъ городѣ, кремлѣ, въ 1848 году найденъ большой надгробный камень. На немъ по причинѣ испорченности прочитать можно было только слѣдующія высѣченныя вязью слова: „Преставился рабъ Божій.... Іоаннъ.... гряди.... жизнь.“ Не былъ ли это памятникъ котораго либо князя Ивана Ивановича Шуйскаго? ([2])

Такія крутыя мѣры Годунова заставили князей Шуйскихъ прекратить на время свои интриги для достиженія завѣтной цѣли. И когда Борисъ Годуновъ, отстранивъ ихъ, самъ явился претендентомъ на царскій престолъ, то князь Василій Ивановичъ Шуйскій старался войти къ нему въ довѣріе и достигъ этого. Во время убійства царевича Димитрія въ Угличѣ, въ маѣ 1591 года, Борисъ посылалъ его, какъ довѣреннаго, изслѣдовать это убійство. Шуйскій показалъ, какъ желалъ Годуновъ, что царевичъ закололся самъ по небреженію Нагихъ. То же въ пользу Годунова онъ показывалъ и послѣ, когда Годуновъ вступилъ на царскій престолъ и когда, вслѣдствіе старанія бояръ, въ томъ числѣ, вѣроятно, и Шуйскихъ, явился самозванецъ Лжедимитрій и возбудился вопросъ — дѣйствительно ли это царевичъ, князь Василій Шуйскій сказалъ, что „царевичъ погибъ въ Угличѣ и онъ, князь Шуйскій, самъ по-

---

([1]) Журналъ „Москвитянинъ“. 1842 г., ч. 1, стр. 588.

([2]) Описаніе г. Шуи, В. Борисова, стр. 4.

гребалъ его, а это идетъ воръ Гришка Отрепьевъ подъ царевичевымъ именемъ.“ (1)

Совсѣмъ другое заговорилъ Шуйскій, когда померъ Борисъ Годуновъ и на престолъ вступилъ его сынъ Θеодоръ, молодой человѣкъ, недостаточно опытный, хотя умный и, по времени, очень образованный, окруженный недоброжелателями и потому непрочно утвердившійся на царскомъ престолѣ. Князь Василій Шуйскій эту непрочность юнаго царя понялъ и опять приступилъ къ интригамъ, чтобы свергнуть съ престола ненавистный ему родъ Годуновыхъ, допустить до воцаренія новаго претендента, Лжедимитрія, котораго въ свое время также свергнуть и занять прародительскій престолъ самому.

Первымъ дѣломъ Шуйскаго было заявить народу, что приступаетъ къ Москвѣ не самозванецъ, а истинный царевичъ Димитрій, а убитъ былъ и похороненъ въ Угличѣ поповъ сынъ; (2) что онъ, Шуйскій, прежде показывалъ ложно, по приказу Бориса, что будто убитъ былъ царевичъ.

Это заявленіе было причиною убійства Θеодора и предшествіемъ вступленія въ Москву и потомъ на престолъ Мономаховъ Димитрія самозванца.

Первый актъ сверженія ненавистнаго царя совершился, остается второй актъ таковаго—же сверженія и новаго царя Лжедимитрія.

Василій Шуйскій опять заявляетъ народу, что новый царь не есть истинный царевичъ Димитрій, а Лжедимитрій. За это царь приказалъ схватить

---

(1) Исторія Россіи, Соловьева Т. VIII, стр. 99.
(2) Тамъ же, стр. 114.

Шуйскаго и отдать на судъ собору. Соборъ постановилъ, что Шуйскій достоинъ смерти. Онъ былъ уже выведенъ къ плахѣ, уже прочитана была ему сказка, или объявленіе вины, уже простился онъ съ народомъ,—какъ прискакалъ гонецъ отъ царя Лжедимитрія съ объявленіемъ помилованія. (1)

Но Шуйскій былъ не изъ такихъ, чтобы почувствовать благодарность за помилованіе и оставить свою завѣтную цѣль. Онъ втайнѣ продолжалъ подбирать себѣ соумышленниковъ на сверженіе самозваннаго царя, и, успѣвъ привлечь на свою сторону 18 тысячъ войска, прямо объявивъ имъ, что на престолѣ не царевичъ, а что его признали царевичемъ только для того, чтобы освободиться отъ Годунова. (2) „Во имя Божіе," говоритъ онъ, „идите на злаго еретика". Толпы двинулись ко дворцу и Лжедимитрій былъ убитъ 17-го мая 1606 года. (3)

Такимъ образомъ царскій престолъ освободился и Шуйскій выставилъ себя явнымъ кандидатомъ, чтобы занять его какъ прародительскій, торжественно объявляя народу, что онъ, Василій, потомокъ Рюрика и Александра Невскаго, и что „прародители его удалились на Суздальскій удѣлъ не отнятіемъ или неволею, но по родству, какъ обыкли большіе братья на большихъ престолахъ садиться". (4)

---

(1) Тамъ же, стр. 119.
(2) Тамъ же, стр. 151.
(3) Тамъ же, стр. 154.
(4) См. „Вѣстн. Европы." 1887 г., № 5, стр. 191.

Этотъ голосъ не пропалъ даромъ и Шуйскій достигъ своей цѣли: „1 іюня 1606 года онъ вѣнчался на царство, занялъ престолъ своихъ предковъ Мономаховичей. Онъ былъ маленькій старикъ лѣтъ за 50 слишкомъ, очень некрасивый съ подслѣповатыми глазами, начитанный, очень умный и очень скупой, любилъ только тѣхъ, которые шептали ему въ уши доносы и сильно вѣрилъ чародѣйству.“ (1)

Однако, достигнувъ царскаго престола, Василій Ивановичъ Шуйскій не могъ утвердиться на немъ. Бояре Василія не любили и считали также, какъ и Годунова, царемъ незаконнымъ и допущеннымъ до воцаренія только на время, дабы успокоить взволнованное государство послѣ двухъ царей, свергнутыхъ и убитыхъ съ такою жестокостію. Когда такимъ образомъ государство нѣсколько поуспокоилось, бояре задумали лишить престола и новаго царя, Шуйскаго, достигшаго царскаго престола съ такимъ долговременнымъ трудомъ и опасностію за свою жизнь.

Но чтобы лишить его престола, нужно было имѣть къ тому большія средства и людей сильно выдвигающихся впередъ. Таковыхъ людей не было. Тогда бояре, наученные опытомъ, прибѣгли къ тому-же средству, къ которому прибѣгалъ Шуйскій для сверженія Годунова: они выставили новаго самозванца, Тушинскаго, подъ именемъ того же царевича Димитрія, который будто бы не былъ убитъ, а спасся отъ убійцъ и явился вновь. Многіе этому повѣрили въ

(1) Исторія Россіи Соловьева Т. VIII. стр. 169.

особенности, когда Марина, бывшая царица, жена Лжедимитрія, признала Тушинскаго самозванца своимъ мужемъ и пріѣхала къ нему въ Тушино, а Тушинскій возвелъ Филарета Никитича Романова, находившагося въ Тушинѣ въ санъ патріарха, при бывшемъ въ Москвѣ патріархѣ Гермогенѣ. Возстаніе стало увеличиваться. Сообщники Тушинскаго, набранные изъ разнаго сброда, усилились до того, что стали побѣждать царскія войска и осадили Москву. Въ тоже время, пользуясь суматохой, подступилъ къ Смоленску польскій король Сигизмундъ. Михайло Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій разбилъ самозванцевы полчища. Но внезапная смерть Скопина, приписанная козням царя и его брата Димитрія, усилила неудовольствіе народа противъ Шуйскаго и онъ долженъ былъ сложить съ себя царскую корону 17 іюля 1610 года. Чрезъ два дня его постригли въ монахи силою: Ляпуновъ съ товарищами держалъ его во время обряда; князь Тюфякинъ произносилъ за него монашескіе обѣты. Потомъ постриженника свезли въ Чудовъ монастырь. ([1])

Этимъ бѣдствіе для сверженнаго царя не кончилось. По сверженіи Шуйскаго, поляки заняли Москву. Народъ, во избѣжаніе большихъ смутъ, согласился принять на русскій царскій престолъ польскаго королевича Владислава. По этому случаю Жалкѣвскій, гетманъ польскихъ войскъ, отъѣзжая изъ Москвы къ своему королю, взялъ съ собою сверженнаго царя Шуйскаго, двухъ его братьевъ

([1]) Тамъ-же, стр 330.

Димитрія и Ивана ([1]) и жену Димитрія, согласившуюся ѣхать съ нимъ добровольно. Вотъ что говоритъ лѣтописецъ о прибытіи Шуйскихъ въ Варшаву.

„29 октября 1611 года Жолкѣвскій съ нѣкоторыми панами, послами земскими, съ дворомъ и служилымъ рыцарствомъ своимъ ѣхалъ Краковскимъ предмѣстьемъ въ замокъ королевскій; за нимъ ѣхала открытая карета, запряженная въ 6 лошадей, въ каретѣ сидѣлъ сверженный царь Московскій Василій, въ бѣлой парчевой ферязи въ мѣховой шапкѣ: это былъ сѣдой старикъ, не очень высокаго роста, круглолицый, съ длиннымъ, немного горбатымъ носомъ, большимъ ртомъ, большою бородою; смотрѣлъ онъ исподлобья и сурово; предъ нимъ сидѣли два брата его, а въ передкѣ у нихъ приставъ. Такъ какъ карета была совершенно открыта, то за ней слѣдовало неимовѣрное множество народа; а королева со всѣмъ дворомъ своимъ смотрѣла изъ оконъ. Когда всѣхъ троихъ Шуйскихъ поставили передъ королемъ, то они низко поклонились, держа въ рукахъ шапки. Жолкѣвскій началъ длинную рѣчь о измѣнчивости счастья..... Распространился о могуществѣ царей Московскихъ, изъ которыхъ послѣдній стоялъ теперь передъ королемъ и билъ челомъ. Тутъ Василій Шуйскій, низко наклонивши голову, дотронулся правою рукою до земли и потомъ поцѣловалъ эту руку; второй братъ, Димитрій, ударилъ челомъ до самой земли, третій братъ Иванъ трижды билъ челомъ и плакалъ. Гетманъ продолжалъ, что вручаетъ ихъ королю не какъ плѣнниковъ, но для

([1]) Тамъ же, стр. 358.

примѣра счастья человѣческаго, просилъ оказать имъ ласку, при чемъ всѣ Шуйскіе опять молча били челомъ. Когда Гетманъ окончилъ рѣчь, Шуйскихъ допустили къ рукѣ королевской, потомъ заключили ихъ въ замкѣ Гостынскомъ, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Варшавы.“ (1)

Несчастные узники не могли перенести долгаго заключенія. Василій Шуйскій умеръ черезъ годъ, въ 1612 году, 62 лѣтъ, (2) а Димитрій въ 1613. (3) Иванъ же Шуйскій въ 1619 году возвратился въ Россію (4) и скончался въ 1638. (5)

Въ 1635 году, по заключеніи мира Россіи съ Польшей, отправлены были къ Владиславу русскіе послы, которымъ Михаилъ Θеодоровчъ приказалъ выпросить у короля тѣла Шуйскихъ, царя Василія, его брата Димитрія и жены послѣдняго. Въ наказѣ говорилось: „Если за тѣло Василія Поляки запросятъ денегъ, то давать до 10,000 и прибавить, сколько пригоже смотря по мѣрѣ, сказать однако: этого нигдѣ не слыхано чтобы мертвыхъ тѣла продавать, а за тѣло Димитрія Шуйскаго и жены его денегъ не давать: то царскому не образецъ.“ Король на просьбу пословъ согласился. Они отправились въ каблицу. Здѣсь гробы нахо-

(1) Тамъ-же, стр. 429.

(2) Царствованіе Михаила Θеодоровича, Берга, ч. 1, р, 53.

(3) Тамъ же, ч. 2, стр. 76.

(4) Исторія Россіи, Соловьева. Т. IX, стр. 210.

(5) Царствованіе Мих. Θеодор., Берга, ч. 2 т. 76.

дились подъ поломъ; когда дьяки велѣли взломать полъ, то увидали подъ нимъ палату каменную, а въ палатѣ три гроба, одинъ на правой сторонѣ, а два на лѣвой, послѣдніе поставлены одинъ на другомъ, одинокій гробъ на правой сторонѣ былъ царя Василія, на лѣвой, на верху, князя Димитрія, а подъ нимъ жены его. Изъ земли тѣла вынули честно, встрѣчали ихъ на дорогѣ къ Варшавскому посаду послы, стольники и дворяне со всѣми людьми съ великою честію; послы велѣли сдѣлать новые гробы, посмолить и поставить въ нихъ старые. Король прислалъ атласъ золотой турецкій, да кружева, кованныя золотныя, да гвозди серебряные, велѣлъ гробъ царя Василія обить; на гробъ князя Димитрія прислалъ бархатъ зеленый, а на княгининъ гробъ камку зеленую, и отпустилъ король тѣла съ великою честію,—по сенаторамъ и ближнимъ королевскимъ людямъ за этотъ отпускъ дано соболей на 3,674 рубля.

10 іюня, съ утра, въ кремлѣ Московскомъ загудѣлъ реутъ, и народъ повалилъ къ Дорогомилову на встрѣчу тѣла царя Василія. Отъ Дорогомиловской слободы до церкви Николы Явленнаго, на Арбатѣ, тѣло несли на головахъ дѣти боярскіе изъ городовъ, а затѣмъ шелъ Рафаилъ, епископъ Коломенскій, архимандриты, игумены и протопопы; затѣмъ шли послы, князь Львовъ съ товарищи. У церкви Николы Явленнаго встрѣчалъ тѣло Павелъ, митрополитъ Крутицкій, и Новоспасскій архимандритъ Іосифъ, съ ними всѣхъ церквей деревяннаго города попы и дьяковы со свѣчами и кадилами;

тутъ, же встрѣчали бояре, князь Сулешевъ, да Борисъ Михайловичъ Салтыковъ, да окольничій Михайла Михайловичъ Салтыковъ въ смирномъ платьѣ (траурѣ); служилые люди, гости и купцы были также всѣ въ смирномъ платьѣ. Отъ Николы Явленнаго тѣло несли въ Арбатскія ворота Воздвиженкою къ Каменному мосту дворяне Московскіе на плечахъ. Патріархъ Іоасафъ со всѣмъ священнымъ соборомъ встрѣтилъ тѣло у церкви Николы Зарайскаго въ ризахъ смирныхъ, и, учиня начало по священному чину, пошелъ за тѣломъ, которое внесли въ Кремль чрезъ Ризположенскія ворота. Когда поравнялись съ дворомъ царя Бориса, то зазвонили во всѣ колокола и тѣло внесли въ Архангельскій соборъ въ переднія двери; государь встрѣтилъ у собора Успенскаго, не доходя рундука, за государемъ были бояре, думные и ближніе люди, всѣ въ смирномъ платьѣ; въ Архангельскомъ соборѣ пѣли панихиду большую а погребеніе было на другой день, 11 іюня. ([1])

Такъ кончилась полная треволненій жизнь царя Василія Ивановича Шуйскаго, потомка удѣльныхъ владѣтельныхъ князей города Шуи, отъ котораго они получили и свое наименованіе. Должно допустить, что Василій Шуйскій былъ самолюбія неограниченнаго, иначе для чего бы ему, человѣку уже немолодому и при томъ бездѣтному, добиваться съ такими, какъ мы видѣли, хлопотами, и опасностію для жизни, шапки его предка, Владиміра Мономаха? Чтобы поцарствовать среди смутъ и интригъ четыре года, болѣе половины этого времени

([1]) Исторія Россіи, Соловьева. Т. IX стр. 251—253.

находясь въ осадѣ отъ войскъ самозванца, и потомъ быть свергнутымъ съ престола и умереть въ непріятельской темницѣ? Для этого, кажется, не стоило—бы.

При кратковременномъ и безпокойномъ царствованіи, большею частію проведенномъ въ осадѣ, Шуйскій, естественно, не могъ какъ должно заняться внутренними дѣлами государства; дѣятельность его была ограничена одною осажденною Москвою; но имъ не забытъ родовой городъ своихъ предковъ, Шуя. Черезъ мѣсяцъ по воцареніи онъ уже пишетъ шуянамъ уставную грамоту о судѣ, расправѣ и сборѣ пошлинъ. Вотъ эта замѣчательная грамата.

„Божіею милостію, Мы Великій Государь Царь и Великій князь Василей Ивановичъ всеа Русіи, пожаловалъ есми шуянъ, посадскихъ людей, что били они намъ челомъ. Была у нихъ блаженныя памяти Государя Царя и Великаго князя Ивана Васильевича всеа Русіи жалованная уставная грамота и та де у нихъ грамота переписана на Ростригино ([1]) имя, и намъ бы шуянъ пожаловати, велѣти имъ тое уставную грамоту переписати на наше царское имя. И мы Великій Государь шуянъ пожаловали, велѣли дати имъ нашу царскую новую уставную грамоту на наше царское имя. А судитися шуяномъ, посацкимъ людемъ по сей нашей уставной грамотѣ межъ себя самимъ, по прежнему; а кому ихъ судити и управа межъ ихъ чинити и наши четвертные доходы сбирати, шуяне, посацкіе люди всѣмъ посадомъ выбираютъ межъ себя *въ из-*

([1]) На имя царя Лжедиматрія.

люблениые въ земскіе судьи, по годомъ, посацкихъ же лутчихъ и середнихъ людей, добрыхъ и прожихъ, которые бъ были душою прямы, и всѣмъ имъ, посацкимъ людемъ были любы; а судити земскимъ судьямъ по сей нашей уставной грамотѣ. Кто взыщетъ на комъ бою и грабежу, о томъ сыскивати всемъ посадомъ. А чего сыскъ не иметъ, въ томъ присуживати цѣлованье (креста) съ жеребья; а давати на волю отвѣтчика: хочетъ самъ поцѣлуетъ, или подъ крестъ деньги положитъ, а ищея поцѣловавъ возьметъ. А безчестья посацкимъ лутчимъ торговымъ людямъ пять рублевъ, а женамъ ихъ противъ ихъ безчестья вдовое, а крестьянину пашенному и не пашенному безчестья рубль, а женѣ его безчестья два рубли; а увѣчья указывати, смотря поувѣчью. А пошлинъ съ судныхъ дѣлъ имати съ рубля по гривнѣ. А ходитъ межъ ихъ ихъ же посацкой *новодчикъ*, а хоженаго емлетъ на посадѣ денга, а въ уѣздѣ на версту по денгѣ. А въ судѣ у записи всякихъ дѣлъ у излюбленныхъ судей *сидѣть* ихъ же *посацкимъ людемъ*, кого они выберутъ. Да къ тѣмъ записямъ излюбленнымъ судьямъ и лутчимъ *крестьяномъ*, которые грамотѣ умѣютъ, руки свои приложити. А кто въ Шуѣ въ городѣ и на посадѣ учнетъ воровать, корчму и б....ю держать, татемъ и разбойникомъ къ себѣ пріѣздъ чинити, или зебѣнниковъ и убойцовъ у себя держати, и тѣхъ лихихъ людей имая, отдавати губнымъ старостамъ; а которые лихи люди по суду и обыску пойдутъ до казни и тѣхъ лихихъ людей казнятъ губные старосты и всякіе наши приказные люди,

по нашему указу изъ Разбойнаго приказу. Такъ же есмя Шуянъ пожаловали: на пиръ къ нимъ и на братчины никто незванъ не ходитъ и не ѣздитъ; а кто къ нимъ на пиръ незванъ пріѣдетъ и того вышлютъ вонъ безпѣнно" (1)

Въ этомъ достойномъ замѣчанія актѣ, данномъ царемъ Василіемъ Ивановичемъ Шуйскимъ г. Шуѣ 284 года назадъ, многое заслуживаетъ вниманія и въ настоящее время. Такъ *въ излюбленныхъ земскихъ судьяхъ*, избираемыхъ посадскими людьми межъ себя, намъ видятся недавно отмѣненные наши мировые судьи; въ людяхъ выборныхъ изъ посадскихъ людей *и изъ лучшихъ крестьянъ, сидѣвшихъ у излюбленныхъ судей и обязанныхъ*, которые грамотѣ умѣютъ руки свои прикладывать, къ записямъ, составляемымъ на судѣ *земскими дьячками*, намъ представляются нынѣшніе присяжные засѣдатели; а въ *посадскихъ поводчикахъ*, ходившихъ отъ судовъ и имавшихъ *хожанаго: на посадѣ денга*, а въ уѣздѣ на версту *по денгѣ*, признаемъ нынѣшнихъ судебныхъ приставовъ. „А въ которыхъ будетъ дѣлѣхъ излюбленнымъ судьямъ, крестьяномъ управы учинити немочно, и они суду своего списки и обоихъ истцовъ присылаютъ къ намъ, къ Москвѣ," это относится до дѣлъ не подсудныхъ *излюбленнымъ судьямъ*, что походитъ на нынѣшній порядокъ, по которому неподсудные дѣла судьямъ поступаютъ въ окружные суды Тожъ замѣчательно: „Шуянъ *пожаловали*: на пиръ къ нимъ и на братчины никто незванъ не ходитъ и не ѣздитъ; а кто къ нимъ на пиръ не-

(1) Описаніе г. Шуи. Стр. 225.

званъ пріѣдетъ, и того вышлютъ вонъ безпѣнно, а кто изъ пиру не поѣдетъ, а учинится у нихъ какова гибель, и на томъ та гибель взяти безъ суда и безъ правды. И скоморохи къ нимъ играти не ходятъ.“ Слѣдовательно, въ то время было обыкновеніе, что незваные гости и скоморохи считали какъ бы своимъ правомъ являться на пиры и братчины къ людямъ совершенно чужимъ. Чтобы прекратить наплывъ этихъ беззастѣнчивыхъ посѣтителей, нужно царское *пожалованье* выгонять назойливыхъ гостей. Не менѣе заслуживаетъ вниманія обычай того времени при разборѣ дѣлъ на судѣ, не поддающихся обличенію виновныхъ, рѣшать дѣла *крестнымъ цѣлованіемъ по жеребью*. Нынѣ это немыслимо. ([1])

II.

Изыскивая матеріалы для признанія за городомъ Шуей его древности, я однимъ изъ доказательствъ этому привелъ фактъ происхожденія рода князей Шуйскихъ отъ города Шуи: затѣмъ, слѣдя за жизнію этихъ князей, игравшихъ столь крупную роль въ нашемъ отечествѣ, по необходимости, ушелъ нѣсколько впередъ, къ XVII столѣтію. Что бы исправить это, обращаюсь ко времени Іоанна Грознаго, когда впервые Шуя стала часто повторяться на страницахъ нашихъ историческихъ актовъ.

Въ 1548 году, Іоаннъ Грозный жалованной грамотой отдалъ городъ Шую *въ кормленіе* бояриру Игнатью Борисовичу Голохвастову, то есть, ему

([1]) Эта замѣчательная уставная грамота помѣщена здѣсь сокращенно.

предоставлено было право пользоваться городскими доходами и при томъ *съ правдою, съ пятномъ и съ кормчею.*

Слово *съ правдою* означало то, что Голохвастову предоставлялось право завѣдывать въ Шуѣ судебными дѣлами; *съ пятномъ*,—право брать въ свою пользу съ клейменія или пятнанія лошадей положенныя пошлины—съ каждаго покупщика лошади по деньгѣ; *съ кормчею* означало безпошлинное право курить вино, варить медъ, пиво и прочіе напитки и продавать въ свою пользу. Въ грамотѣ говорится: „Се азъ князь Великій Иванъ Васильевичъ всея Русіи, пожаловалъ есми Игнатья Борисовича Голохвастова *городкомъ* Шуею съ правдою, съ пятномъ и съ кормчею *въ кормленье*, и вы всѣ люди того городка чтите его и слушайте, а онъ васъ вѣдаетъ и судитъ.“ ([1])

За что такая милость, оказанная Голохвастову, въ грамотѣ не сказано. По словамъ Котошихина отдавались города въ кормленіе, въ воеводство, за личныя услуги царскому семейству и преимущественно лицамъ „ежели они дворянска рода,“ жены которыхъ были кормилицами царскихъ дѣтей не менѣе года, а также и лицамъ, женившимся на дѣвицахъ, бывшихъ въ услуженіи у царицъ и царевенъ. „Такимъ людямъ, прибавляетъ Котоши-

([1]) Описаніе гор. Шуи, В. Борисова, стр. 5. Изъ этого акта мы узнаемъ, что Шуя не была уже имѣніемъ удѣльнымъ князей Шуйскихъ, а принадлежала государству. Когда Шуйскіе лишились этого удѣла не извѣстно. Не послѣ-ли гоненія на нихъ Грознаго въ первой половинѣ XVI столѣтія?

хинъ, вотчины даютъ многія или на вотчины деньгами изъ царской казны, да ихъ отпускаютъ по воеводствамъ; и тѣ люди воеводствами богатѣютъ."

Такіе воеводы дѣйствительно „воеводствами богатѣли," притѣсняя и обирая мирныхъ жителей. Вотъ одинъ актъ отъ 1623 года, передающій дѣянія одного воеводы.

Торговцы солью. посадскіе людишки г. Шуи жалуются Государю Михаилу Ѳеодоровичу на своего воеводу Терешнева—Облезлова, говоря: „Въ нынѣшнемъ, Государь, 131 году, на масляной недѣлѣ въ субботу взялъ у насъ тотъ воевода Терешной въ Шуѣ пять рогожъ соли балахны, а въ нихъ вѣсу 121 пудъ, а всякій пудъ по 4 алтына съ деньгою, да онъ-же взялъ у насъ конь саврасъ, а цѣна коню 12 рублевъ съ четвертью, да меринъ рыжъ, а цѣна мерину пять рублевъ съ четвертью, да насъ-же сажалъ въ тюрьму не по винѣ, и вымучилъ у насъ 20 рублевъ, да на порутчикахъ нашихъ вымучилъ десять рублевъ." ([1])

Долго-ли кормился Шуей Голохвастовъ не извѣстно, но мы видимъ, что черезъ семнадцать лѣтъ Грозный, раздѣляя Россію на земщину и опричину (1565 г.), причислилъ Шую къ опричинѣ. Такимъ образомъ Шуя отдѣлилась отъ земщины, государственной собственности, и сдѣлалась „государевымъ отчиннымъ городомъ."

Присоединивъ себѣ Шую, Іоаннъ сталъ относиться къ ней милостиво: „пожаловалъ городу Шуѣ земли подъ новые дворы и животинѣ на выпускъ

([1]) Старинные акты къ Описанію гор. Шуи, стр. 42.

изъ помѣстныхъ земель около гор. Шуи и посада на всѣ четыре стороны по десяти десятинъ длинныхъ со всѣми угодьи и мельницу, что стоитъ среди посада на рѣкѣ на Тезѣ." ([1])

Увеличить земельное имущество города, сдѣлавшагося „государевымъ отчиннымъ городомъ," дѣло очень естественное; это было въ интересахъ Грознаго, интересахъ личныхъ, семейныхъ; онъ могъ предполагать, что городъ, какъ отчина его, долженъ будетъ перейти къ его дѣтямъ и дальнѣйшимъ потомкамъ, подобно тому, какъ владѣли князья Шуйскіе.

Это предположеніе впослѣдствіи оправдалось, ибо Грозный по духовной грамотѣ отказалъ Шую въ отчинное владѣніе своему сыну Θеодору Іоанновичу, сказавъ: „а благословляю и даю сыну моему Θеодору золотой крестъ, городъ Шую и прочіе города." ([2])

Однако Шуя въ *отчинномъ* положеніи оставалась не долго. По смерти Іоанна и прекращеніи его потомства, она опять перешла въ вѣдѣніе государства. Это видно изъ того, что во время царствованія въ Россіи царя Владислава, доходы съ Шуи собирались въ Государеву казну. Вотъ что говорится въ одномъ изъ современныхъ актовъ:

„Лѣта 7119 (1611) году, декабря въ 8 день по Государеву Цареву и Великаго князя Владислава Жигмонтоновича всеа Русіи указу, въ сво Госуда-

---

([1]) Отечественныя записки 1839 г., кн. 1 и Описаніе г. Шуи, стр. 7.

([2]) Описаніе г. Шуи, В. Борисова, стр. 7.

реву казну *въ Галицкую четь* діакъ Андрей Подлѣсовъ взялъ по отпискѣ изъ Шуи Сулеша Болотникова съ Шуи съ посаду кабацкихъ денегъ вѣрнаго бранья нынѣшняго 119 году, за одинъ мѣсяцъ, пять рублевъ 12 алтынъ двѣ деньги." (1)

По смыслу этого акта нельзя предполагать, чтобы означенный сборъ въ „Государеву казну," собирался въ личную собственность Государя, какъ оброкъ съ отчины, потому что Владиславъ не былъ наслѣдникомъ Іоанна и Θеодора, ни даже Годунова; притомъ же поступленіе въ „Галицкую четь," ясно означаетъ, что деньги шли въ *государственную казну*, ибо въ актахъ того времени, относящихся до г. Шуи постоянно встрѣчается, что всѣ казенные сборы съ города поступали въ „Галицкую четь" или въ „Приказъ Галицкой чети", тогда какъ сборы съ *государевыхъ дворцовыхъ* имѣній шли въ „Приказъ Большаго дворца."

Не извѣстно, лучше или хуже было для города состоять собственностью государства, сравнительно съ состояніемъ въ собственности государя: ни въ одномъ актѣ жителями Шуи объ этомъ не упоминается; но извѣстно, что такое состояніе города въ собственности государства продолжалось не долгое время; въ 1617 году, мы видимъ, что Шуя опять оказалась въ отчинномъ владѣніи государя уже новой династіи Романовыхъ, Михаила Θеодоровича. Вотъ актъ, служащій этому подтвержденіемъ.

Шуяне *бьютъ челомъ* Михаилу Θеодоровичу и жалуются на государя сыщика Беклемишева и по

(1) Старинные акты къ Описанію г Шуи, собранные В Борисовымъ, изданные Я. П. Гарелинымъ, стр. 8.

мощника его подъячаго Копнина, что они вмѣсто того, чтобы розыскивать воровъ и разбойниковъ „емлютъ съ нихъ поминки рублевъ по сту и по двѣсти и больше, и тѣ, Государь, тати и разбойники села и деревни разбиваютъ въ день, и на насъ сиротъ твоихъ грозятца, и отъ ихъ, Государь, воровъ мы сироты твои, посацкіе людишки, бредемъврозь и впредь твои всякіе денежные доходы имати не на комъ, и твоя государева *отчина*, городъ Шуя, отъ ихъ воровскаго умышленія ставитца пуста; и тотъ Беклемишевъ съ товарищи отсылаетъ отъ себя людей своихъ на иные города и въ помѣстья, и тѣ ихъ бѣглые люди, по ихъ велѣнью приходятъ отъ поля по ночамъ въ Шую на посадъ *на пустые дворы*, а они тѣхъ своихъ людей вынимаютъ, вѣдаючи, гдѣ они хоронятца и научаютъ на насъ, на сиротъ твоихъ, говорить всякое воровство, безъ полишной безъ язычной молки емлютъ *на пытку* напрасно и пытаютъ безъ твоего государева указу и безъ вины для своей корысти, а насъ, сиротъ твоихъ, гонятъ врозь. Вели, Государь, того Беклемишева отъ насъ съ Шуи свести, чтобы и достальные людишки розно не разбрелись и твоя государева *отчина* городъ Шуя не запустѣла.“ ([1])

Это послѣдній актъ изъ находящихся подъ руками, въ которомъ Шуя называется отчиною царя; въ позднѣйшихъ актахъ Алексѣя Михайловича означеннаго названія уже не встрѣчается. Послѣ этого можно предположить, что городъ опять отошелъ изъ вотчиннаго владѣнія въ государственное.

([1]) Тамъ же, стр. 18.

Въ этомъ актѣ достойны замѣчанія два факта: пустые дворы и пытки, производимыя надъ жителями города.

Пустые дворы въ городахъ того времени не рѣдкость. Рѣдкостью можно назвать только, гдѣ таковыхъ не было. Запустѣніе дворовъ производили, какъ частыя войны, сопровождавшіяся разорительными поборами людьми и деньгами, такъ и дурное управленіе городами воеводъ, нравственности не высокой, въ родѣ вышеупоминаемаго воеводы Беклемишева.

Изъ одного акта мы видимъ, что въ Шуѣ, нѣсколько позднѣе показаннаго времени, именно въ 1631 году, было жилыхъ дворовъ 154. А въ 1639 году изъ этого числа 32 двора запустѣло. Вотъ какъ бьютъ челомъ Михаилу Өеодоровичу „сироты государевы, бѣдные погорѣлые Шуи города посаду земскій старостишко Родька Дементьевъ и во всѣхъ шуянъ посацкихъ погорѣлыхъ людишекъ мѣсто.“ „Въ прошломъ, Государь, 139 (1631) году было у насъ сиротъ твоихъ государевыхъ по писцовымъ книгамъ въ Шуѣ на посадѣ жилыхъ тяглыхъ дворовъ 154 двора и послѣ, Государь, писца Аөонасья Вѣкова тѣхъ нашихъ тяглыхъ двоpишковъ, въ прошломъ 147 году *запустѣло* 32 двора, въ нынѣшнемъ 148 году, августа въ 15 день, въ третьемъ часу ночи волею Божіею погорѣло, Государь, тѣхъ нашихъ посацкихъ дворишковъ 82, и осталось, Государь, у насъ сиротъ твоихъ государевыхъ достальныхъ нашихъ дворишковъ разломанныхъ 40 дворишковъ....и намъ, сиротамъ твоимъ государе-

вымъ, твои всякіе доходы впредь и нынѣ платити не чѣмъ, погорѣли, Государь, со всѣми животишками и оскудѣли до конца." ([1])

Становится удивительнымъ, что при Михаилѣ Θеодоровичѣ, успокоившемъ взволнованное государство, продолжали вновь пустѣть жилые дворы и въ такомъ большомъ количествѣ. Здѣсь еще оказался фактъ способствовавшій запустѣнію и разоренію дворовъ — пожары. Этотъ бичъ Божій часто тяготѣлъ на жителяхъ г. Шуи, о чемъ постоянно встрѣчаются въ старинныхъ грамотахъ жалобы шуянъ, „сиротъ государевыхъ".

Итакъ пожары и злоупотребленія властію чиновничества были главною причиною запустѣнія города. До чего доходили эти злоупотребленія, мы увидимъ изъ слѣдующихъ актовъ.

„Бьютъ челомъ Государю Михаилу Θеодоровичу сироты его, шуяне, что въ прошломъ 1612 году пріѣхалъ въ Шую губный староста ([2]) Посникъ Колачовъ и учалъ быти у татиныхъ и разбойныхъ дѣлъ, и учалъ угрожать имъ всякими похвалами и велѣлъ носить къ нему кормъ, хлѣбъ и мясо и рыбу и питье: медъ и вино, и учалъ животину ихъ бити и имъ посадскимъ людишкамъ чинити насильство и налоги великіе; отъ его насильства многіе посацкіе люди разбрелися и посацкіе дворы запустѣли. Да и въ нынѣшнемъ 1614 году, продолжаютъ челобитчики, привели въ Шую по язычной молкѣ кре-

([1]) Тамъ-же стр. 74.

([2]) Губные старосты избирались изъ дворянъ. Они завѣдывали тюрьмою, палачомъ и, вообще, уголовными дѣлами.

стьянина Осбанку. И тотъ Иосникъ Колачовъ учалъ того Осбанку учити на насъ язычною молкою, велѣлъ насъ клепати напрасно. Да того Осбанку онъ послалъ въ губы въ Володимеръ, да съ пытки тотъ Осбанко изумеръ." (¹)

Въ другой челобитной тому же Государю Михаилу Ѳеодоровичу отъ 1639 года, говорится: „Бьютъ челомъ и плачутся сироты твои Государевы, Шуи посаду Борисоглѣбскаго монастыря бобыли Томилко Потапьевъ, да Левко, Ѳедосеевъ сынъ, Коновалъ. Въ прошломъ, Государь, 147 году по твоему Государеву указу присланъ въ Шую табаку сыскивать Иванъ Тарбѣезъ, и насъ сиротъ твоихъ по оговору тотъ сыщикъ поималъ безъ табаку и на пыткѣ я сирота Томилко Потапьевъ былъ и съ пытки ничего не говорилъ, а ударовъ, мнѣ, сиротѣ твоему, человѣку старому было сорокъ шесть ударовъ, и съ пытки у меня взялъ тотъ Иванъ Тарбѣевъ ведро вина, цѣна съ гривною двадцать алтынъ, да деньгами взялъ сорокъ алтынъ съ гривною, да попону волосяную шестьдесятъ алтынъ съ гривною, чтобы насъ изъ тюрьмы выпустять." (²)

Третій актъ отъ 1667 года передаетъ, что губный староста г. Шуи, Кишкинъ, по ложному оклеветанію въ пріемѣ краденыхъ церковныхъ вещей, чернаго попа Аврамія, Троицкаго монастыря, взялъ въ губу, допрашивалъ пристрастно, въ застѣнокъ сажалъ и пыталъ, разбалакивалъ и *на руки петли клалъ*. (³)

(¹) Описаніе г. Шуи. стр. 243

(²) Тамъ же, стр. 286.

(³) Тамъ же, стр. 448.

Такія жестокости, доходившія до пытокъ даже священнослужителей и при томъ безъ достаточныхъ уликъ, а затѣмъ поборы и деньгами, и виномъ, и попонами, естественно, могли разгонять „государевыхъ сиротъ" изъ городовъ, разорять ихъ и увеличивать число пустыхъ дворовъ.

Упомянувъ о злоупотребленіяхъ и пыткахъ производимыхъ чиновниками, не безъинтересно узнать, что это были за люди, имѣвшіе власть пытать даже священниковъ.

Въ первомъ случаѣ пытку производитъ сыщикъ Беклемишевъ, пріѣхавшій въ Шую разыскивать „воровъ и разбойниковъ," а вмѣсто нихъ онъ беретъ жителей, приводитъ къ пыткѣ и „емлетъ съ нихъ рублей по сту, по двѣсти и больше." Человѣкъ не честный и жестокій.

Во второмъ случаѣ пытаютъ бѣднаго Осбанка во Владимірѣ по навѣту губнаго старосты Колачева, который, какъ сказано выше, бралъ взятки и хлѣбомъ, и мясомъ, и рыбой, и питьемъ. Онъ научилъ „изъ своей корысти" онаго Осбанка клепать на Шуянъ въ лихихъ дѣлахъ; послѣдняго потребовали во Владиміръ, тамъ онъ „съ пытки и изумеръ."

Въ какихъ лихихъ дѣлахъ научалъ Колачовъ клепать на Шуянъ, въ актѣ не сказано. А такъ какъ это было въ 1614 году, во время только что усмиренное послѣ волненія Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, то ничего не мудрено, что губный староста, по злобѣ на жителей за ихъ прежнюю жалобу царю на него за прежнія взятки и притѣсненія, научалъ клепать въ преступленіяхъ политическихъ. Но такъ

какъ Осбанко, по словамъ акта, на пыткѣ на посацкихъ людей „не говорилъ ничего," то его и замучили: можно допустить, что допросы дѣлались ему во Владимірѣ пристрастно, какъ желалось губному старостѣ Колачеву.

Въ третьемъ случаѣ пытаетъ жителей сыщикъ Иванъ Тарбѣевъ, присланный въ Шую сыскивать виновныхъ въ торговлѣ табакомъ. Онъ беретъ бобыля Томилка Потапьева и дѣлаетъ ему „человѣку старому" 46 ударовъ безъ поличнаго доказательства, при чемъ срываетъ съ него ведро вина, сорокъ алтынъ и волосяную попону, за то, чтобы выпустить его, Томилка, изъ тюрьмы.

Изъ этого видно, что Тарбѣевъ, имѣвшій власть пытать, былъ отъявленный взяточникъ. Но вотъ другой актъ, который обрисовываетъ этого сыщика и съ иной стороны.

Въ томъ же году, въ которомъ жаловался Томилко, „били челомъ" Михаилу Θеодоровичу и Шуяне на того же сыщика Тарбѣева, говоря, что „онъ, Тарбѣевъ, научалъ бездѣльниковъ на насъ сиротъ твоихъ клепать табакомъ для своей корысти и многихъ насъ, сиротъ твоихъ, табашными дѣлами испродалъ, и отъ ево, Государь, табашнаго наученья многіе посацкіе людишки разбрелись розно, покиня жоны свои и дѣтей и животы, и Иванъ Тарбѣевъ въ ихъ мѣсто, поималъ жонъ ихъ и дѣтей и отдалъ за прилавокъ, а изъ за прилавка ихъ емлетъ къ себѣ на постелю на блудъ, угрожая имъ *пыткою* и торговой казнію." ([1])

([1]) Старинные Акты къ описанію гор. Шуи, стр. 71.

Вслѣдствіе этой жалобы, въ 1640 году, былъ присланъ въ Шую сыщикъ, допросить шуянъ, дѣйствительно ли Иванъ Тарбѣевъ производилъ показанныя злоупотребленія и безчинства. Шуяне подтвердили, добавивъ: „Да, онъ, Тарбѣевъ, женокъ ихъ изъ приставовъ къ себѣ на постелю на блудъималъ силою по ночамъ, и въ день Остапкову жену Татьяну Ѳедорову, да и за иными колодницами присылалъ сторожей, и самъ къ нимъ приходилъ, и въ окно къ нимъ лазилъ.“ (1)

И за какія преступленія подвергались мирные люди такимъ жестокимъ пыткамъ? За торговлю табакомъ, которая вскорѣ, при Петрѣ, была признана чуть не за святое дѣло, ибо Петръ писалъ въ Шую: „велѣно на Москвѣ и въ городахъ и въ уѣздахъ табакомъ торговать и нѣмецкія трубки и коробочки и иныя мелочи, къ тому табачному куренію принадлежащія, привозить англійскаго королевскаго величества подданному Фонъ-Каръ-Мартену и его прикащикомъ, и имъ налоговъ никакихъ не чинить, и велѣно ихъ остерегать, чтобы имъ никакихъ обидъ ни отъ кого не было и ихъ судомъ и расправой ни въ какихъ дѣлахъ не вѣдать, а бить челомъ на Москвѣ въ Оружной Палатѣ.“ (2)

Только въ одномъ случаѣ, по дѣлу покражи изъ церкви вещей, можно сказать, заслуживающему вниманія, пытки производились не безъ основанія, но и здѣсь замѣтно было пристрастіе: пытали чернаго попа (іеромонаха) Аврамея по оклеветанію

---

(1) Тамъ же, стр. 89.

(2) Тамъ же, стр. 359.

монастырскими служками, вызванному у нихъ тоже пыткою: „не стерпя многія пытки,“ дали они на попа ложное показаніе. Но, не смотря на это, попа Аврамея „и къ пыткѣ приводили, и разболокали, и на руки петли клали“ безвинно, потому что у него ничего поличнаго не нашли, а архимандритъ Троицкаго монастыря далъ о немъ одобрительный отзывъ, что „онъ, попъ Аврамей, живучи въ монастырѣ, ни за какимъ худымъ дѣломъ не хаживалъ.“

Видѣвъ какими строгостями сопровождались розыски о табакѣ, не безъинтересно взглянуть на самый порядокъ розысковъ, на допросы и показанія.

На допросныхъ рѣчахъ, дѣлаемыхъ Шуянамъ Шуйскимъ воеводою Игнатьемъ Судаковымъ въ 1637 году, они показали.

„Еремка Павловъ сказалъ: купилъ-де онъ, Еремка, въ Шуѣ въ городѣ у приходца у Ивашки, прозвище Вандышъ, полфунта табаку сырцу, далъ за него двадцать алтынъ. И воевода велѣлъ поставить передъ собой тово Ивашка Вандыша съ нимъ, съ Еремкою, на очную ставку и Ивашка сказалъ: тово-де онъ, Ивашка, не знаетъ, ни вѣдаетъ, чѣмъ де ево клеплютъ, и табакомъ-де онъ не промышляетъ, да онъ же сказалъ: не пьетъ-де онъ вина, а табакъ-де тянетъ.“

Вслѣдствіе оправдавшагося Ивашки Вандыша, Еремка Павловъ сдѣлалъ другое показаніе. „Купилъ-де онъ, Еремка, на страшной недѣлѣ у Шуянина у Треньки Коновалова полфунта табаку сырцу, далъ-де онъ двадцать алтынъ.“

Того же числа призвали на очную ставку Треньку Коновала и онъ, Тренька, сказалъ „тово-де онъ не

знаетъ, ни вѣдаетъ, чѣмъ его клеплютъ."

Того же числа *выията* (найдена) бумажка табаку у Шуянина Давыдка Кривощекова и въ разспросѣ онъ, Давыдко, сказалъ: „купилъ-де табаку онъ Давыдко, у Шуянина жъ у Илейки Свиньина на два алтына на свѣтлой недѣли."

И воевода велѣлъ „тово Илейку поставить съ очи на очи съ Давыдкомъ," и Илейка сказалъ: „тово де онъ, Илейка, не знаетъ, ни вѣдаетъ; табаку де ему, Давыдку, не продавалъ."

Илейка разспрашиванъ въ другорядь и въ разспросѣ сказалъ: „продалъ-де я ему, Давыдку, свекольнаго листу за табакъ." Да онъ-же, Илейка, сказалъ: „а есть-де табакъ у Шуянина у Тимошки Оверкіева."

„И воевода, взявъ съ собою понятыхъ, доѣзжалъ къ Тимошкѣ Оверкіеву на дворъ и вынялъ у тово Тимошки въ мѣшечкѣ табаку фунта съ два, и тово Тимошку про табакъ разспрашивалъ, и въ разспросѣ Тимошка Оверкіевъ сказалъ: то де не табакъ, толченъ блеклой яблонной листъ, а промышляютъ де тѣмъ дѣти его, Тимошки, ходя по Украйнѣ, а пригоденъ де тотъ толченой листъ къ ссадинамъ и красятъ-де имъ шерстяные поясы, а табакомъ-де онъ, Тимошка, не промышляетъ." ([1])

Имѣя въ виду, что пытки производились иногда людьми не честными, взяточниками, изъ своей корысти, естественно узнать: всегда ли сходило съ рукъ этимъ людямъ ихъ „воровство", какъ выражаются старинные акты, ихъ злоупотребленіе, данною имъ властію. Къ счастію не всегда.

([1]) Старинные акты къ Описанію г. Шуи, стр. 64.

Мы видѣли выше, что на сыщика Тарбѣева жаловался Томилко Потапьевъ что онъ, Тарбѣевъ, пыталъ его, Томилка, человѣка стараго, напрасно; на него же жаловались и всѣ Шуяне за разныя его воровскія дѣла, отъ которыхъ „многіе посацкіе людишки разбрелись розно, покиня женъ своихъ и дѣтей."

На другой годъ присылается въ Шую новый сыщикъ, Андрей Палицынъ, сыскивать уже про самого вышеупоминаемаго сыщика, Ивана Тарбѣева И велѣно ему, Палицыну, по разспросѣ посацкихъ людей, *пытать* сыщика Ивана Тарбѣева „и онъ, Ондрей Өедоровичъ Палицынъ, сыщика Ивана Тарбѣева пыталъ. Пыталъ крѣпко, на смерть, не противъ обысковъ пыталъ." (1)

Хотя изъ этого акта не видно, за что производилась пытка Ивану Тарбѣеву, но не будетъ большою смѣлостію предположить, что она производилась именно за злоупотребленіе властію, за пытки „для своей корысти" и за другія безчинства, производимыя имъ надъ Шуянами.

Здѣсь нельзя не замѣтить, что, не смотря на отсутствіе въ то время телеграфовъ, желѣзныхъ дорогъ и сносныхъ почтовыхъ сообщеній по непроѣзднымъ дорогамъ, судебныя дѣла велись успѣшно. Такъ на Тарбѣева жалобы были поданы въ 1639 году, а въ 1640-мъ онъ подвергся уже пыткѣ. Промежутокъ не очень великъ даже сравнительно съ нынѣшнимъ временемъ, пользующимся болѣе удобными путями сообщенія.

---

(1) Тамъ же стр. 77.

Теперь можетъ возбудиться вопросъ: кто были исполнителями пытокъ, такъ часто производившихся? Таковыми исполнителями были палачи.

Изъ граматы Алексѣя Михайловича, присланной въ Шую, мы видимъ, что изъ Шуи сбѣжалъ невѣдомо куда палачъ Дружина и губному старостѣ предписывалось: „палача Дружину сыскать, а будетъ его сыскать не гдѣ, и ты бы въ его мѣсто велѣлъ сошнымъ людамъ выбрать палача вновь. (¹)

Слѣдовательно, палачи были выборные и выбирались изъ сошныхъ людей. Но изъ другаго акта, нѣсколько позднѣйшаго, мы усматриваемъ, что палачи бывали и наемные.

„Се азъ, Ѳедоръ Матвѣевъ, съ пасынкомъ своимъ съ Иваномъ Игнатьевымъ, въ нынѣшнемъ во 180 (1672) году нанялся я, Ѳедоръ, у Шуйскаго земскаго старосты и у всѣхъ Шуянъ, посацкихъ людей и у сошныхъ людей въ Шую, въ губу, *въ палачи*. А я, Ѳедоръ и сынъ мой,—люди мы не боярскіе, ни монастырскіе, ни иныхъ ни какихъ чиновъ служеныхъ людей, ни помѣщиковъ, ни вотчинниковъ. Урожевецъ я, Ѳедоръ, *города Казани*; былъ посацкой тяглой человѣкъ.“ (²)

Выше было сказано, что въ Шуѣ были губные старосты, судившіе дѣла уголовныя. У губныхъ старостъ были помощники, завѣдывавшіе тюрьмами, стражей и палачами. Эти помощники назывались губными цѣловальниками и избирались изъ посац-

(¹) Тамъ же, стр. 118.

(²) Описаніе г. Шуи, стр. 342. Не отсюда ли образовалась въ Шуѣ поговорка: „не прикидывайся казанскимъ сиротой.“?

кихъ и сельскихъ людей Вотъ характеристика одного изъ таковыхъ цѣловальниковъ, изложенная Шуянами въ прошеніи Михаилу Ѳеодоровичу.

„Въ нынѣшнемъ, Государь, 1621 году сентября въ 7 день въ ночи пришолъ тотъ губный цѣловальникъ, крестьянинъ села Васильевскаго, Микитка Лобовъ, съ кабака пьянъ и вынялъ изъ тюрьмы сидѣлицу, разбойничью жонку Оксютку, къ себѣ на постелю, а самъ онъ, Микитка,уснулъ пьянъ, и та жонка, Оксютка, у нево изъ пазухи выняла ключи тюремные и выпустила изъ тюрьмы сидѣльцевъ, татей и разбойниковъ семь человѣкъ, а тюремный сторожъ, Ивашко Подрѣзъ, въ ту пору сошелъ къ себѣ ужинать.“ (1)

Сопоставивъ этого грязнаго цѣловальника съ вышепомянутымъ сыщикомъ Тарбѣевымъ, лазившимъ въ тюрьму къ колодницамъ черезъ окно, легко видѣть, на какой низкой степени въ нравственномъ отношеніи стояло тогда, какъ чиновничество, такъ и получиновничество. Но вотъ образчикъ нравственнаго воспитанія, заимствованный изъ сословія людей перворазрядныхъ, имѣвшихъ всѣ способы къ лучшему воспитанію.

Бьетъ челомъ и являетъ царю Михаилу Ѳеодоровичу кабацкій сидѣлецъ въ Шуѣ на посадѣ Мишка Микифоровъ, съ товарищи, что въ 18-й день декабря 1628 года учинился у нихъ грѣхъ на кабакѣ: „упала, Государь, свѣча отъ постава съ огнемъ, и отъ той Государь, свѣчи загорѣлась на полу рогожа, и въ то время у насъ на твоемъ Государевѣ кабакѣ валяетца *въ ярыжныхъ князь* Иванъ,

(1) Старинные Акты къ Описанію г. Шуи, стр. 29.

Иванов сын, Гундоровъ. И прискочи тотъ князь Иванъ, учалъ тое рогожу тушить, и на немъ князѣ Иванѣ порченки загорѣлись, и ноги у него отъ тѣхъ порченокъ потлѣли. И на немъ, князѣ Иванѣ, есть черная немочь, и нынѣ тотъ князь Иванъ тою черною немочью лежитъ боленъ. Вели, Государь, челобитье наше и явку записать; либо тому князю Ивану у насъ въ Шуѣ на твоемъ Государевѣ кабакѣ случитца отъ оной немощи смерть, и намъ бы сиротамъ отъ тебя, Государь, въ пенѣ не быть. Царь Государь, смилуйся.“ ([1])

А Шуйскій воевода, Димитрій Овцынъ вотъ какъ доноситъ объ этомъ Михаилу Θеодоровичу: „Да тѣжъ, Государь, кабацкаго сидѣльца Мишкины товарищи декабря въ 18 день на кабакѣ ночью сожгли, оберта въ рогозину, князя Ивана Иванова Гундорова до смерти, не вѣдомо для чево и тотъ, Государь, князь Иванъ Гундоровъ мертвъ лежалъ у нихъ въ анбарѣ одинадцать дней, и декабря въ 29 день прислалъ людей отецъ ево князь Ивановъ, князь Иванъ Гундоровъ и тѣло ево велѣлъ взять къ себѣ.“ ([2])

Низокъ уровень нравственнаго воспитанія былъ у мирянъ, но не выше былъ онъ и у нашего духовенства.

„Челомъ бьетъ“ Михаилу Θеодоровичу попъ Алексѣйце Кузьминъ на своего товарища, Шуи посаду Борисоглѣбскаго попа Алексѣя Прокофьева, что тотъ попъ Алексѣй Прокофьевъ: „похваляется Государь, на меня, Алексѣйца, всякими воровскими

([1]) Описаніе г. Шуи, стр. 270.
([2]) Описаніе г. Шуи, стр. 273.

статьями и убоемъ смертнымъ—быти де тебѣ у меня безъ головы; да въ нынѣшнемъ 139 году въ Свѣтлое Христово Воскресенье, у заутрени, убилъ меня тотъ попъ Алексѣй и опозорилъ, и ризы съ меня въ олтарѣ содралъ; и впредь, Государь, похваляетца не быти де тебѣ у меня живу.“ ([1])

Здѣсь большаго безчинства нѣтъ. Подрались два попа, одинъ съ другаго ризы содралъ въ алтарѣ у заутрени въ Свѣтлое Воскресенье, прибавивъ: „быти де тебѣ у меня безъ головы,“ и только. Но вотъ другой актъ освѣщаетъ наше прежнее духовенство съ иной стороны.

Отъ Преосвященнаго Серапіона, архіепископа Суздальскаго и Торускаго, присланъ въ Шую допросчикъ Андрей Мантуровъ, сыскать про Шуйскаго попа Антипа и онъ, Мантуровъ, Шуянъ допрашивалъ: „Попъ Антипа отъ Свѣтлаго Воскресенья по ся мѣсто (25 мая) на кабакѣ ходя пьетъ ли, и бражничаетъ ли, и, напився пьянъ, безчинствуетъ ли? и къ себѣ на дворъ съ кабака питье покупаетъ ли?“

На это Шуяне, посацкіе люди, по крестному цѣлованію сказали: „Попъ Антипа отъ Свѣтлаго Воскресенья и по ся мѣсто на кабакѣ ходитъ и пьетъ, и съ кабака покупаючи пьетъ, и къ себѣ на дворъ носитъ. То наша и сказка.“ ([2])

И здѣсь очень большой непристойности не видно. Попъ на кабакъ ходитъ и пьетъ, съ кабака покупаетъ и пьетъ и только. Но слѣдующій, третій

([1]) Старинные Акты къ Описанію г. Шуи, стр. 53.
([2]) Описаніе г. Шуи, стр. 291.

актъ, освѣщаетъ дурную сторону прежняго нашего духовенства еще ярче.

Въ 1677 году Преосвященный Стефанъ, архіепископъ Суздальскій и Юрьевскій, присылаетъ въ Шую слѣдующій запросъ: „Церкви Воскресенія Христова въ Шуѣ, попъ Григорей всегда ли ходитъ за прохладомъ и за пьянствомъ, и церковь Божія бываетъ ли безъ службы многіе дни? И о болящихъ и о скудныхъ людяхъ изъ малаго могорца (могарыча) съ потребами не ходитъ ли и умершихъ безъ большой мзды долго не погребаетъ ли? А пріѣзжіе люди на прикладъ подаютъ остатки и они, попы, выбираючи лутчіе, по себѣ дѣлятъ ли? Да онъ же, попъ Григорей, выборнаго церковнаго цѣловальника (старосту) бранитъ ли, проклинаетъ ли и отъ свѣчной казны отсылаетъ ли, и всю казну своею называетъ ли? Да онъ же попъ Григорей, въ бесѣдахъ напивается ли пьянъ и озорничаетъ ли? Всякою скаредною бранью мужской полъ и женской бранитъ ли? Срамные свои у..на бесѣдахъ и по улицамъ ходя, выставляя, кажетъ ли? и безъ прощенья къ олтарю приступаетъ ли?

На всѣ эти вопросы послѣдовалъ отъ Шуянъ „по святей Христовѣ и Евангельской непорочной заповѣди Господней“ утвердительный отвѣтъ. ([1])

Во всѣхъ означенныхъ случаяхъ обвиняемые оказывались по слѣдствію виноватыми, слѣдовательно, запросы отъ архіереевъ присылались основательные. Но бывали случаи, что присылались такіе запросы, которые даже не могли согласоваться съ здравымъ

([1]) Тамъ-же, стр. 357.

смысломъ. Преосвященные, какъ видится, до того извѣрились въ тогдашнихъ поповъ, что считали ихъ способными на всякую безшабашность, даже и невозможную.

Въ 1658 году Преосвященный Филаретъ, архіепископъ Суздальскій и Торускій, сдѣлалъ Шуянамъ запросъ: какъ соборный попъ Иванъ на медвѣдѣ ѣздилъ?

На этотъ запросъ Шуяне сказали: „По святой Христовѣ непорочной заповѣди ей, ей вправду—отъ слуху мы не слыхали, ни видѣньемь не видали, какъ соборный попъ Иванъ на медвѣдѣ ѣздилъ. То наша сказка.“ (¹)

Если столь не благоправно было духовенство и дворянство съ чиновничествомъ, то, понятно, не могъ быть лучшей нравственности и народъ въ особенности послѣ смутнаго времени самозванцевъ.

Частые грабежи, разбои и убійства были тогда обычнымъ явленіемъ. Они безпокоили не только обывателей, но и самое правительство, которое должно было принимать для исправленія этого зла сильныя мѣры; вынужденнымъ пришлось учредить Разбойный Приказъ. Это что то въ родѣ нынѣшняго Министерства Внутреннихъ дѣлъ или, по крайности, департамента полиціи. Для подтвержденія сказаннаго беру нѣсколько извлеченій изъ находящихся подъ руками актовъ по этому предмету.

Въ 1641 году присланъ въ Шую указъ Михаила Θеодоровича земскому старостѣ Лисину, чтобы онъ заказалъ (запретилъ) въ Шуѣ *на посадѣ* всякимъ людямъ и харчевникамъ продавать помногу

(¹) Тамъ-же стр. 314.

хлѣбъ и калачи незнакомымъ людямъ, и, пуская ихъ на дворы, разспрашивать и о томъ извѣщать въ съѣзжей избѣ воеводѣ Мишукову; а каковы эти приходящіе незнакомые люди узнавать и примѣчать-не подойдутъ ли они подъ примѣты, прилагаемыя къ указу. А примѣты приложены 25-ти разбойниковъ. Вотъ одинъ образчикъ: „Сережка Афонасьевъ собою низменъ, плоскъ, бѣлъ, кудрявъ, борода не велика, бѣла, плѣшивъ, глаза бѣловатые, Углецкій выемщикъ." (1)

Въ 1644 году присылается другой указъ со стольникомъ Михайломъ Щетининымъ, розыскать „кто въ Шуѣ на посадѣ и въ уѣздѣ держитъ лихихъ людей татей и разбойниковъ и душегубовъ, и кого тѣ разбойники разбивали, или тати кого крали, или кто ково убилъ до смерти. И кто нынѣ крадетъ и разбиваетъ и до смерти людей побиваетъ. И кто станы держитъ и къ кому татиную и разбойную рухлядь привозятъ" и проч. На эти запросы Шуяне посацкіе люди показали по крестному цѣлованію, „что въ Шуѣ на посадѣ татей и разбойниковъ и смертныхъ убойцовъ нѣтъ и ихъ никто не держитъ и татиныя и разбойныя рухляди ни къ кому не привозятъ. А кто въ Шуйскомъ уѣздѣ тати и разбойники, того они не вѣдаютъ. А и вѣдаемъ, что въ прошломъ 151 (1643) году іюля въ 25 день вдову Анну Иванову Колобову, да сына ея Ѳедора, да Ѳедора Мишукова на дорогѣ, на болотѣ Вангирѣ, разбойники разбивали, и на тѣхъ разбойниковъ ходили изъ Шуи въ тотъ же день (воевода) Абрамъ

(1) Описаніе г. Шуи, 290.

Мишуковъ, а съ нимъ были дворяне и дѣти боярскіе и мы посацкіе люди и взяли того разбою на томъ мѣстѣ села Палеха попова сына, зовутъ Титкомъ, да на томъ же разбоѣ, на болотѣ Вангирѣ, Ѳедоръ Мишуковъ убилъ разбойника, да на томъ же разбоѣ убили до смерти разбойники человѣка Анны Ивановой Колобовой, Гришку Гвоздева." ([1])

Въ 1645 году присылается новая царская грамота стольнику князю Щетинину, находившемуся въ Шуѣ для розыска разбойныхъ дѣлъ. Содержаніе ея въ сокращенномъ видѣ слѣдующее:

„Писали есте къ намъ, что по нашему указу велѣно вамъ быти въ Суздалѣ и въ Шуѣ для сыску татиныхъ и разбойныхъ и убійственныхъ дѣлъ, а съ вами велѣно быть для того сыску Суздальцамъ, дворянамъ и дѣтемъ боярскимъ сту человѣкъ; и въ прошломъ во 152 году, пониманъ у васъ становой разбойникъ Мишка Толстой съ товарищи; а говорилъ-де тотъ Мишка Толстой на товарищевъ своихъ *на становыхъ же* разбойниковъ на Гришку, да на Ваську Муринкиныхъ и на многихъ людей въ Костромскомъ уѣздѣ и иныхъ городовъ. А по нашему указу велѣно вамъ въ городы и уѣзды по-

([1]) Тамъ-же, стр. 299

На мѣстѣ, гдѣ убитъ былъ Гвоздевъ, не извѣстно кѣмъ поставленъ каменный бѣлый крестъ съ слѣдующею высѣченною вязью надписью: „Лѣта 7132 октомврія 19 дня на память св. Пророка Иоиля убіенъ бысть рабъ Божій Григорій Ивановъ сынъ Гвоздевъ." Это мѣсто на болотѣ, въ четырехъ верстахъ отъ Шуи, по дорогѣ къ селу Палеху. Памятникъ стоитъ и по сіе время.

сылать для поимки разбойниковъ дворянъ и дѣтей боярскихъ и *служекъ монастырскихъ*. И въ нынѣшнемъ во 153 году февраля въ 26 день послана къ вамъ наша грамота изъ Разбойнаго Приказу, да подъ тою грамотою имена Суздальцевъ, дворянъ и дѣтей боярскихъ, кому быть съ вами у сыскнаго дѣла, а число ихъ шестьдесятъ человѣкъ. И вы пишете, что для розыску посылали дворянъ и дѣтей боярскихъ, чтобы товарищевъ Мишкиныхъ, Ваську, да Гришку Мурышкиныхъ, перенмали, а перенмавъ прислали къ намъ въ Шую къ языкамъ на очную ставку; и марта въ 16 день писали-де къ вамъ съ Костромы, что разбойники Васька, да Гришка Мурышкины съ товарищи разбиваютъ денно и почно, а у Костромскаго воеводы ратныхъ людей нѣтъ, да и вамъ-де то вѣдомо, что Мишкины товарищи со многими людьми разбиваютъ во многихъ мѣстахъ и людей до смерти побиваютъ и домы пожигаютъ и вамъ-де за тѣми разбойниками посылать не кого и самимъ ходить не съ кѣмъ. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ и вы бъ для становыхъ разбойниковъ сами ходили и за ними посылали губныхъ старостъ и отставныхъ дворянъ, и дѣтей боярскихъ, и губныхъ цѣловальниковъ, и монастырскихъ служекъ, и уѣздныхъ всякихъ людей сотскихъ и пятидесятскихъ и десятскихъ со всякимъ *ратнымъ боемъ*." (1)

(1) Тамъ же, стр. 302. — Изъ этого акта можно видѣть, что для поимки разбойниковъ повелѣвалось брать дворянъ и дѣтей боярскихъ первыми; слѣдовательно, это сословіе считалось всегда на государственной службѣ или обязанное служить.

Это были грабежи и убійства въ уѣздахъ, по коіхъ случилось убійство и въ самомъ городѣ, Шуѣ, и Алексѣй Михайловичъ шлетъ въ Шую указъ земскому старостѣ Ивану Смолянину съ товарищи, „чтобы со всѣхъ Шуянъ посацкихъ людей пеню взять большую, за то, что среди посаду учинились два смертныя убійства посацкихъ людей, одново убили до смерти, а другому горло вырѣзали, а земскіе старосты и посацкіе люди о томъ въ Суздаль не писали: знатное дѣло, говорится въ указѣ, что то воровство хотѣли утаить и воровъ укрыть По указу Великаго Государя за такое укрытье и попоровку воровскимъ людямъ взыскать съ земскихъ старостъ по пяти рублевъ, а съ посацкихъ безобходно со всякаго двора по рублю, и деньги тотчасъ доставить на съѣзжій дворъ, чтобы впредь въ Шуѣ на посадѣ потачки воровству не было. Да съ тѣхъ же двух смертныхъ убивствъ доправить въ казну Великаго Государя поголовныхъ денегъ восемь рублевъ, восемь алтынъ, четыре деньги.“ (1)

Послѣ такого множества описанныхъ разбойничьихъ шаекъ и производимыхъ ими грабежей и убійствъ нечего удивляться, что Шуя обязана была имѣть своего палача (2), а государство особый раз-

---

(1) Тамъ же, стр. 322.

(2) Въ двадцатыхъ годахъ мнѣ пришлось разъ видѣть въ Шуѣ наказаніе преступника чрезъ палача. Для этого, наказываемаго кладутъ на кобылу это скамья, одинъ конецъ которой поднятъ кверху. На верхнемъ концѣ сдѣлана была полукруглая вырѣзка, въ которую вкладывалась голова преступника и привязывалась ремнемъ, чтобы она не могла подниматься. Руки и ноги

бойный приказъ. Зло было очень велико. Однако жители Шуи этому злу, какъ видно, были не причастны, если не принимать въ расчетъ павшаго на нихъ подозрѣнія, изложеннаго въ послѣднемъ актѣ; разбойники были изъ людей незнакомыхъ, исключая только одного попова сына, Титку. Но это не служитъ еще доказательствомъ, что Шуяне были совершенно безъ слабостей. Они, конечно, ихъ имѣли и, какъ видится, не меньше, если не больше нынѣшняго. Нѣкоторыя слабости удержались отъ временъ языческихъ и нужно полагать, что Шуяне предавались имъ съ излишкомъ, потому что слухъ о нихъ дошелъ до царя Алексѣя Михайловича. Тишайшій

тоже привязывались; спина раскрывалась нагосреди. Палачъ становился не сбоку, а сзади наказываемаго. Палачъ былъ ражій мужикъ въ красной рубахѣ, съ засученными по локоть рукавами, и, какъ помнится, своимъ положеніемъ рисовался. Ременный его кнутъ толщиною у рукоятки былъ пальца въ два, длиной около двухъ аршинъ. Когда палачъ съ размаху нанесъ по голой спинѣ первый ударъ наказуемому, — онъ нечеловѣческимъ голосомъ взревѣлъ и какъ бы обмеръ. Дальнѣйшіе удары, а ихъ было, помнится, около 15, палачъ наносилъ уже почти безгласному наказуемому; во все остальное время онъ лишь тихо стоналъ. Удары наносились не часто; не менѣе какъ черезъ полминуты. Палачъ каждый разъ отходилъ нѣсколько шаговъ назадъ и кнутъ обшаркивалъ. Съ кобылы сняли наказаннаго на рукахъ. По спинѣ его текла кровь. Спина оказалась черно-багровою, мѣстами кожа съ нея была сорвана и висѣла лоскутками. День былъ базарный; народу множество. Кто-то подставилъ народу шапку и народъ, тѣснясь, сталъ бросать въ нее мѣдныя деньги въ пользу наказаннаго.

Алексѣй Михайловичъ принялъ это къ сердцу и шлетъ въ Шую воеводѣ Змѣеву слѣдующій указъ:

„А какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и ты бы въ Шуѣ по улицамъ, и по торжкамъ, и по переулкамъ велѣлъ кликати бирючамъ (глашатаямъ) по многіе дни, чтобъ всякихъ чиновъ люди, нынѣ и впредь, въ навечери Рождества Христова коляды и жены и плуги (языческія игры) не кликали, и бѣсовскихъ, сквернословныхъ пѣсенъ николи не пѣли, и въ субботу въ вечеръ противъ воскресныхъ дней, и въ праздники бань не топили, и въ воскресные же дни и по господскимъ праздникамъ платья не мыли, и б.... не творили, и матерно не бранилися, и пьяные бь люди всякаго чину не ходили, и *бородъ не брили*, и *на качеляхъ не качались*, и до обѣдни въ харчевняхъ не сидѣли, на игрища не сходилися, и всякою лаею не бранилися. И за такія супротивныя христіанскому закону неистовства быть отъ насъ великой опалѣ и въ жестокомъ наказаньѣ.“ (1)

Понятно, что Алексѣй Михайловичъ запрещалъ языческіе игрища и обычаи, какъ противорѣчащіе ученію Христову, а также и бритье бородъ, удержавшееся отъ временъ язычества, потому что наши предки, язычники, имѣли обыкновеніе брить не только бороды, но и головы. Бритье послѣднихъ въ это время уже, должно быть, прекратилось, оставалось лишь бритье бородъ. А это считалось большимъ грѣхомъ. Стоглавый Соборъ постановилъ: „Аще кто бороду брѣетъ и преставится тако, не достоинъ

(1) „Описаніе г. Шуи,“ стр. 16.

надъ нимъ служити, ни сорокоустіе по немъ пѣти, ни просфоры, ни свѣчи по немъ въ церковь приносити, съ невѣрными да причтется."

Это постановленіе Алексѣй Михайловичъ, вѣроятно, хорошо зналъ и старался его исполнить изъ убѣжденія религіознаго. Но какимъ побужденіемъ руководился Государь, запрещая качаться на качеляхъ? Или и качели есть остатокъ отъ язычества? Если такъ, то здѣсь, запрещая качели, указъ Алексѣя Михайловича является дѣяніемъ непослѣдовательнымъ, потому что въ то же время въ самомъ царскомъ дворцѣ были качели. На нихъ качалась сама царица Евдокія Лукьяновна, мать Государя. Для нея качель была устроена въ переднихъ сѣняхъ. Обшита она была сукномъ багрецомъ червчатымъ, а поверхъ сукна покрыта бархатомъ гладкимъ. Въ томъ же году, въ которомъ присланъ былъ указъ въ Шую, устроена была во дворцѣ другая качель для сестры Государевой, царевны Анны Михайловны. Качельныя веревки были обшиты червчатымъ бархатомъ, котораго пошло 3 аршина 2 вершка.

Даже позднѣе этого, именно въ 1686 году, въ хоромахъ у царицы Прасковьи Ѳедоровны, супруги Іоанна Алексѣевича, было устроено три качели и при нихъ миндерь (матрацъ). Послѣдній, вѣроятно, на случай паденія. ([1])

Припомнивъ все, ранѣе сказанное о нравахъ духовенства, дворянъ, чиновниковъ и простонародья, легко понять, сколь не высока была ихъ нравственность.

([1]) Домашній бытъ Русскихъ Царицъ. Забѣлина

Люди, придерживающіеся старины, нынѣшній вѣкъ считаютъ маловѣрнымъ и безнравственнымъ, сравнительно съ вѣками прошедшими; народъ неблагочестивымъ, духовенство не богостращнымъ, начальство мздоимнымъ и притязательнымъ: жаль, что эти люди не читаютъ исторіи, которая весьма поучительна и въ высшей степени помогаетъ образованію; изъ нея бы они узнали, что въ прежнее время и народъ былъ менѣе благочестивъ, и духовенство менѣе богостращно, и начальство болѣе притязательно и мздоимчиво, какъ, напримѣръ, показанные сыщики, — увидѣвъ все это, они гораздо умѣрили бы нареканіе на вѣкъ нынѣшній и восхваленіе вѣкамъ прошедшимъ.

Едвали не къ тому мы придемъ и въ отношеніи экономическомъ, жалуясь на трудность нынѣшней жизни и большіе налоги. Безспорно, что нынѣшніе налоги крупнѣе прежнихъ, но вѣдь крупнѣе прежнихъ и нынѣшніе заработки, какъ рабочаго люда, такъ и фабрично-торговаго: они и въ сравненіе съ прежними не могутъ быть поставлены.

Привожу образцы прежнихъ налоговъ, которыхъ нынѣ мы не знаемъ, а узнавъ, подивимся.

Въ 1614 году прислана въ Шую Михаиломъ Ѳеодоровичемъ таможенная грамота, по которой облагались пошлиной всѣ отечественные товары, кромѣ хлѣба, служащіе къ продовольствію и одеждѣ жителей, матеріалы для постройки, дрова, уголь, живой скотъ и проч. Со всѣхъ этихъ товаровъ взималось, какъ при ввозѣ въ Шую такъ и при вывозѣ изъ нея по полутора деньги съ воза;

взималось и въ томъ случаѣ, когда шуянинъ только провезетъ товаръ черезъ Шую, не торгуя въ ней. Обязаны были платить пошлины и тѣ, кто покупалъ товаръ на базарѣ для своей торговли: „А купитъ себѣ городской человѣкъ въ лавку медъ или икру, или рыбу, имати съ него съ рубля по деньгѣ." Размѣръ пошлины былъ однако не одинаковъ. Съ шуянъ и крестьянъ Шуйскаго уѣзда взималось, кромѣ возовыхъ, съ рубля по двѣ деньги, а съ торговыхъ людей другихъ городовъ по 4½ деньги съ рубля. А если эти торговые люди съ товаромъ будутъ Великаго Новгорода, Псковичи, Тверичи, Рязанцы, то имати съ нихъ по семи денегъ; съ угля съ воза по полуденьгѣ, съ дровъ съ воза по плашкѣ. Съ проданнаго дома или двора по полторы деньги. (¹)

Изъ этой таможенной уставной грамоты видно, что Новгородцы, Псковичи, Тверичи и Рязанцы считались по размѣру бравшихся съ нихъ пошлинъ, какъ бы не коренными русскими, ибо размѣръ этихъ пошлинъ былъ почти вдвое болѣе, чѣмъ съ торговцевъ „другихъ городовъ", и приравнивался онъ къ размѣру, взимавшемуся съ *иноземцевъ*. Кромѣ самой величины, сколь тяжело должна была ложиться на торговцевъ самая процедура взиманія этого налога: „съ воза угольа по полуденьгѣ, съ воза дровъ по плашкѣ, таковой, каковы будутъ дрова."

Затѣмъ слѣдуетъ налогъ на бани. Въ 1704 году полученъ въ Шуѣ указъ Петра Великаго, чтобы построить Шуянамъ торговыя бани и „отдавать тѣ

(¹) Описаніе г. Шуи, стр. 247.

бани на оброкъ охочимъ людямъ, кто съ торгу больше дастъ денегъ;“ съ бань же частныхъ лицъ, „богатыхъ и знатныхъ людей и поповскихъ“ брать пошлины по рублю, а съ бѣдныхъ по 5 алтынъ съ бани; съ крестьянъ же и *дѣловыхъ* людей взимать по два алтына и двѣ деньги.“ ([1])

Налогъ довольно значителенъ и, главное, онъ былъ очень непріятенъ, потому что баня изстари составляла необходимую принадлежность комфорта и удовольствія русскихъ людей. Объ этомъ удовольствіи повѣствуетъ даже нашъ древній лѣтописецъ Несторъ. По его сказанію, когда св. апостолъ Андрей, проповѣдуя христіанское ученіе въ Европѣ, то „приде въ Словѣны идѣже нынѣ Новгородъ: и видѣ ту люди сущая, и какъ ся моютъ, хвощутся и удивился имъ. Иде въ Варяги и приде въ Римъ и повѣда, елико видѣ и рече имъ: „дивно видѣхъ во Словенской землѣ, идучи ми сѣмо, видѣхъ бани древяны и пережгутъ я рамено (сильно), совлокутся и будутъ нази, и обліются квасомъ усніянымъ, и возьмутъ на ся прутіе младое, біются сами, и до того себя добіютъ, егда вылѣзутъ (чуть) живы, и обліются водою студеной, тако и оживутъ; и то творятъ по вся дни, не мучимы ни кѣмъ.“ ([2])

Мы знаемъ, что когда великій князь Олегъ взялъ Константинополь, то однимъ изъ условій въ мирномъ договорѣ постановилъ право русскимъ гостямъ, торговавшимъ въ Царьградѣ, мыться въ баняхъ,

---

(1) Тамъ же, стр. 98.

(2) „Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей.“ 1846 года Т. I, стр. 4.

сколько похотятъ „и да творятъ имъ мовь, елико хотятъ." ([1])

Не забыты бани и нашей поэзіей. Въ одной изъ старинныхъ пѣсенъ поется:

Спасибо тебѣ, родной братецъ,
На дровахъ сухихъ, перелѣтовыхъ!
Спасибо тебѣ, родная невѣстушка,
На пару, на банькѣ, на мягкомъ вѣничкѣ. ([2])

Посягнувъ на бани, исконное удовольствіе народа, Петръ, въ 1705 году, шлетъ въ Шую новый указъ, тяжелѣйшій указа о баняхъ. Новымъ указомъ повелѣвалось всѣмъ Шуянамъ, кромѣ поповъ и дьяконовъ, бороды и усы брить и платье носить нѣмецкое, „а буде которые люди бородъ и усовъ брить не похотятъ, а похотятъ ходить съ бородами, и съ тѣхъ людей, съ бородъ велѣно имать пошлинныя деньги по указнымъ статьямъ." ([3])

А по указнымъ статьямъ взималось:

Съ служилыхъ людей и царедворцевъ .	60	руб.
„ гостей (купцовъ) первой статьи . .	100	„
„ торговыхъ и посадскихъ людей . .	60	„
„ боярскихъ людей, ямщиковъ, церковныхъ причетниковъ и проч. . . .	30	„

Съ крестьянъ брать вездѣ по воротамъ пошлину по двѣ деньги съ бороды по всѣ дни, какъ поѣдутъ въ городъ и за городъ. ([4])

([1]) Исторія Россіи. Соловьева. Т. I, стр. 125, и П. С. Р. Л. I. стр 13.

([2]) Сказанія Русскаго народа, собр. Сахаровымъ. Т. I, кн. 3, стр 163.

([3]) Описаніе г. Шуи, стр. 22.

([4]) Исторія Россіи, Соловьева. Т. IX, стр. 13.

Лица, внесшія пошлины, получали мѣдные значки съ ушками для ношенія на шеѣ. Они были круглые и четырехъ-угольные съ надписями разными, напримѣръ: „Денги взяты 1705;“ „сбороды пошлина взята 1725 года,“ или: „Борода лишняя тягота, пошлина сбороды взята.“

Можно себѣ представить, какъ, вѣроятно, были поражены Шуяне этимъ указомъ, понуждавшимъ ихъ разстаться съ бородами, которыя почитались за одинъ изъ признаковъ христіанскаго благочестія и за бритье которыхъ Алексѣй Михайловичъ не такъ давно стращалъ „великой опалой и жестокимъ наказаніемъ.“ И вдругъ, разстаться съ бородами, за которыя фанатики готовы были сложить головы: „Въ головѣ моей, Государь, ты воленъ, а въ бородѣ нѣтъ,“ говаривали бояре въ глаза Государю, Петру. Тогда непоколебимый Петръ бралъ ножницы и собственноручно обрѣзывалъ боярскія бороды.

Такая непреклонная воля Государя неминуемо заставила большую часть Шуянъ сложить свои бороды, надѣть платье нѣмецкое и явиться предъ нашими прабабушками истыми кавалерами, а для того чтобы наши старинные швецы знали, какъ нѣмецкое платье шить, Государь приказалъ выставить по всѣмъ городамъ на столбахъ нѣмецкія „чучелы.“

Кромѣ означенныхъ налоговъ, въ видѣ внутреннихъ пошлинъ на товары, на бани и бороды, Шуяне уплачивали въ казну и другіе сборы.

Въ 1650 году такихъ сборовъ собиралось: со 154 дворовъ оброку 18 руб. 7 алт. 2 деньги, съ сусла и квасу 4 р. 30 алт. 2 деньги, съ мельницы

и перевозу 16 р. 24 алт., съ 11 кузницъ 1 р. 13 алтынъ 2 деньги, съ 46 лавокъ, 37 шалашей, съ 8 полковъ 9 р. 21 алт. 3 деньги, съ площаднаго письма 17 алт. 3 деньги, съ лавки, что подъ земскою избою, да съ шалаша, да съ трехъ скамей 1 р. 8 алт. 2 д., съ мыльной мелкой рѣзи и съ дехтю 5 р. 8 алт. 2 деньги, всего 43 р. 18 алт., а во всѣхъ приказахъ собрано 104 рубля 7 алт. 2 деньги. ([1])

Этотъ налогъ не великъ, но не великъ былъ тогда и городъ, да кромѣ того жители его далеко не такъ были и богаты, сравнительно съ жителями нынѣшняго времени. Затѣмъ нужно принять во вниманіе, что тогдашнія деньги стоили дороже нынѣшнихъ, въ звонкой монетѣ, какъ увидимъ ниже, почти въ три раза, а если сравнимъ ихъ съ нынѣшними кредитными, то рубль ихъ будетъ стоить 4 р. 26 к. нынѣшнихъ.

Въ этомъ актѣ упоминается мыльная рѣзь. Что это за товаръ? Вѣроятно онъ получался отъ разрѣзыванія мыла на куски, производившагося на здѣшнихъ мыльныхъ заводахъ.

Мыльные заводы, которыхъ было 11, составляли, какъ видится, главный промыселъ Шуянъ. Этотъ промыселъ и далъ мысль Екатеринѣ II изобразить на гербѣ г. Шуи кусокъ мыла. Мыло попало даже въ народную поэзію, хотя поэтическаго въ немъ очень мало. Въ одной изъ старинныхъ пѣсенъ говорится:

И я встану, младешенька,
Ранымъ-рано, ранешенько,

([1]) Старинные Акты къ Опис. г. Шуи, стр. 126.

Я умоюся, младешенька,
Шуйскимъ мыльцемъ бѣлешенько. ([1])

Но не одними мыльными заводами изобиловала Шуя. Въ Концѣ XVII столѣтія въ ней было 16 заводовъ кожевенныхъ, сбывавшихъ свои произведенія въ Архангельскъ, въ англійскія торговыя конторы. Эту промышленность не могъ не замѣтить Петръ Великій. Въ заботѣ о развитіи силъ промышленныхъ, онъ шлетъ въ Шую указъ, дабы Шуяне выслали въ Москву двухъ человѣкъ для обученія кожевенному дѣлу „новымъ маперомъ." Въ то же время шлетъ другой указъ, чтобы кожевенные заводчики г. Шуи накопляющуюся у нихъ на заводахъ шерсть не бросали „а дѣлали бы изъ нея войлоки."

Кромѣ мыльныхъ и кожевенныхъ заводовъ, въ Шуѣ было 14 заведеній сыромятныхъ, 7 скорняжныхъ, 4 рукавичныхъ, 4 мѣдно котельныхъ, 11 кузнечныхъ и, наконецъ, мастерство иконописное, получившее извѣстность во всей Россіи подъ именемъ иконописи *Суздальской*, потому что Шуя въ прежнее время была города Суздаля пригородкомъ.

Но изъ прежнихъ царей не одинъ Петръ Великій заботился о поддержаніи и развитіи шуйской промышленности. Эта забота проявлялась и раньше его, у Михаила Θеодоровича.

Въ 1638 году онъ шлетъ въ Шую указъ воеводѣ Судакову, слѣдующаго содержанія:

([1]) Сказанія Русскаго Народа, собр. Сахаровымъ. Т. I, кн. 3, стр. 216.

„Били намъ челомъ Шуйскіе посацкіе люди, что Шуйскіе приказные не велятъ лѣтомъ хлѣбникомъ и калачникомъ топить избы, а кузнецамъ кузницы, а они де, посацкіе люди, тѣмъ кормятся и подати платятъ, что на торгъ хлѣбъ и калачи пекутъ и кузнечное дѣло дѣлаютъ, и которые-де люди лѣтнею порою начнутъ избы топить и кузнечное дѣло дѣлать, и Шуйскіе-де приказные ихъ бьютъ бадогами и сажаютъ въ тюрьму, да на нихъ же правятъ заповѣди по два рубля. И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ и ты-бы имъ въ лѣтнюю пору велѣлъ мыльни и избы топить и кузнечное дѣло дѣлать безъ запрету, чтобы имъ въ торговомъ промыслу убытку не было.“ ([1])

Помимо промышленности заводской и хлѣбной, въ Шуѣ существовала промышленность и торговая. Здѣсь въ 1529 году находился гостинный дворъ, на который пріѣзжали иногородніе и иностранные купцы, именовавшіеся *гостями* (отсюда и *гостинный* дворъ).

Въ писцовой книгѣ того времени значится: „Въ Шуѣ на посадѣ дворъ гостинъ, а на немъ двѣ избы, а въ нихъ дворникъ Карпушка Θедоровъ, да на дворѣ жъ есть лавки, да сарай солянoй въ длину семь саженъ. А сказали посацкіе люди, что тѣ лавки и сарай построены на *Государевы деньги*, а торгуютъ въ тѣхъ лавкахъ пріѣзжіе съ разныхъ городовъ торговые люди и пошлину платятъ въ таможнѣ головамъ и цѣловальникамъ. А того де они не вѣдаютъ, почему на годъ съ лавки и съ гостинаго двора собираютъ. А таможенные головы и цѣло-

([1]) Описаніе г. Шуи, стр. 282.

вальники платятъ таможенныя деньги ежегодь на Москвѣ въ приходъ большія казны Въ длину гостиный дворъ 25, а въ ширину 20 саженъ". ([1])

Изъ другаго акта отъ 1654 года видно, что въ гостинномъ дворѣ находилась лавка англійской торговой компаніи отъ англійской конторы, находившейся въ Архангельскѣ, ибо англичанамъ грамотою отъ 1557 года дозволялось жить въ Россіи повсемѣстно, имѣть дома и лавки и торговать безпошлинно.

Затѣмъ въ Шуѣ существовало двѣ ярмарки: Троицкая, около бывшаго Троицкаго монастыря и Борисоглѣбская, близъ Борисоглѣбской церкви, нынѣ Воздвиженской.

Вслѣдствіе развившейся здѣсь промышленности и торговли, нѣкоторые изъ Шуянъ имѣли хорошіе достатки, не смотря на обиды и разоренія, чинимыя имъ, „сиротамъ государевымъ," современнымъ начальствомъ. Вотъ одинъ изъ актовъ отъ 1646 года, подтверждающій сказанное.

„Бьетъ челомъ" царю Алексѣю Михаиловичу сирота государевъ, Шуянинъ посацкой человѣкъ Матюшка, Васильевъ сынъ, Москвитиновъ, что у него покрали тати на дворишкѣ изъ надпогребнаго анбара: 23 новины бѣлыхъ, цѣна которымъ 11 р. съ полтиной, да краски крутику (индиго) полпуда, цѣна 14 рублей, да изъ коробьи ожерелье мужское жемчужное, цѣна 2 рубля съ четвертью, да монисто 12 крестовъ, да чепочку серебряные, цѣна 4 рубля съ полтиной, три перстня мужскіе серебря-

([1]) Описаніе г. Шуи, стр. 68.

ные, одинъ позолоченъ съ камнемъ лазоревымъ, да два съ печатными рѣзными, 4 перстня женскихъ позолочены, два съ красными вкладинами, третій съ жемчуги, четвертый съ сердоликомъ съ краснымъ, цѣна перстнямъ два рубля съ гривной, 3 рубашки мужскихъ шиты золотомъ, цѣна шесть рублевъ, 3 портки съ тачки, цѣна 35 алтынъ, кичка дорогильная зелена, очелье шито золотомъ, цѣна 10 алтынъ, 8 сорокъ шиты золотомъ, цѣна два рубля, 6 полотенецъ шиты золотомъ, цѣна полтора рубля съ гривною, да пять ширинокъ шиты золотомъ и серебромъ, *накищены* шелкомъ, цѣна два рубля съ полтиной, да поясъ шелковый, цѣна двѣ гривны, да кушакъ тафтаной красной, цѣна полполтины, да нашивку съ женской однорядки шелковую черную, цѣна полтина, опояску бумажную пеструю, цѣна двѣ гривны, тафейку ребячью, сукно красное, цѣна гривна, да нашивку шолковую лазоревую съ золотомъ, цѣна 20 алтынъ, двѣ скатерти, цѣна 20 алтынъ съ гривною, да крестъ мужской серебряный позолоченъ, цѣна 4 гривны, да денегъ 32 рубля, да закладу 2 рубахи мужскія шиты золотомъ, цѣна 2 рубля, двѣсти бѣлокъ, цѣна сорокъ алтынъ, да шапку мужскую съ пухомъ, сукно черное, цѣна 30 алтынъ. Всего, Государь, покрали живота моего, говорится въ актѣ, на восемьдесятъ рублевъ на 1 алтынъ и 4 деньги.“ (1)

По этимъ вещамъ мы можемъ видѣть, что „сирота государевъ“ щеголялъ въ рубахахъ шитыхъ

(1) Старинные акты, относящіеся къ Описанію г. Шуи. стр. 110.

золотомъ, носилъ ожерелье жемчужное, перстни съ камнями лазоревыми, поясъ шелковый въ двѣ гривны, опоясывался пестрой опояской, шапку имѣлъ съ пухомъ сукна чернаго, утирался полотенцами, шитыми золотомъ....

Замѣчательно, что здѣсь упоминается полпуда краски крутику. Изъ этого можно заключить, что челобитчикъ занимался крашеніемъ холстовъ въ синій кубовый цвѣтъ, чего, впрочемъ, ни въ одномъ актѣ не значится. А это весьма возможно. Въ одномъ изъ актовъ 1656 г. встрѣчается въ Шуѣ фамилія *Красильникъ*; затѣмъ, въ нѣкоторыхъ селеніяхъ, облегающихъ Шую съ востока, таковымъ крашеніемъ жители занимались сто лѣтъ тому назадъ и носили фамиліи *Красильниковыхъ*. Не мудрено, что это занятіе они позаимствовали изъ Шуи

Не менѣе замѣчательна и дешевизна цѣнъ, упоминаемыхъ предметовъ. Вотъ еще примѣры этой дешевизны.

„Се азъ крестьянинъ Самуйло Аѳанасьевъ съ сыномъ своимъ Андреемъ продали есми хоромы Степану Макарову, въ Шуѣ, на посадѣ, на *широкой* улицѣ на мирской землѣ; а на дворѣ хоромъ изба, да баня съ передбанникомъ, да клѣть съ подклѣтомъ, да надпогребница; а около двора и огорода кругомъ городьба въ заборахъ; а взялъ есми за тѣ свои хоромы *три рубли*“ (1654 г.). [1]

„Се азъ Шуи посаду вдова Офимья Ѳедорова продала есми Шуи жъ посаду Матвѣю Котельникову дворовые свои хоромы, въ Шуѣ жъ на по-

---

(1) Описаніе г. Шуи, стр. 309.

садѣ на государевѣ землѣ избу, да анбаръ съ дворовою городьбою и съ воротами и съ запаснымъ лѣсомъ; а взяла я за тѣ хоромы и за лѣсъ и за городьбу дѣвять рублевъ". (1643 г.) [1])

Эти акты даютъ намъ ясное понятіе о значеніи слова *хоромы*. Подъ этимъ словомъ часто разумѣютъ большой хорошій домъ; изъ актовъ же видно, что хоромы составляютъ весь дворъ вмѣстѣ съ домомъ и даже огородомъ Это, какъ видится, то же, что нынѣшняя усадьба.

Въ 1673 году описанъ былъ тюремный острогъ въ Шуѣ. Жаль, что не указано мѣсто, гдѣ онъ находился; видно только, что онъ одною стѣною стоялъ къ большой дорогѣ. Величина его семь саженъ печатныхъ, какъ длины, такъ и ширины. Обнесенъ онъ былъ тыномъ, то есть стоячими бревнами, врытыми въ землю Бревна въ отрубѣ 8 вершковъ. Среди двора изба тюремная на подклѣтѣ (двух-этажная), мѣрою въ 4 сажени. Лѣсу въ нее пошло 100 бревенъ длиною 12 аршинъ, въ отрубѣ 7 вершковъ. Въ обѣихъ избахъ, какъ въ верхней, такъ и въ подклѣтѣ, по печи и полатямъ. Еще описана *губная* изба. ([2]) На нее пошло 100 бревенъ въ 3 сажени, въ отрубѣ 9 вершковъ. Избы покрыты драньемъ, котораго пошло 700 драницъ длиной въ 8 арш. на 2 р. 50 к. Подъ дранье подстилалась березовая скала. Ее употреблено 101 скалъ на 1 р. 90 к.

([1]) Акты съ Описанію г. Шуи, стр. 103.

([2]) Въ губной избѣ находились подъячіе. Она, вѣроятно, была въ ролѣ канцеляріи губнаго старосты, а можетъ быть служила и присутствіемъ.

Драньевыхъ крышъ уже не видно лѣтъ пятьдесятъ, и нынѣшнее поколѣніе едва ли ихъ знаетъ. Дранье—это тотъ же мелкій тесъ, но не пиленый, а драный изъ бревенъ молодаго лѣса. Шириною этотъ тесъ не болѣе 4 вершковъ. Онъ на крышѣ гвоздями не приколачивался, а ставился нижними концами въ деревянные желобья, укрѣпляемые на курицахъ (деревянныхъ крючьяхъ), которыхъ здѣсь, на означенныя двѣ избы, пошло 16 курицъ, на 7 алтынъ. Верхніе концы дранья прижимались слѣгами. Если—бы не скала, подложенная подъ дранье, то таковыя крыши совершенно не могли—бы противостоять водѣ, но по необходимости довольствовались ими, потому что, къ великому удивленію настоящаго поколѣнія, избалованнаго телеграфами, да телефонами, тогда теса не умѣли пилить. Поэтому, его мелкій драли, а крупный обтесывали изъ цѣльныхъ бревенъ, такъ что одну половину бревна *стесывали* топоромъ (отсюда и получилось слово тесъ), а другая, въ видѣ горбыля, шла на полы и потолки; если же нуженъ былъ тесъ для дверей, лавокъ или палатей, то часть стесывали и съ другой стороны бревна и, такимъ образомъ, изъ цѣльнаго бревна получалась одна доска, хотя бы бревно было 12-ти вершковъ въ отрубѣ. Такія тесаныя доски мнѣ приходилось видѣть и въ настоящее время въ старинныхъ постройкахъ—въ полахъ, потолкахъ и даже стѣнахъ.

Весь означенный острогъ съ тыномъ, избой на подклѣтѣ и избой губной, стоилъ матеріалами и работой 91 рубль и 14 алтынъ.

Привожу еще примѣры дешевизны цѣнъ на скотину, съѣстные припасы и нѣкоторые другіе предметы.

1619 г.	Стариннои монетой.		Нынѣшней звонкой монетой, золотомъ.		Нынѣшними кредитными.	
	Р.	К.	Р.	К	Р.	К.
Лошадь. Средняя цѣна изъ 6 лошадей . . .	5	75	16	33	24	50
Шуба баранья. . .	—	75	2	13	3	20
Телѣга	—	30	—	85	1	27
Корова. Средняя цѣна изъ 10	3	—	8	52	12	78
Овца. Средняя цѣна изъ 20	—	20	—	57	—	85
Муки ржаной четверть .	—	50	1	42	2	13
1630 г.						
Пшеница, четв. 30 алтынъ	—	90	2	55	3	82
Рожь . 20 „	—	60	1	70	2	55
Овесъ . 10 „	—	30	—	85	1	27
Медъ пудъ 26 „	—	78	2	21	3	31
Работа каменщика въ день 5 алтынъ . . .	—	15	—	43	—	64
Топоръ 5 „	—	15	—	43	—	64

1773 г.	Старинными ассигнаціями.		Нынѣшней звонкой монетой.		Нынѣшними кредитными.	
Муки ржаной, четверть .	2	50	2	45	3	67
Рожь . . т. .	2	30	2	25	3	27
Ячмень . . т. .	1	60	1	57	2	35
Овесъ . . т. .	1	35	1	32	1	99
Пшеница . . т. .	4	15	4	07	6	10
Сѣмя льняное . т. .	3	15	3	09	4	63

Горохъ . .	т. .	3	40	3	33	5	—
Крупа гречневая	т. .	3	65	3	58	5	37
Хмѣль . .	пудъ. .	4	26	4	18	6	27
Медъ . .	пудъ. .	3	10	3	04	4	56

Цѣны для годовъ 1619 и 1630, взяты изъ старинныхъ актовъ, относящихся къ г. Шуѣ. Старинные 100 серебряныхъ копѣекъ (цѣлковыхъ тогда еще не было), оцѣнены на нынѣшнюю звонкую монету по 2 р. 84 к. Этотъ выводъ сдѣланъ изъ слѣдующихъ данныхъ:

Со времени Іоанна Грознаго до кончины Димитрія Іоановича (Лжедимитрія), чеканилось серебряныхъ копѣекъ, неправильно круглой формы,—изъ фунта серебра 600 копѣекъ, слѣдовательно, во 100 копѣйкахъ было вѣсу . . 16 зол. —

При Василіи Шуйскомъ стали чеканить деньги легче, такъ что во 100 копѣйкахъ (рублѣ) вѣсило только. . . . 13 — 52 доли.

При Владиславѣ Сигизмундовичѣ чеканились опять нѣсколько тяжелѣе, и въ 100 копѣйкахъ было . . . 14 — 06 доли.

При Михаилѣ Ѳедоровичѣ вновь стали чеканить легче, въ 100 копѣйкахъ котораго было вѣсу лишь . . . . 11 — 44 доли.

Сложивъ эти цифры и раздѣливъ на 4, получимъ средній вѣсъ въ 100 копѣйкахъ или рублѣ 13 золотниковъ 73 доли. Нынѣшній серебряный рубль вѣситъ 4 з. 82½ доли. Раздѣливъ первое число на послѣднее, найдемъ, что старинный рубль

стоитъ на нынѣшнюю звонкую монету, золотую, 2 рубля 84 коп., а на кредитныя, считая ихъ 150 коп. за 1 р золотой—4 р. 46 к.

Эти данныя позаимствованы изъ книги о русскихъ монетахъ Шуберта.

Данныя о цѣнахъ на предметы 1619 и 1630 г.г., взяты изъ „Описанія г. Шуи," В Борисова.

Данныя же о цѣнахъ на хлѣба 1773 года получены изъ „Вѣдомости, учиненной въ Шуйскомъ магистратѣ о покупкѣ и продажѣ хлѣба и другихъ потребностей въ 1773 году, по г. Шуѣ." (См Влад. губ. вѣдомости 1870 года, № 16). Такъ какъ въ этомъ году Екатерининскія ассигнаціи ходили на 2% дешевле звонкой монеты, то, при переводѣ ассигнацій на послѣднюю, эти 2% скинуты. Ассигнаціонный рубль считался за 98 копѣекъ на звонкую монету.

При переводѣ же нынѣшнихъ кредитныхъ рублей на золото, принимался курсъ—150 коп. кредитныхъ за 100 металлическихъ.

III.

Религіозность народа въ прежнее время проявлялась преимущественно въ усердіи устроенія храмовъ Божіихъ. Это усердіе присуще было и гражданамъ гор. Шуи. Въ немъ, небольшомъ городѣ того времени, начала XVII столѣтія, уже было пять церквей. Вотъ краткій очеркъ ихъ.

1). *Церковь Покрова Пресвятыя Богородицы.* Въ описи 1629 года, Вѣкова, говорится: „а въ осыпи

(городѣ) ([1]) соборная церковь Покрова Пресвятыя Богородицы .. древяна клѣтка. А въ церкви образа и книги, и свѣчи, и церковное строеніе мірское." — Нынѣшняя каменная церковь устроена въ 1754 г. Изъ соборной переименована въ приходскую около 1690 года. Нужно полагать, что этотъ храмъ самый древній въ Шуѣ, какъ находящійся въ осыпи, въ городѣ, когда, можетъ быть, посада еще и не было.

2) *Церковь Воздвиженія Честнаго Креста.* По описи Вѣкова она была деревянная съ придѣломъ св. мучениковъ, русскихъ князей, Бориса и Глѣба, почему и именовалась Борисоглѣбскою. По ней даже и самое поселеніе близь нея называлось *Борисоглѣбской* слободой, *Борисоглѣбскимъ* станомъ.

Извѣстно, что около городовъ были посады, а далѣе слободы; ([2]) слѣдовательно, Борисоглѣбская слобода была уже за посадомъ. А такъ какъ между городомъ Шуей и слободой пространство не велико, то нужно полагать, что посадъ простирался отъ города къ юго-востоку, восточнѣе бывшаго болота, а частію, можетъ быть, и прямо къ югу, гдѣ были улицы Заболотская и Ново-Заболотская, а нынѣ начало Милліонной близь моста. Раздвоеніе посада болотомъ очень возможно и совершенно вѣроятно.

([1]) Въ древнее время мѣстность въ осыпи, «кремль» «дѣтинецъ», называлась городомъ (огороженнымъ мѣстомъ), въ отличіе отъ посада, находящагося внѣ осыпи, за наружнымъ валомъ. Это названіе городомъ кремля удерживалось жителями Шуи до второй половины XIX столѣтія. Нынѣ оно уже забыто.

([2]) Исторія Россіи, Иловайскаго. Т. I, ч. 2, стр. 304.

Суздальскій воевода Өедоръ Плещеевъ, приставъ съ Суздальцами ко второму Лжедимитрію, доноситъ Гетману Сапѣгѣ: „Во многихъ, государь, городѣхъ отъ великихъ денежныхъ поборовъ учинилась смута великая, и отъ того мужики заворовались и крестъ цѣловали Василью Шуйскому; и по государевѣ (Лжедимитрія) грамотѣ и по твоей присылкѣ денегъ собрать мнѣ вскорѣ было не мочно, потому что шелъ азъ изъ Суздаля на Шую противъ государевыхъ измѣнниковъ.... А про Шую писалъ азъ къ государю, что было во зборѣ дѣтей боярскихъ и мужиковъ, разныхъ городовъ, двадцать пять тысячъ; и милостію Божіею и государевымъ счастіемъ мы ихъ побили и острогъ взяли, и *посады* Шуйскіе пожгли и съ мужиками, которые сѣли по дворомъ билися на смерть.“ ([1])

Этотъ актъ ясно доказываетъ, что около города Шуи посадовъ былъ не одинъ, а нѣсколько. Изъ него же мы узнаемъ что въ смутное время Шуяне крѣпко стояли за царя Василья Шуйскаго „билися на смерть,“ какъ потомка ихъ владѣтельныхъ князей, тогда какъ Суздальцы стояли за самозванца и шли противъ Шуйскаго и противъ Шуянъ, близкихъ имъ людей.

При Борисоглѣбской церкви, нынѣ Воздвиженской, въ прежнее время былъ монастырь, что видно изъ вышеизложенной жалобы бобыля Борисоглѣбскаго монастыря Томилка Потапьева на сыщика Тарбѣева, давшаго Томилкѣ 46 ударовъ на пыткѣ.

([1]) Истор. Акты, изд. Арх. Ком. Т. II, № 110.

А что этотъ монастырь былъ женскій, тому доказательствомъ можетъ служить грамота архіепископа Суздальскаго и Торусскаго Серапіона, данная Шуянамъ въ 1643 году. Въ ней значится: „Вѣдомо намъ учинилось, что у васъ въ Шуѣ женскаго пола *постриженно* много, а живутъ въ мірѣ, у родимцевъ своихъ, и къ церквамъ приходятъ тоже врозь, какъ и мірскіе приходскіе люди: и то у васъ дѣлается не гораздо, не по иночеству. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ и вы бы велѣли тѣхъ инокинь родимцамъ ихъ поставить кельи, и дати тѣмъ всѣмъ старицамъ жити у одной церкви, по кельямъ." (1)

Далѣе въ другомъ актѣ отъ 1639 года читаемъ: „Шуянинъ посацкой человѣкъ Тишка Ѳедоровъ, сынъ Рудакова, живетъ въ Шуѣ на *посадѣ* у Бориса и Глѣба *на монастырѣ* за попами, а вышелъ тотъ Тишка на монастырь въ 143 (1635) году." (2)

Въ настоящее время Крестовоздвиженская церковь весьма хорошо и богато украшена усердіемъ двухъ купеческихъ домовъ Киселева и Посылина. Въ ней прекрасный рѣзной, вызолоченный червоннымъ золотомъ, иконостасъ, богатая церковная ут·

---

(1) Описаніе г. Шуи, В. Борисова, стр. 115

(2) Старинные Акты къ Описанію г. Шуи, В. Борисова, стр. 70.

Замѣчательно, что здѣсь Борисоглѣбская слобода называется посадомъ. Какая причина этому? Сливался ли посадъ съ слободой, или названія ихъ не особенно старались различать.

варь и облаченія. Освящена она въ 1693 году, слѣдовательно, существуетъ почти два столѣтія.

3. *Воскресенскій соборъ*. Прежде эта церковь была приходскою, а переименована въ соборную около 1690 года. Существующій храмъ воздвигнутъ въ 1799 году, слѣдовательно, ему менѣе 100 лѣтъ. Въ немъ замѣчательна Смоленская икона Божіей Матери, написанная вскорѣ послѣ моровой язвы, свирѣпствовавшей въ Шуѣ, отъ которой померло жителей 560, и осталось въ живыхъ немного болѣе половины, 610 человѣкъ. Заслуживаютъ вниманія серебряныя вызолоченныя царскія врата, сдѣланныя купцомъ Иваномъ Корниловымъ въ 1799 году;— драгоцѣнная одежда на св. Трапезѣ, вычеканенная изъ серебра и вѣсящая 4 п. 30 ф.,—серебряныя ризы на многихъ иконахъ, драгоцѣнная церковная утварь и богатыя облаченія. При этой церкви замѣчательна массивная колокольня, вышиною со шпицемъ до 50 саженъ, устроенная стараніемъ и усердіемъ Дмитрія Васильевича Корнилова въ 1832 году.

Для этой колокольни въ концѣ прошедшаго 1890 года усердіемъ церковнаго старосты, прихожанъ Воскресенскаго собора и другихъ доброхотныхъ жертвователей отлитъ въ Москвѣ на заводѣ Финляндскаго довольно большой колоколъ, вѣсомъ въ 1270 пудовъ, стоющій болѣ 20 т. рублей. По привезеніи его по желѣзной дорогѣ въ Шую и при перевозкѣ чрезъ рѣку Тезу по льду, 4 января 1891 года, онъ, проломивъ ледъ, затонулъ и съ большимъ трудомъ вынутъ изъ рѣки 7 января. Вышина колокола около 5, а ширина, въ діаметрѣ,— 4 аршина. Отлитъ онъ

въ память чудеснаго избавленія отъ опасности Государя Императора и всего Его Августѣйшаго семейства при крушеніи поѣзда 17 октября 1888 года на Курско-Харьковско-Азовской желѣзной дорогѣ. На колоколѣ вылито 7 иконъ соименныхъ Царскаго семейства: 1) Александра Невскаго, Великаго князя Владимірскаго, скончавшагося въ 1263 году, 2) Маріи Магдалины, 3) Николая угодника, 4) Георгія Великомученика, 5) князя Михаила, 6) Мученицы Ксеніи и 7) княгини Ольги, первой христіанки изъ княжескаго рода. (1)

4) *Церковь Спасская.* Въ описи Вѣкова отъ 1629 года она значится такъ: „Церковь Нерукотвореннаго образа Спаса нашего Іисуса Христа древяна вверхъ и два придѣла святыхъ чудотворцевъ и безсребренниковъ Козьмы и Даміана; а въ церкви сосуды св. оловянные; облаченія, ризы и стихари

---

(1) По величинѣ своей этотъ колоколъ долженъ считаться седьмымъ во всей Россіи.

1) Царь-Колоколъ въ Москвѣ, отлитый при Аннѣ Іоановнѣ въ 1734 году изъ прежняго разбившагося. Онъ вышиною 20 футовъ 7 дюймовъ, шириною 22 фута 8 дюймовъ. Вѣсу въ немъ 12,327 пуд.

2) То же въ Москвѣ на колокольнѣ Ивана Великаго. отлитый въ 1819 году изъ стараго разбившагося при взрывѣ французами кремля въ 1812 году—4,000 пуд.

3) Въ Троицко-Сергіевской Лаврѣ—4,000 пуд.

4) Въ С.-Петербургѣ при Исаакіевскомъ соборѣ 1,860 пуд.

5) Въ Троицко-Сергіевской Лаврѣ—1,850 пуд.

6) Въ Москвѣ при храмѣ Христа Спасителя—1,654 пуд.

7) Въ Шуѣ—1,270 пуд.

ветхи, крашенинные, лазаревые; да панагія оловянная, а въ ней камень отъ стопы Господни."

Въ настоящее время эта церковь каменная, построенная въ итальянскомъ вкусѣ съ портиками, куполомъ и золочеными яблокомъ и крестомъ, весьма величественна и пространна. Освящена она въ 1847 году.

При ней въ старину тоже былъ женскій монастырь. Въ одномъ изъ актовъ 1639 года читаемъ: „Шуянинъ, посацкой человѣкъ Кирюшка, Григорьевъ сынъ, Сыромятниковъ, живетъ въ Шуѣ на *посадѣ у Спаса на монастырѣ* за попомъ. — Да въ Шуѣ на посадѣ у *Спаса на монастырѣ* за попомъ живетъ Шуянинъ посацкой человѣкъ Ивашка, Марковъ сынъ, Халезъ." ([1])

([1]) Старинные Акты къ Описанію г. Шуи В. Борисова, стр. 70. - Здѣсь значится, что Спасская церковь была на посадѣ. Слѣдовательно, посадъ простирался отъ города къ востоку, но, можетъ быть, и къ югу, гдѣ нынѣ Стрѣлецкая улица, въ старину Пищальная. Эта улица тогда шла прямо къ Борисоглѣбской церкви, чему служатъ доказательствомъ два дома, г г. Китаева и Рыковой, устроенные: первый старинымъ родомъ купцовъ Шиловыхъ, а второй неизвѣстно кѣмъ, и стоящіе нынѣ наискось улицы, по направленію къ Воздвиженской церкви, по старинному плану, существовавшему до 1792 года, когда во время пожара, истребленъ былъ почти весь городъ, обгорѣли каменныя церкви Спасская и Воздвиженская; съ этого времени городъ устроился по новому, нынѣ существующему плану; слѣдовательно, эти два дома самые древніе въ Шуѣ. Съ ними развѣ можетъ сравниться домъ Н. Ѳ. Корнилова, на Милліонной улицѣ, прежде Ново-

Въ подтвержденіе, что этотъ монастырь былъ женскій, служитъ слѣдующее доказательство. Въ 1630 году, когда копали землю подъ вновь строющуюся тогда Спасскую церковь, нынѣ существующую, то въ числѣ многихъ сгнившихъ гробовъ, найденъ былъ одинъ не вполнѣ истребленный временемъ, съ оставшеюся въ немъ женскою, монашескою волосяною одеждою. (1)

Въ опроверженіе существованія въ Шуѣ при Борисоглѣбской и Спасской церквахъ монастырей, могутъ привести тотъ фактъ, что они не имѣли особенныхъ церквей и зданій съ келіями, огражденныхъ стѣнами; но вѣдь такіе порядки тогда существовали почти повсемѣстно.

Въ г Устюжкѣ около 1567 года существовалъ монастырь, который не имѣлъ церкви и тоже былъ женскій. (2)

Въ 1551 году Іоаннъ Грозный на церковномъ соборѣ подалъ святителямъ слѣдующій списокъ непорядковъ, существовавшихъ въ церквахъ и, въ томъ числѣ. монастыряхъ. „Въ келіи жонки и дѣвки приходятъ, ребята молодые по всѣмъ келіямъ живутъ.—Монахи и монахини по міру бродятъ, монахини живутъ въ мірскихъ просвирняхъ.—Монахи и попы пьянствуютъ.—Попы въ церквахъ дерутся между собою и въ монастыряхъ тоже.—

заболотской. Судя по архитектурѣ и особенному характеру устройства, этому дому можно предположить двухсотлѣтнее существованіе.

(1) Тамъ же, стр. 387.

(2) Сынъ Отечества. 1829 г., № 5.

Въ монастыряхъ монахи и монахини и міряне живутъ вмѣстѣ.“ (1)

И только послѣ этого царскаго замѣчанія соборъ святителей постановилъ исправить непорядки и въ томъ числѣ запретилъ монахамъ и монахинямъ мыться въ банѣ въ одномъ мѣстѣ. Этотъ обычай былъ въ Псковѣ. (2)

Судя по этимъ, какъ видится, почти повсемѣстнымъ монастырскимъ безпорядкамъ, мы не въ правѣ отвергать существованіе въ Шуѣ монастырей только на одномъ томъ основаніи, что они не были достаточно хорошо устроены; точно такъ же не въ правѣ считать ихъ простыми общинами или слободками, въ которыхъ проживали не монахини, а осиротѣлыя или престарѣлыя бессемейныя женщины, потому что вышеупомянутый архіепископъ Серапіонъ ясно пишетъ, что: „у насъ, въ Шуѣ, женскаго пола пострижено много.“

5). *Церковь св Троицы*, нынѣ кладбищенская. Въ древности здѣсь былъ мужской монастырь; время основанія его не извѣстно. Въ писцовой книгѣ 1629 года, Вѣкова, говорится: „а на посацкой выпускной Шуйской землѣ стоитъ монастырь Живоначальныя Троицы.“ За нимъ значилось 41 душа крестьянъ. Двѣ церкви были деревянныя, *деревянныя* же были въ нихъ и свѣчи подсвѣчныя Келій братскихъ было десять, столько же было въ нихъ и братіи. Управлялся онъ архимандритами: 13 архимандритовъ извѣстно исторически. Монастырь обнесенъ былъ огра-

(1) Исторія Россіи, Соловьева. Т VII, стр. 102.
(2) Тамъ-же стр. 110.

дой, которая окружала мѣстность въ длину 200 саженъ, поперекъ 42 сажени. Упраздненъ въ 1765 году. Нынѣшняя церковь св. Троицы, устроенная С. И. Посылинымъ, освящена въ 1829 году, вторая церковь, Казанской Божіей матери,—въ 1838 году. Онѣ вмѣстѣ съ кладбищемъ, обнесены каменной оградой въ 1810 году тщаніемъ бывшаго городскаго головы Ивана Шилова.

Послѣ устройства упомянутыхъ пяти церквей, существующихъ уже третье столѣтіе, устроеніе вновь таковыхъ почему-то пріостановилось слишкомъ на два вѣка. Лишь въ послѣднюю половину нынѣшняго столѣтія, „вѣка маловѣрія,“ усердіе къ устроенію Божіихъ храмовъ стало вновь проявляться среди гражданъ гор. Шуи. Въ это время устроены въ Шуѣ новыя пять церквей, хотя не столь богатыя, какъ прежнія.

1). *Церковь во имя преподобнаго Василія Парійскаго* при Киселевской больницѣ, освященная въ 1844 году. Стѣны ея отдѣланы подъ мраморъ. Иконы написаны отличными художниками; церковная утварь богата и изящна. Церковь находится во второмъ этажѣ. Лѣстница, ведущая въ нее съ двухъ сторонъ, чугунная, красиво и удобно поставленная. Во всемъ виденъ изящный вкусъ строителей. Причтъ при ней, изъ трехъ лицъ, содержится на капиталъ, внесенный строителями на вѣчныя времена.

2). *Церковь Всѣхсвятская единовѣрческая*, основана въ 1871 году усердіемъ нѣсколькихъ лицъ, придерживавшихся старинной церковной обрядности, существовавшей до патріарха Никона. При этой

церкви, 4 сентября 1889 года, открытъ женскій *единовѣрческій* монастырь. Въ немъ въ настоящее время находится 6 монахинь со включеніемъ настоятельницы и до 50 послушницъ. Церковный причтъ состоитъ изъ двухъ лицъ.

3). *Церковь Никольская* при тюремномъ замкѣ. Она небольшая, основана въ 1872 году. Причтъ изъ двухъ лицъ.

4). *Церковь Ильинская* въ зарѣчномъ кварталѣ— устроена въ 1881 году стараніемъ братіи Николо-Шартомскаго монастыря. При ней іеромонахъ, іеродіаконъ и два послушника.

5) *Церковь при духовномъ училищѣ*, небольшая. Основана въ 1888 году. При ней одинъ священникъ.

Такимъ образомъ мы видимъ, что въ Шуѣ въ настоящее время находится 10 церквей, число довольно достаточное для города уѣзднаго, а по богатству украшеній своихъ онѣ превосходятъ церкви нѣкоторыхъ губернскихъ городовъ.

Переходя отъ періода древности ко времени ближайшему, остановимся нѣсколько на состояніи города, бывшемъ въ концѣ прошедшаго столѣтія.

Выше мы видѣли, что Шуя въ XVII вѣкѣ имѣла лишь 154 двора; изъ позднѣйшаго акта отъ 1778 года видимъ, что она значительно расширилась и имѣла уже 253 двора, почти на 100 дворовъ болѣе предшедшаго столѣтія. Изъ этого числа дворовъ 63 двора было въ осыпи, всѣ деревянные, и 190 дворовъ *на футштатѣ*, внѣ осыпи. Въ числѣ послѣднихъ было 5 домовъ каменныхъ; два изъ нихъ

находились при фабрикахъ. Кромѣ означеннаго числа домовъ въ осыпи, среди оной, находилась канцелярія и при ней архивъ и тюрьма деревянные, ветхіе, да каменная кладовая палатка, да два дома казенныхъ, деревянные: одинъ воеводскій другой описной, ветхіе. Сверхъ сего въ осыпи же одинъ казенный каменный магазинъ для поставки вина, три соляныхъ деревянныхъ анбара, одно питейное заведеніе, да три питейныхъ заведенія на форштатѣ. Затѣмъ внѣ осыпи былъ магистратъ и приономъ тюрьма—деревянные; далѣе было 7 заводовъ кожевенныхъ, въ числѣ которыхъ два каменныхъ съ деревянными пристройками и пять деревянныхъ. Число церквей показано тоже пять, что и выше сего, но только при трехъ изъ нихъ поименованы вторыя церкви, именующіяся зимними. Первая при Воскресенскомъ соборѣ, св. Чудотворца Николая, вторая при Крестовоздвиженской церкви, св. Великомученика Георгія, существующія по сіе время и третья при церкви Покровской св. Іоанна Предтечи. Послѣдняя нынѣ не существуетъ. Она разобрана около 90 лѣтъ тому назадъ. На мѣстѣ ея теперь стоитъ небольшой каменной столбикъ, означающій мѣсто бывшаго св. престола. Такимъ образомъ тогда по описи считалось восемь церквей; всѣ значились каменными. Что же касается жителей, то число ихъ въ городѣ значилось слѣдующее:

Воевода	1
Воеводскій помощникъ	1
Секретарь	1
Приказныхъ служителей: канцеляристовъ .	6

подканцеляристовъ	5
Сержантъ	1
Капралъ	1
Барабанщикъ	1
Рядовыхъ солдатъ	24
Бывшій воеводскій товарищъ . . .	1
Разночинцевъ	28
Купцовъ	123
Мѣщанъ	393
Крестьянъ экономическихъ	5
Крестьянъ владѣльческихъ	10

Кромѣ этого числа жителей, имѣвшихъ жительство въ городѣ, показано въ актѣ и населеніе уѣзда Шуйскаго. Въ немъ значилось:

Благородныхъ дворянъ, дѣйствительно живущихъ въ уѣздѣ	15
Крестьянъ экономическихъ . . .	1093
Крестьянъ владѣльческихъ . . .	8028
Крестьянъ вѣдомства канцеляріи конфискаціи.	4

Въ должности воеводы Аверкій Мосаловъ.

Въ должности товарища казначея Михайло Нелидовъ.

Секретарь Матвѣй Митрофановъ.

Подканцеляристъ Иванъ Тереховъ. (¹)

Къ сожалѣнію нельзя понять, кого означали показанныя цифры жителей: домохозяевъ ли однихъ или лицъ одного мужскаго пола, или обоихъ половъ вообще. Въ актѣ глухо сказано—„сколько какихъ чиновъ, дворянъ, купцовъ, мѣщанъ, крестьянъ и разночинцевъ.“

(¹) См Владимірскія губ. Вѣдомости 1870 г., № 19.

Замѣчательно, что здѣсь упоминается воевода. Нужно полагать что это былъ въ Шуѣ послѣдній, потому что послѣ 1778 г. воеводъ Шуя не имѣла.

Вступая въ нынѣшнее столѣтіе, мы находимъ новыя данныя въ отношеніи къ нашему городу.

Въ одномъ изъ статистическихъ сборниковъ мы находимъ, что Шуя въ 1817 году была городомъ красивымъ, правильно выстроеннымъ, вмѣщавшимъ въ себѣ многія красивыя строенія, какъ каменныя, такъ и деревянныя; онъ считался лучшимъ городомъ губерніи. Въ немъ было 5 каменныхъ церквей, каменныя присутственныя мѣста, магистратъ, духовное и уѣздное училища, 20 полотняныхъ и бумажныхъ фабрикъ, 4 небольшіе кожевенные завода и 392 дома, въ числѣ которыхъ 30 каменныхъ. (1)

Этотъ краткій очеркъ показываетъ намъ, что отъ 1650 года, когда въ городѣ было 154 дома, онъ въ продолженіи 167 годовъ не особенно много увеличился (въ 2½ раза) въ сравненіи съ послѣднимъ, новѣйшимъ періодомъ. Одно только замѣтно: обогащеніе его церквами и каменными домами. Въ послѣдній же 73 лѣтній періодъ приращеніе города шло гораздо быстрѣе и онъ увеличился въ этотъ краткій періодъ, какъ увидимъ ниже, въ 3½ раза.

Къ этому краткому очерку, сдѣланному за время 1817 года, не лишне прибавить, что городъ того времени былъ не великъ не только по числу домовъ, но и по занимаемому имъ пространству. Гра-

(1) „Владимірскій Историко Статистическій Сборникъ" 1869 г., стр. 40.

ницы его тогда были очень тѣсны. Съ сѣвера и запада онъ граничилъ съ рѣкой Тезой, чрезъ которую сообщеніе съ противоположнымъ берегомъ было лишь чрезъ одинъ наплавной мостъ, а во время водополья посредствомъ плота и лодокъ; съ востока граница его отъ рѣки Тезы или Крутихи къ югу до Милліонной улицы шла по неширокой дорогѣ, отдѣлявшей городъ отъ хлѣбонашеннаго поля. Нынѣ эта дорога составляетъ Крутицкій переулокъ. На концѣ Милліонной улицы, который назывался Бильдюхинской улицей, (1) граница города оканчивалась домомъ купца Гавріила Адріановича Журова. (2) Этотъ домъ, въ послѣдствіи сгорѣвшій, былъ, устроенъ Журовымъ, выѣхавшимъ изъ дер. *Новики* въ 1821 году, (3) на землѣ, отрѣзанной отъ поля и служилъ

(1) Конецъ Милліонной улицы, нынѣ называемый улицей Поварской, прежде назывался улицей Бильдюхинской, потому что на ней, около 1810 года, поселилось пять домохозяевъ съ кожевенными заводами, — о которыхъ упоминается въ очеркѣ 1817 года, — выѣхавшихъ изъ дер. Бильдюхина. Три завода изъ нихъ существуютъ и по сіе время.

(2) Моего отца. Флигель, бывшій при этомъ домѣ и усадьба его нынѣ принадлежатъ Алексѣю Иродіоновичу Журову, внуку Г. А. Журова.

(3) Мой отецъ, Г. А. Журовъ, въ молодости былъ крестьяниномъ графа Румянцева-Задунайскаго. На волю выкупился онъ отъ помѣщика въ 1811 году вмѣстѣ со своимъ отцомъ Адр. Яков., братомъ М. А. и сыномъ Иродіономъ, — моимъ старшимъ братомъ, умершимъ въ 1865 году, — внеся помѣщику за каждую душу мужскаго пола по 2,000 р. ассигнаціями, слѣдовательно 8,000 р. Переѣхалъ же онъ съ семействомъ въ Шую лишь въ 1821 году, уже по смерти моего дѣда. Я былъ 4 хъ лѣтъ.

1811

съ своею усадебною землею, имѣвшею длины 145 саженъ, красугольнымъ пунктомъ города къ юго-востоку. Нынѣ на концѣ земли, принадлежавшей этому дому, устроено нѣсколько небольшихъ домовъ фасадомъ къ востоку и составилась улица, примыкающая къ Крутицкому переулку. Далѣе этого дома, ни къ востоку, ни къ югу, вплоть до рѣки Тезы, никакихъ построекъ не было, а простирались одни поля, засѣваемыя хлѣбомъ. Точно также и за рѣкой съ западной и сѣверной сторонъ никакихъ построекъ не существовало, кромѣ одного небольшаго каменнаго фабричнаго корпуса купца Носова. При концѣ Костромской улицы, гдѣ нынѣ дома г.г. Лебедева и Боброва, была застава съ шлагбаумомъ, окрашеннымъ двумя колерами въ видѣ косыхъ полосъ. Эта форма окраски считалась тогда обязательною для общественныхъ будокъ и верстовыхъ столбовъ. Другая застава была на концѣ Ковровской улицы близь нынѣшняго дома г.г. Калужскихъ. Она состояла изъ двухъ каменныхъ домиковъ въ разстояніи одинъ отъ другаго саженяхъ въ пяти. Между ними тоже стоялъ шлагбаумъ, запиравшій Ковровскую дорогу. Эта застава называлась Ковровскою. Третья застава, состоявшая изъ одного шлагбаума, находилась у моста, что чрезъ рѣку Тезу. Устройство этихъ заставъ съ красными росписанными шлагбаумами сдѣлано по распоряженію Владимірскаго губернатора, князя Ив. Мих. Долгорукаго, извѣстнаго поэта начала нынѣшняго столѣтія, бывшаго губернаторомъ отъ 1802 по 1812 годъ; его же старанію Шуя обязана устроеніемъ въ ней каменныхъ присутственныхъ мѣстъ и каменнаго кор-

нуса для склада тогдашняго казеннаго вина, существующихъ по сіе время. (1)

(1) Князь Иванъ Михайловичъ Долгорукій былъ внукъ любимца Петра II, несчастнаго князя Ивана Алексѣевича Долгорукаго, — четвертованнаго въ 1739 году по повелѣнію Анны Іоанновны, — и многострадальной жены его Натальи Борисовны, урожденной графини Шереметьевой, скончавшейся монахиней въ Кіевской Лаврѣ, въ 1771 году. Вотъ какъ описываетъ онъ свое путешествіе, предпринятое имъ въ 1813 году въ Нижній Новгородъ и по Владимірской губерніи, бывъ уже въ отставкѣ. „Обѣдать мы пріѣхали къ Култашеву, Шуйскому помѣщику, который любилъ меня, какъ я былъ губернаторомъ. Намъ хотѣлось обѣдать въ Шуѣ, но онъ насъ остановилъ на перепутьи. Хорошій хозяинъ! Угостилъ насъ со всею привѣтливостію старыхъ временъ. Мы у него досидѣли до вечерень и поѣхали въ Шую. Еще у него встрѣтить насъ выѣхали Шуйскій городничій Шульгинъ и молодой человѣкъ изъ купечества, Теряевъ. Мы всѣ вмѣстѣ сѣли въ коляску нашу и, распростясь съ добрымъ г. Култашевымъ, пріѣхали въ Шую, гдѣ остановились ночевать въ томъ же домѣ г. городничаго (И. С. Шульгина), въ которомъ, во время нашествія врага на Москву, укрывались отъ злобы его мечей. Съ какою сердечною откровенностію бросился я на шею добрымъ хозяевамъ, которые одни, одни только, приняли насъ въ домъ свой, бѣгущихъ изъ Москвы, обогрѣли, накормили и дали крышу на все зимнее время!“

Упоминаемаго княземъ купца Теряева и его потомковъ въ Шуѣ уже нѣтъ. Каменный домъ его купленъ и перестроенъ В. И. Телѣгинымъ. Памятникомъ ему остался лишь Теряевскій переулокъ, получившій отъ него, Теряева, свое наименованіе, какъ бывшій рядомъ съ его, домомъ. Купецъ Теряевъ, помнится, былъ винозаводчикомъ. — См. весьма любопытное описаніе жизни и путешествія кн. Ив. М. Долгорукаго,

Въ описаніи князя Долгорукаго говорится: „Городъ Шуя уѣздный, но прекрасный, на ровномъ мѣстѣ, разбитъ правильно, имѣетъ хорошія площади, окрестности его представляютъ пріятные виды. Рѣка Теза почесться можетъ въ числѣ лучшихъ рѣкъ Владимірской губерніи: она течетъ подъ самымъ городомъ; купечество промышленное и сытое, церкви богатыя, хотя раскольниковъ довольно; при мнѣ еще граждане застроили огромной вышины колокольню, которая имъ станетъ тысячъ въ 200, но купцы любочестивы и ничего не щадятъ, дабы капиталы свои прославить. Въ соборѣ царскія двери всѣ серебряныя, а помянутая колокольня совмѣстницей назначена быть тремъ важнѣйшимъ башнямъ въ Россіи: Ивану Великому, Лаврской у Троицы и Печерской въ Кіевѣ. Здѣсь корпусъ присутственныхъ мѣстъ каменный, построенъ въ мое время, также, какъ выходы винные каменные и соляные анбары деревянные. Въ Шуѣ нѣсколько подобныхъ памятниковъ моего правленія, и застава одна на подобіе Московскихъ.“ (¹)

Такъ не обширенъ былъ нашъ городъ въ это не очень отдаленное время. Бывало нашъ простой и добрый городничій, упоминаемый княземъ Долгорукимъ, Павелъ Сергѣевичъ Шульгинъ, выйдетъ изъ своего низенькаго деревяннаго домика, находившагося въ городѣ, т. е. въ кремлѣ, на томъ мѣ-

помѣщенныя въ чтеніяхъ въ Импер Общ. Исторіи и Древностей Россійскихъ 1870 г. Кн. I, ч 2., стр. 7; а также Русскій Архивъ 1865 г., стр. 336 и 1867 г. стран. 3—65.

(¹) Тамъ же, стр. 8.

стѣ, гдѣ теперь Киселевская больница, направится въ соборную улицу, изъ нея повернетъ въ нынѣшній Крутицкій переулокъ, обогнетъ улицы Костромскую и двѣ мѣщанскихъ (одна изъ которыхъ называлась Подъяческой), заворотится въ улицу Бильдюхинскую, нынѣ Поварскую, изъ нея въ Милліонную, отсюда домой и, такимъ образомъ, пѣшечкомъ обойдетъ весь городъ.

Не таковъ размѣръ города нынѣ. Въ настоящее время онъ занимаетъ площадь въ 378 квад. десятинъ, что равняется слишкомъ $3^1/_2$ кв. верстамъ; расположенъ на обоихъ берегахъ рѣки Тезы, такъ что теперь его не только обойдти пѣшимъ, но и объѣхать не легко; лежитъ онъ подъ $56^0 37^1$ сѣверной широты и подъ $59^0 20^1$ восточной долготы, сѣверное уклоненіе въ немъ магнитной стрѣлки 5^0 ([1]). Онъ считается однимъ изъ лучшихъ городовъ губерніи, а по обширности мануфактурной промышленности можетъ быть названъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ уѣздныхъ городовъ цѣлой Россіи. Прекрасно распланированный, на нѣсколько возвышенномъ и ровномъ мѣстѣ, съ прямыми и широкими улицами, выстланными камнемъ, съ изящными и солидными каменными домами, корпусами лавокъ общественными зданіями, богато устроенными церквами съ позлащенными главами, громадными фабричными строеніями съ высокими, какъ колокольни, трубами, испускающими изъ себя по-

---

([1]) По опредѣленію Н. С. Попова.

Для установленія солнечныхъ часовъ по компасу и, вообще для отысканія полуденной линіи, знаніе размѣра уклоненія магнитной стрѣлки необходимо.

стоянный дымъ отъ паровыхъ машинъ,--при первомъ въѣздѣ въ него обращаетъ на себя особенное вниманіе пріѣзжаго человѣка.

Не менѣе замѣчателенъ городъ и по значительному числу, находящихся въ немъ учебныхъ заведеній и другихъ общеполезныхъ учрежденій.

Въ настоящее время въ немъ находятся:

Духовное училище, четырехъ-классное, съ приготовительнымъ отдѣленіемъ, основанное въ 1816 году, слѣдовательно, существуетъ три четверти столѣтія. Помѣщается оно въ прекрасномъ и обширномъ каменномъ домѣ съ большимъ садомъ, пріобрѣтенномъ духовенствомъ на свой счетъ въ 1880 году. Число учениковъ въ немъ 160 человѣкъ.

Мужская гимназія. Она основана въ 1873 году прогимназіей съ 4 классами; въ 1877 году сдѣлана шестиклассною, а въ 1882 году преобразована въ полную восмиклассную гимназію. Помѣщается она въ собственномъ каменномъ, двухъ этажномъ, прекрасномъ и обширномъ зданіи, устроенномъ на средства города и пожертвованія частныхъ лицъ и стоющемъ 85000 рублей. Фасадъ его въ видѣ буквы П. Лицевая сторона имѣетъ длины 23 сажени, а боковыя стороны по 19 саженъ. Въ верхнемъ этажѣ находятся классныя комнаты и актовая зала, параллельно съ которыми обширный рекреаціонный корридоръ. Въ этомъ же этажѣ комнаты для физическаго кабинета и рисовальнаго класса. Въ нижнемъ этажѣ канцелярія, зала для гимнастики, пріемная для родителей, сборная для учениковъ и три квартиры: для директора, письмоводителя и надзирателя. Печи

духовныя. Во дворѣ небольшой фонтанъ, за дворомъ обширный лугъ въ размѣрѣ около десятины, очень удобный для лѣтнихъ гимнастическихъ упражненій. На содержаніе ея расходуется опредѣленныхъ суммъ: отъ государственнаго казначейства 13,850 р., отъ Шуйскаго земства 8,250 р. и отъ г. Шуи 4,000 р., а всего 26,100 рублей, кромѣ сбора съ учениковъ. Учащихся въ ней 100 человѣкъ, преподавателей 15.

Женская гимназія. Основана въ 1860 году въ видѣ женскаго училища, потомъ преобразована въ 4-хъ классную прогимназію, въ 1877 году въ семиклассную гимназію, а въ 1880 году въ восьмиклассную. Помѣщается она въ собственномъ зданіи, бывшемъ домѣ богатыхъ купцовъ братьевъ Киселевыхъ. Домъ обширный, хотя лицевой его фасадъ не совсѣмъ представителенъ, — хорошо приспособленный и находится на прекрасномъ мѣстѣ. Устройство его стоитъ городу 53,000 рублей. Ученицъ въ гимназіи 130, преподавателей и преподавательницъ 19. Содержится она на средства, доставляемыя ей: городомъ въ размѣрѣ 6,800 рублей, земствомъ —1,000 и государственнымъ казначействомъ — 700 рублей, всего 8,500 рублей, кромѣ сбора съ ученицъ.

Уѣздное трехъ-классное училище. Основано въ 1824 году, слѣдовательно, существуетъ 66 лѣтъ. Программа его довольно удовлетворительна для лицъ, не имѣющихъ намѣренія поступать въ высшія учебныя заведенія. Недостатокъ только одинъ, что очень слабо преподается въ немъ счетоводство, которое нынѣ становится насущной потребностью не только въ какихъ либо общественныхъ учрежденіяхъ, тре-

бующихъ тщательной отчетности, но и въ частныхъ хозяйствахъ лицъ, которыя пекутся о своемъ будущемъ. ([1]) Учениковъ въ училищѣ 133, преподавателей 6. При немъ находится штатный смотритель; на содержаніе училища получается: отъ государственнаго казначейства 2,212 р. 20 к. и отъ города 1,650 р., всего 3,862 р. 20 к.

Городское приходское мужское училище. Училище это основанное въ 1808 г, считается самымъ старѣйшимъ въ городѣ; помѣщается оно въ зданіи мало къ тому приспособленномъ. Учениковъ въ немъ 170, преподавателей 5. На содержаніе его отпускается изъ доходовъ города 2,462 рубля.

Городское приходское училище для дѣтей обоего пола. Основано въ 1885 году. Помѣщается въ наемномъ зданіи. Учениковъ въ немъ 85, учениць 21, всего 106; преподавателей 4. На содержаніе его отпускается городомъ 1,683 р. 20 к.

Городское женское двухклассное училище. Основано въ 1878 году. Помѣщается въ общественномъ каменномъ зданіи. При немъ отдѣленіе для рукодѣлья. Учениць въ немъ 217, преподавателей и преподавательниць 7. На содержаніе его идетъ отъ города 3,438 рублей.

Земское мужское начальное училище. Основано въ 1871 году. Учениковъ въ немъ 112, преподавате-

([1]) На нашихъ глазахъ былъ случай неисправности счетоводства, по неимѣнію удовлетворительнаго бухгалтера, въ одномъ общественномъ учрежденіи. Для разсмотрѣнія этой неисправности пришлось выписывать счетовода изъ Петербурга.....

лей 4. На содержаніе его идетъ отъ земства 1,433 рубля.

Церковно-приходская школа. Существуетъ съ 1843 года. Учениковъ въ ней 30. На содержаніе ея отпускается городомъ 100 р.

По числу учебныхъ заведеній, которыхъ насчитывается девять, городъ Шуя можетъ считаться однимъ изъ передовыхъ уѣздныхъ городовъ Россіи. Двѣ гимназіи, мужская и женская, даютъ возможность жителямъ города и уѣзда получить не только начальное, но и среднее образованіе. Къ сожалѣнію, для здѣшней мѣстности, какъ весьма значительной по своей промышленности, мужская классическая гимназія мало отвѣчаетъ потребности жителей. Эту потребность, несравненно лучше и съ большею пользою удовлетворило бы какое либо среднее техническо-промышленное училище, чѣмъ гимназія.

На всѣ поименованныя учебныя заведенія городъ издерживаетъ ежегодно 20,133 р. 84 к., затѣмъ Шуйское земство 10,683 и государственное казначейство 16,762 р. 20 к., всего же издерживается 46,079 руб. 04 к., кромѣ средствъ идущихъ отъ духовенства на содержаніе духовнаго училища и пожертвованій частныхъ лицъ.

Къ числу общеполезныхъ учрежденій въ Шуѣ принадлежатъ:

Киселевская больница. Это великолѣпное двухъэтажное каменное зданіе, по срединѣ котораго находится прекрасная больничная церковь, высящаяся надъ зданіемъ своимъ куполомъ и позлащенною гла-

вою,—устроено окончательно въ 1844 году Шуйскими купцами братьями Киселевыми по завѣщанію ихъ дѣда В. М. Киселева. Оно занимаетъ прекрасное мѣсто въ кремлѣ—городѣ противъ церкви Покрова Пресвятыя Богородицы. За дворомъ его имѣется садъ, а за садомъ возвышенный крутой берегъ, спускающійся къ рѣкѣ Тезѣ, въ прежнее время, вѣроятно, служившій укрѣпленіемъ города, вмѣсто вала. Эта больница содержится на проценты съ капитала во 100,000 руб., пожертвованнаго строителями, братьями Киселевыми, весьма полезными въ свое время для города разными пожертвованіями. Мужскаго потомства послѣ нихъ не осталось и запустѣлый домъ ихъ,—въ которомъ царило богатство и роскошь безпримѣрныя въ то время, въ которомъ изволилъ почевать покойный Государь Александръ Николаевичъ, бывъ цесаревичемъ и посѣтивъ Шую въ 1837 году,—нынѣ, какъ уже сказано, исправленъ и поступилъ подъ женскую гимназію; сами строители, имѣвшіе капиталъ въ 6 милліоновъ рублей ассигнаціями и значительно вспомоществовавшіе развитію хлопчатобумажной промышленности здѣшняго края выпискою изъ Англіи большаго количества бумажной пряжи и снабженіемъ ею въ долгъ фабрикантовъ, не имѣвшихъ еще капиталовъ,—умерли въ бѣдности. Одинъ изъ нихъ, заболѣвъ, пріютился, вслѣдствіе крайности, въ устроенной ими больницѣ; здѣсь онъ лежалъ больной среди бѣдныхъ людей и умеръ оставленный почти всѣми; столь же печально кончилъ свою жизнь и второй братъ.— Вспоминая этотъ богатый домъ г г. Киселевыхъ, ка-

кимъ онъ былъ въ началѣ сороковыхъ годовъ, его молодыхъ и счастливыхъ владѣльцевъ, не знавшихъ предѣловъ своей роскоши и своему удовольствію, ихъ веселые и шумные балы со своимъ собственнымъ оркестромъ музыкантовъ, пышные выѣзды на модныхъ блестящихъ экипажахъ, заложенныхъ четвернею цугомъ прекрасныхъ молодыхъ, сѣрой масти лошадей, ихъ многочисленную дворню, доходящую до 200 человѣкъ и, затѣмъ, раболѣпное поклоненіе имъ всего города, какъ бы своимъ князькамъ удѣльнаго древняго времени,—вспоминая все сказанное, какъ оно представляется нынѣ и, наконецъ, печальный конецъ ихъ жизни среди лишеній и грусти, все это невольно напоминаетъ намъ непостоянство судьбы человѣческой....

Пріютъ для малолѣтнихъ дѣтей обоего пола. Онъ помѣщается въ томъ же Киселевскомъ домѣ, гдѣ помѣщается женская гимназія. Содержится въ немъ не болѣе 10 сиротъ. Учиться они ходятъ въ общія городскія училища. На содержаніе пріюта городъ отпускаетъ 1,132 рубля 93 коп.

Благотворительное общество для нищихъ. Это общество устроено въ 1880 году стараніемъ и усердіемъ мѣстнаго исправника, нынѣ уже покойнаго, С. Н. Гессе. Оно имѣетъ свой домъ, въ которомъ постоянно проживаетъ хворыхъ и престарѣлыхъ обоего пола 10 человѣкъ, кромѣ того въ немъ помѣщаются на ночь бѣдняки, не имѣющіе пристанища. Въ 1890 году такихъ ночевальщиковъ перебывало 6085. Содержится это учрежденіе на взносы своихъ членовъ и другія добровольныя пожертвова-

нанія, въ размѣрѣ 2,100 р., внесенныя въ память предсѣдателя общества и устроителя его, С. Н. Гессе. Въ томъ же 1890 году общество имѣло 160 членовъ, вносящихъ не менѣе 5 рублей каждогодно. На 1 января 1891 года капиталъ общества состоялъ изъ 12,700 рублей.—Сверхъ означенныхъ благодѣяній, общество открыло у себя пріемный покой для приходящихъ больныхъ, въ которомъ два раза въ недѣлю присутствуетъ врачъ, безвозмездно подаетъ помощь и также безвозмездно снабжаетъ больныхъ гражданъ г. Шуи нужными лѣкарствами. Такихъ лицъ въ истекшемъ году было 2462. На будущее время общество постановило расширить свое учрежденіе. Для этого оно пріобрѣло отъ городскаго общества обширное каменное зданіе, устроенное, какъ мы видѣли выше, еще въ бытность Владимірскимъ губернаторомъ князя Долгорукаго для склада казеннаго вина. Это зданіе разберется и вновь устроится по лучшему и подходящему фасаду.

Публичная библіотека. Основана она въ 1863 г. земствомъ и помѣщается въ земскомъ домѣ. Въ ней до 1500 №№ изданій, а число томовъ до 4000. Много выписывается ею періодическихъ изданій. Содержится она на взносы подписчиковъ и кромѣ того 350 руб. жертвуетъ для нея земство. Весь бюджетъ ея состоитъ изъ 800 рублей.

Городской общественный банкъ. Онъ основанъ въ 1867 году съ капиталомъ въ 10,000 рублей, позаимствованнымъ изъ городскихъ общественныхъ доходовъ. Въ продолженіе двадцати двухъ-лѣтняго

своего существованія онъ учелъ векселей на 21.062.659 рублей и получилъ чистой прибыли 279.864 рубля. Изъ этой прибыли онъ выдалъ 151.310 руб. въ доходъ города и 128.554 рубля присоединилъ къ своему основному капиталу, который теперь составляетъ сумму въ 138.554 рубля. Помѣщеніе имѣетъ въ собственномъ городскомъ каменномъ зданіи; деньги хранитъ въ мѣстномъ казначействѣ. Дирекція банка состоитъ изъ директора и двухъ его товарищей, служащихъ за жалованье. Для принятія къ учету векселей существуетъ учетный комитетъ, сходящійся два раза въ недѣлю. Члены учетнаго комитета, служащіе по выбору, жалованья не получаютъ.

Городской водопроводъ. Онъ устроенъ въ 1883 г. имѣетъ подземныхъ трубъ, проведенныхъ по городу, 3³/₄ версты. Главный водоемъ его въ 8,000 ведръ и три водоема по 700. Кромѣ того, имѣется 15 крановъ въ разныхъ пунктахъ города, приспособленныхъ какъ для пожарныхъ рукавовъ, такъ и для снабженія водою жителей. Вода поднимается въ главный водоемъ изъ р. Тезы посредствомъ паровой машины; отсюда идетъ она по всѣмъ направленіямъ въ малые водоемы и краны. Въ случаѣ пожара машина дѣйствуетъ нагнетательнымъ способомъ и потому вода изъ пожарныхъ рукавовъ поднимается до 10 саженъ, выше даже главнаго водоема. Это устройство называется американскимъ и вводится въ Россіи съ недавняго времени. Весь водопроводъ стоитъ 74,000 рублей. Онъ устроенъ на средства города и пожертвованія частныхъ лицъ. Глав-

ными жертвователями были два дома Посылиныхъ, а главнымъ дѣятелемъ и усердствующимъ лицомъ къ его возведенію И. И. Поповъ. При водопроводѣ состоять: машинисть, телеграфистъ, слесарь, кочегаръ и 4 сторожа. На содержаніе его отпускается городомъ 3,339 руб. 86 коп.

Пожарная городская команда. Она состоитъ изъ брантмейстера, его помощника и 24 человѣкъ рабочихъ. Въ обозѣ ея 18 лошадей, нѣсколько пожарныхъ машинъ, бочекъ, а также имѣются и всѣ пожарныя принадлежности очень исправныя и хорошо содержимыя. Содержаніе ея стоитъ городу 5698 р. (1)

Управленіе Шуйско-Ивановской желѣзной дороги. При немъ управляющій, бухгалтеръ и нѣсколько канцеляристовъ. Здѣсь же станція дороги съ полнымъ штатомъ служащихъ. Дорога состоитъ изъ двухъ отдѣленій.

---

(1) Для предохраненія отъ пожаровъ, въ 40-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія вышло правительственное распоряженіе обязывавшее городскихъ жителей на каждомъ зданіи, съ деревянной крышей, ставить кадки съ водой и метелкой для прыскапія водой во время пожара. Если крыша длинная, то ставить двѣ и болѣе кадокъ. Для постановки ихъ дѣлались на конькѣ крыши площадки, а для входа на нихъ клались на крышѣ лѣстницы. Такія орудія охраненія отъ пожаровъ въ Шуѣ красовались на каждой крышѣ, крытой деревомъ. Но такъ какъ въ жаркую погоду вода въ кадкахъ высыхала очень скоро, а наливать ее было крайне затруднительно, то эти кадки стояли всегда безъ воды и, при случаѣ пожара, служили чѣмъ—то въ родѣ подловки и сгорали первыми.

1) Отъ Новковъ до Иваново-Вознесенска. Открыто 15 сентября 1868 года. Протяженіе его 84 версты; устройство стоитъ 5.619.100 руб кред.

2) Отъ Иванова до Кинешмы. Открыто 5 февраля 1871 года. Протяженіе 87 верстъ; устройство стоитъ 4.646.614 р. кред. Вся дорога имѣетъ длины 171 версту, и стоитъ 10 265.714 рублей кредитныхъ, что составляетъ 60,033 руб. за версту.

Въ 1888 году дорога перевезла пассажировъ 246 997 человѣкъ и грузовъ 23.850.000 пудовъ.

Выручила 1.145.341 р , израсходовала 505.131 р., получила чистой прибыли 640.209 р., по 3,722 р. на версту.

Въ продолженіе года всѣхъ поѣздовъ прошло 3,031. Ежедневное содержаніе всей дороги стоитъ 1,380 руб.

На Шуйскую станцію прибыло товаровъ 2.775.940 пуд. Отправлено съ оной 856.977 пуд. Осталось 1 918.963 пуда.

По суммѣ валовой выручки главная станція Кинешемская, выручившая въ томъ же году 288.013 р., вторая Иваново-Вознесенская — 263,506 р., третья Шуйская — 134.417 р., и, наконецъ, восемь остальныхъ станцій выручили 459.465 р.

Городская управа. Она состоитъ изъ головы, двухъ, членовъ, секретаря и бухгалтера. Помѣщается въ собственномъ каменномъ, двухъ-этажномъ домѣ (вмѣстѣ съ банкомъ). Содержаніе ея (1890 г) стоитъ 8744 рубля.

Уѣздная земская управа. Состоитъ она изъ председателя, двухъ членовъ, секретаря, бухгалтера и

писарей. Помѣщеніе имѣетъ въ обширномъ каменномъ домѣ, принадлежащемъ земству.

Доходы земства (по смѣтѣ на 1891 годъ).

Съ крестьянскихъ земель, надѣльныхъ	10989 р.
Съ земель частныхъ владѣльцевъ .	24624 р.
Съ земель принадлежащихъ казнѣ .	852 р.
Съ фабричныхъ и промышленныхъ зданій	51658 р.
Съ недвижимой собственности въ г. Шуѣ и его уѣздѣ со включеніемъ г. Иваново-Вознесенска . . .	16490 р.
Съ трактирныхъ, питейныхъ и иныхъ заведеній	3000 р.
Съ торговыхъ, и промышленныхъ свидѣтельствъ и билетовъ . . .	10000 р.
Съ патентовъ на продажу питей .	5000 р.
Судебныхъ и мировыхъ пошлинъ .	1500 р.
Пособіе изъ губернскаго сбора на медицинскую часть уѣзда . . .	25000 р.
Разныхъ сборовъ	4323 р.
Предназначается собрать изъ недоимокъ	14481 р.
Итого дохода .	167917 р.

Расходы земства.

На квартиры и разъѣзды тремъ судебнымъ слѣдователямъ . . .	2200 р.
На квартиры и разъѣзды чинамъ земской полиціи	6892 р.
На содержаніе присутствія по воинской повинности	2000 р.

На содержаніе двухъ арестантскихъ въ Шуѣ и Иваново-Вознесенскѣ .	2055 р.
На содержаніе земскихъ начальниковъ и уѣзднаго съѣзда	14629 р.
На содержаніе земскаго управленія .	11430 р.
На содержаніе земскихъ пунктовыхъ лошадей	8000 р.
На устройство и содержаніе земскихъ дорогъ	17000 р.
На содержаніе 7-ми земскихъ больницъ въ г. Шуѣ и его уѣздѣ . .	32428 р.
На общественное призрѣніе . .	1900 р.

На народное образованіе:

Пособіе Шуйской мужской гимназіи	8250 р.
Содержаніе начальныхъ земскихъ школъ	26500 р.
Пособіе Шуйской женской гимназіи	1000 р.
Пособіе Ивано-Вознесенской женской гимназіи	2000 р.
Пособіе разнымъ учебнымъ заведеніямъ	3802 р.
.	41552 р.
На образованіе оборотнаго капитала 2% со смѣтнаго капитала . .	3358 р.
На образованіе запаснаго капитала .	8307 р,
На непредвиденныя надобности .	8269 р.
На покрытіе недоимокъ . . .	6173 р.
На разныя потребности . . .	1724 р.
Итогъ расходовъ .	167917 р.

Разсмотрѣвъ рядъ изложенныхъ здѣсь цифръ, легко замѣтить, что самая крупная цифра *доходовъ*, составляющая почти третью часть всего до-

ходнаго сбора есть цифра получаемая *съ фабричныхъ и промышленныхъ зданій*. Уже одинъ этотъ крупный доходъ отъ фабрикъ достаточно говоритъ за широкое развитіе мѣстныхъ мануфактуръ, дающихъ не одному десятку тысячъ рабочихъ постоянный заработокъ, обезпечивающій ихъ существованіе. Другая краснорѣчивая цифра бросается въ глаза — это сумма *расходовъ*, издерживаемая земствомъ на народное образованіе, составляющая почти четвертую часть всей расходной суммы. Цифра очень крупная. Однако нельзя сказать, чтобы она превышала размѣръ потребности Шуйскій уѣздъ, какъ уѣздъ по преимуществу промышленный, болѣе другихъ нуждается и въ распространеніи среди народа грамотности и образованія. Довольно также крупная сумма расходуется на содержаніе земскихъ больницъ.

Почтово телеграфная контора. Въ ней производится ежедневные пріемъ и выдача корреспонденціи какъ простой, такъ заказной, страховой и денежной, что составляетъ большое удобство для здѣшнихъ жителей промышленнаго класса, имѣющихъ надобность въ частыхъ сношеніяхъ съ торговымъ людомъ другихъ промышленныхъ мѣстностей. Дѣятельность конторы очень значительна и обращаетъ на себя серьезное вниманіе. Вотъ интересныя данныя ея дѣятельности за 1890 г.

Получено конторой.

1) Внутренней корреспонденціи.

Простой: писемъ	оплаченныхъ . .	93344
— —	не вполнѣ оплаченныхъ . . .	828

— — безплатныхъ .			26810
Бандерольной: съ печатными произведеніями			20788
съ дѣловыми бумагами . . .			405
съ образцами товаровъ . . .			361
Заказной: писемъ закрытыхъ . .			10053
отправл. бандерольныхъ .			532
Денежныхъ и цѣнныхъ пакетовъ .	8975	на сумму	750475
Цѣнныхъ посылокъ	1472	— —	17920
Посылокъ безъ цѣны . . .	303		
т. казенныхъ	510		
Періодическихъ изданій . .	108946		

2) Международной корреспонденціи (заграничной).

Простыхъ писемъ	1727		
Открытыхъ т.	345		
Бандерольныхъ отправленій . .	646		
Заказныхъ писемъ	71		
Денежныхъ и цѣнныхъ пакетовъ .	3	на сумму	100 р.

Отправлено конторой.

1) Внутренней корреспонденціи.

Денежныхъ пакетовъ . .	8190	на сумму	435504 р.
т. казенныхъ	1235	— —	855684 р.
т. министерства финанс. ..	382	— —	2615298 р.
Посылокъ цѣнныхъ	1048	— —	7448 р.

Узловъ казенныхъ съ звонкой монетой	22	—	—	20700 р.
Простыхъ писемъ	92303			
Заказныхъ . .	8602			
Бандерольныхъ отправленій . .	584			

2) Мѣстной корреспонденціи (по г. Шуѣ).

Простыхъ писемъ	1632		
Открытыхъ —	692		
Бандеролей .	6937		
Заказныхъ писемъ	58		
Денежныхъ пакетовъ . . .	4	на сумму	15 р.

3) Международной корреспонденціи.

Простыхъ писемъ	210		
Открытыхъ —	45		
Бандеролей .	95		
Заказныхъ писемъ	29		
Денежныхъ и цѣнныхъ пакетовъ .	53	на сумму.	1409 р.

По телеграфному отдѣленію.

Получено телеграммъ . .	4729
Отправлено —	3316

Получено конторой доходовъ.

По почтовому отдѣленію	13484 р.
— телеграфному	2852 р.
Итого	16336 руб.

Всей корреспонденціи получено:

Простыхъ, не цѣнныхъ пакетовъ .	247669	
Денежныхъ и цѣнныхъ . .	40450	на сумму 768496 р.

Всей корреспонденціи отправлено:

Простыхъ, не цѣнныхъ отправленій	110982	
Денежныхъ и цѣнныхъ пакетовъ .	10934	на сумму 3936056 р.

Всей корреспонденціи, какъ по полученію, такъ и по отправленію 380035 пакетовъ, на сумму 4704552 рубля.

Полицейское управленіе. На содержаніе его городъ расходуетъ:

На квартирное довольствіе городскому приставу и двумъ его помощникамъ .	550 р.
— жалованье 32 полицейскимъ служителямъ	4980 р.
— обмундированіе 32 человѣкъ по 25 р.	800 р.
– наемъ квартиръ для полицейскихъ служителей по недостатку будокъ .	288 р.
отопленіе и освѣщеніе оныхъ квартиръ и будокъ	844 р.
Въ пособіе государственному казначейству на содержаніе полиціи . .	1000 р.
Итого	8462 р.

Уѣздное по воинской повинности присутствіе. Оно открыло свои дѣйствія 15 февраля 1874 года. При-

зывъ лицъ для отбыванія воинской повинности производится каждогодно съ 1 ноября.

Въ 1890 году призывалось всего по уѣзду и городу 1,145 челов. Изъ нихъ:

Принято въ войска . . .	264	челов.
Зачислено въ ратники ополченія: .	698	—
Забраковано	25	—
Дана отсрочка по разнымъ причинамъ	137	—
Не явилось къ призыву . .	21	—
	1,145	—

На содержаніе присутствія поступаетъ отъ Шуйскаго земства . . . . . 2,000 руб.

Городская тюрьма. Помѣщается въ обширномъ каменномъ двухъэтажномъ зданіи во дворѣ присутственныхъ мѣстъ. Завѣдываетъ ею начальникъ тюрьмы, при которомъ состоитъ 10 надзирателей и канцелярія Для больныхъ имѣется тюремная больница и фельдшеръ; временемъ является въ оную городской врачъ. При тюрьмѣ находится, какъ уже выше сказано, небольшая каменная церковь, при которой состоитъ священникъ и одинъ причетникъ. Она устроена съ хорами для арестантовъ. Здѣсь они слушаютъ Божественныя службы. Изъ отчета тюрьмы за 1890 годъ видно, что:

1) Къ 1 января 1890 года въ ней состояло арестантовъ, *находившихся подъ слѣдствіемъ*:

Мужчинъ	22	челов.
Женщинъ	3	—
	25	—

Въ 1890 году вновь поступило:

Мужчинъ	77	—
Женщинъ	7	—
	84	—
	109	—

Изъ нихъ выбыло въ 1890 году:

Мужчинъ	72	—
Женщинъ	10	—
	82	—

Осталось къ 1 января 1891 года:

Мужчинъ	27	—
	109	—

2) Къ 1 января 1890 года состояло арестантовъ осужденныхъ судебными приговорами *для отбыванія тюремнаго наказанія* на разные сроки:

Мужчинъ	28	—
Женщинъ	5	—
	33	—

Въ 1890 г. вновь поступило:

Мужчинъ	302	—
Женщинъ	57	—
	359	—
	392	—

Изъ нихъ выбыло въ 1890 году:

Мужчинъ	280	челов.
Женщинъ	52	—
	332	—

Осталось къ 1 января 1891 года:

Мужчинъ	50	—
Женщинъ	10	—
	60	—
	392	—

3) Къ 1 января 1890 года состояло арестантовъ *пересыльныхъ*:

Мужчинъ	7	—
Женщинъ	1	—
	8	—

Въ 1890 году вновь поступило:

Мужчинъ	259	—
Женщинъ	27	—
	286	—
	294	—

Изъ нихъ выбыло въ 1890 году:

Мужчинъ	246	—
Женщинъ	28	—
	274	—

Осталось къ 1 января 1891 года:

Мужчинъ	20	—
	294	—

4) Всѣхъ же трехъ разрядовъ арестантовъ находилось въ заключеніи:

Къ 1 января 1890 года:

Мужчинъ	57	—
Женщинъ	9	—
	66	—

Вновь поступило въ 1890 году:

Мужчинъ	638	—
Женщинъ	91	—
	729	—
	795	—

Изъ нихъ выбыло въ 1890 году:

Мужчинъ	598	—
Женщинъ	90	—
	688	—

Оставалось къ 1 января 1891 г

Мужчинъ	97	—
Женщинъ	10	—
	107	—
	795	—

На содержаніе тюрьмы со включеніемъ жалованья начальнику и надзирателямъ поступаетъ ежегодно:

Отъ казны до	4,000	руб.
— города	1,141	—
	5,141	—

Сберегательная касса. Эта касса, считающаяся подъ № 184, открыта при здѣшнемъ уѣздномъ казначействѣ, согласно распоряженію управляющаго государственнымъ банкомъ 1-го ноября 1884 года. Взносы стали поступать съ 2-го декабря. Таковыхъ взносовъ поступило въ кассу:

Въ 1884 году		574	руб.		
— 1885	—	35,642	—	9	коп.
— 1886	—	48,024	—	29	—
— 1887	—	91,446	—	81	—
— 1888	—	107,185	—	84	—
— 1889	—	146,185	—	41	—
— 1890	—	119,767	—	58	—
Итого		548,826	—	2	—

Въ то же время возвращено вкладчикамъ:

Наличными деньгами . .	167,070 р. 29 к,
Куплено для вкладчиковъ по ихъ порученію государств. % бумагъ на	97,370 р 69 к.
	264,440 р. 98 к.

Затѣмъ къ 1 января 1891 г. оставалось въ центральной Шуйской сберегательной кассѣ вкладовъ, по 2,097 книжкамъ .	284,385 р. 4 к.
Кромѣ того къ этому же числу оставалось въ кассѣ на безвозмездномъ храненіи % бумагъ, купленныхъ для вкладчиковъ, на	53,591 р. 44 к.
За все время существованія кассы въ Шуѣ поступило въ пользу владчиковъ процентовъ, по расчету 4% годовыхъ .	26,909 р 11 к.

Сверхъ центральной сберегательной кассы при Шуйскомъ казначействѣ съ 1 іюля 1890 года открыто пять кассъ при почтово-телеграфныхъ учрежденіяхъ, именно: при Шуйской конторѣ и 4 при ея уѣздныхъ отдѣленіяхъ, въ селахъ: Кохмѣ, Тейковѣ, Дуниловѣ и Васильевскомъ

Въ эти пять кассъ въ продолженіе шести мѣсяцевъ, по 1 января 1891 года, принято 682 взноса, на сумму . .	16,113 р. 25 к.
За то же время присчитано вкладчикамъ % . . .	119 р. 64 к.
Итого	16,232 р. 89 к.

Кромѣ означенныхъ здѣсь сберегательныхъ кассъ, для наибольшаго удобства фабричныхъ рабочихъ, съ 1 января 1891 года открыто въ Шуѣ еще два отдѣленія Шуйской центральной кассы казначейства— при фабрикахъ: Товарищества Шуйской Мануфактуры и г. Небурчилова. Въ продолженіе трехъ мѣ-

сяцевъ, со времени открытія, по 1 апрѣля внесено въ первое изъ этихъ отдѣленій 1,162 р. 52 к., а во второе 364 р. 23 к. Эти отдѣленія состоятъ подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ и полнымъ контролемъ Шуйской центральной кассы.

За все время существованія Шуйской сберегательной кассы по 1 января 1891 года чиновниками казначейства, за возложенныя на нихъ обязанности по исполненію веденія дѣлъ оной кассы, а также и кассъ почтово-телеграфныхъ, получено вознагражденія, по опредѣленію государственнаго банка, 5,175 р. 70 к.

Просматривая цифры взносовъ въ Шуйскую центральную кассу, мы замѣчаемъ, что эти цифры до 1890 года постоянно увеличивались, а въ этомъ году цифра поступленій вдругъ уменьшилась на 26,418 р.

Этотъ грустный фактъ можетъ быть объясненъ лишь тѣмъ, что, вслѣдствіе стѣснительнаго положенія здѣшнихъ фабрикъ, ночныя работы на нихъ съ 1889 года прекращены, по этому и количество рабочихъ значительно уменьшилось, что неминуемо дало общій заработокъ меньшій чѣмъ прежде, а потому, естественно, меньшій оказался и остатокъ сбереженій для внесенія въ кассы.

Кромѣ перечисленныхъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденій въ городѣ имѣются и нѣкоторыя иныя учрежденія, служащія единственно для удовольствія и развлеченія обывателей. Къ таковымъ учрежденіямъ принадлежатъ.

Общественный клубъ. Онъ помѣщается въ большомъ каменномъ двухъ-этажномъ домѣ частнаго лица. Содержится на счетъ членскихъ взносовъ.

Общественный садъ. Мѣстоположеніе его очень прекрасное. Въ прежнее время оно называлось *Крутихой*, потому что находится на крутомъ, возвышенномъ берегу р. Тезы. Покрыто оно было *столѣтнею* березовой рощей, сохранившейся отъ временъ, когда городъ былъ вплоть окруженъ лѣсами. Нѣсколько деревъ отъ этой рощи остались въ саду и по сіе время, служа какъ бы памятникомъ отжившаго свой вѣкъ лѣса. (¹) Здѣсь устроено отъ общественнаго клуба большое деревянное зданіе, гдѣ имѣется нѣсколько комнатъ, билліардъ и обширная галлерея для танцевъ и музыки. На содержаніе сада городъ отпускаетъ 350 рублей.

При такихъ благопріятныхъ условіяхъ, какъ пролегающая здѣсь желѣзная дорога, имѣющійся общественный банкъ и достаточное число учебныхъ заведеній и изстари промышленномъ характерѣ жителей Шуи, городъ быстро расширяется. Мы видѣли, что въ 1817 году въ немъ было только 392 дома, нынѣ по прошествіи лишь 73 лѣтъ, въ немъ насчитывается ихъ уже 1,309, въ числѣ которыхъ 118 домовъ каменныхъ, хорошей архитектуры. Часть послѣднихъ по своей обширности и красотѣ достойны занять мѣсто не только въ любомъ губерн-

(¹) Естествоиспытатели не допускаютъ, чтобы береза могла жить сто лѣтъ. Но я эту отживающую рощу помню почти 70 лѣтъ: и тогда она была старымъ лѣсомъ, можетъ быть лѣтъ пятидесяти. Среди нея встрѣчались можжевеловые кустики.

скомъ городѣ, но и въ любой изъ нашихъ столицъ. Шесть каменныхъ корпусовъ лавокъ (²), заключающихъ въ себѣ 70 №№ и 11 деревянныхъ со 130 №№, значительно скрашиваютъ городъ и даютъ представленіе о его крупной торговой дѣятельности. 77 улицъ и переулковъ и почти столько же кварталовъ служатъ признакомъ его обширности.

Говоря объ обширности города по числу домовъ и улицъ и по занимаемому имъ пространству, къ сожалѣнію ничего не могу сказать о числѣ его населенія. Одни опредѣляютъ число его жителей въ 10, другіе въ 15, третьи въ 18 тысячъ и даже болѣе, но всѣ эти цифры совершенно гадательныя, потому что это число никому не извѣстно. Не знаетъ его ни городская управа, ни городская полиція, совершенно никто.

На сколько широко раскинулся городъ, столь же значительно расширилась и его промышленная и торговая дѣятельность.

Мы видѣли, что въ началѣ нынѣшняго столѣтія, въ 1817 году, въ Шуѣ было 20 фабрикъ и 4 небольшіе кожевенные завода. Положимъ, что число фабрикъ довольно порядочное, не много уступаетъ нынѣшнему числу таковыхъ, но такъ какъ эти фабрики были ручныя безъ машинъ и паровыхъ дви-

(²) Первыми устроены два каменные корпуса со вторыми этажами и каменными галлереями противъ Спасской церкви въ 30-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія. Эти корпуса прекрасной архитектуры и самые лучшіе изъ всѣхъ построенныхъ въ послѣднее время, неотличающихся изяществомъ фасада и имѣющихъ типъ лабазный.

тателей, то не могли быть обширными. Безошибочно можно сказать, что онѣ всѣ не имѣли возможности выработывать товаровъ болѣе какъ на 1 милліонъ ассигнаціями, на каковую сумму нынѣ выработывастъ одна не очень значительная мануфактура хлопчатобумажныхъ издѣлій, а такихъ въ городѣ нѣсколько. Вотъ ихъ перечень съ присоединеніемъ къ нимъ заводовъ и нѣкоторыхъ другихъ промышленныхъ заведеній и мелкихъ промысловъ.

1 — фабрика бумагопрядильная, выработывающая товаровъ на сумму, приблизительно, . . .	1.800.000 р.
6 — фабрикъ механическо-ткацкихъ, выработывающихъ миткаля и другихъ бумажныхъ тканей на сумму	4.100.000 р.
6 — ситце-набивныхъ, выработывающихъ ситцевъ, платковъ и нѣкоторыхъ иныхъ товаровъ на .	3.300.000 р.
6 — заводовъ овчинно-шубныхъ, выработывающихъ овчинъ и полушубковъ на	500 000 р.
6 — кожевенныхъ, выдѣлывающихъ кожъ и юфти на . . .	130.000 р.
4 — скорняжныхъ, выдѣлывающихъ овчинъ на	100.000 р.
1 — чугунно-литейный, производящій литья на	80.000 р.
1 — лито-типографія дѣлающая оборотъ на сумму	50.000 р.

Нѣсколько заведеній и промысловъ различныхъ, выработывающихъ про-

заведеній или дающихъ валовой заработокъ на . . . . 200.000 р. (³)

Итого 10.270.000 р.

Къ этому прибавимъ торговые обороты лавочниковъ и промышленниковъ всѣхъ родовъ, какъ то краснорядцевъ, хлѣбныхъ, винныхъ, лѣсныхъ матеріаловъ и прочихъ, которые доходятъ до . . . . 2.900.000 р.

Слѣдовательно, всѣ обороты жителей Шуи, какъ мануфактурной, такъ и торговой промышленности составляютъ сумму въ . . . . 13.190.000 р.

Такое быстрое развитіе здѣшней промышленной и торговой дѣятельности въ продолженіе 70 лѣтъ заслуживаетъ полнаго вниманія. Въ особенности останавливаетъ на себѣ вниманіе быстрота развитія хлопчатобумажнаго производства, дошедшаго до почтенной цифры, 10 милліоновъ р. Взглянемъ нѣсколько поприлежнѣе на его исторію и обстоятельства, ему помогавшія.

Мы видѣли выше, что въ 17 году нынѣшняго столѣтія въ Шуѣ было 20 фабрикъ полотняныхъ и бумажныхъ, но сколько какихъ въ отдѣльности не извѣстно, хотя знать было бы очень желательно. Одно можно сказать, что фабрики полотняныя были

(³) Сюда причислены заведенія: красильныя, кирпичныя, мѣдниковъ, каретниковъ, серебрянниковъ, рѣщиковъ, булочниковъ, крендельщиковъ и промыслы и ремесла извощиковъ, сапожниковъ, портныхъ, швей, маляровъ, печниковъ, кровельщиковъ, плотниковъ, каменьщиковъ, штукатуровъ и нѣкот. другихъ.

отживающими, а бумажныя нарождающимися. Исторически извѣстно, что полотняныя фабрики возродились въ Россіи по волѣ Петра Великаго, которому нужны были фламскія полотна для снабженія строющагося флота парусами. Заботы его не пропали. Уже въ 1770 году одинъ изъ крестьянъ села Мстеры, Вязниковскаго уѣзда, Владимірской губерніи, М. Сеньковъ,—этотъ домъ нынѣ въ Вязникахъ,—доставилъ въ Московскій коммисаріатъ полотна и равендуки столь удовлетворительные, что получилъ похвальный листъ въ поощреніе. Въ смыслѣ этого же поощренія правительство Екатерины Великой и Александра I награждало полотняныхъ фабрикантовъ крестьянами для фабричныхъ работъ. Эти крестьяне приписывались къ фабрикамъ и назывались поссессіонными. Въ 1800 году такихъ фабрикъ съ крестьянами во Владимірской губерніи было три: двѣ въ Переславлѣ-залѣсскомъ, Темерина и Куманина и одна въ г. Шуѣ—Носова. Слѣдовательно, эти фабрики основаны были въ XVIII вѣкѣ, можетъ быть одновременно съ фабрикой крестьянина Сенькова. Кромѣ того извѣстно, что въ Шуѣ, помимо фабрики Носова, къ которой приписано было крестьянъ, помнится, 300 или 400 душъ,—были и иныя таковыя фабрики, вырабатывавшія полотна и равендуки, именно купцовъ: Шиловыхъ, Корниловыхъ, Игумнова, впослѣдствіи Сафонѣева и другихъ. Въ 1809 г. полотняныхъ фабрикъ въ Шуѣ было 10, а въ его уѣздѣ 140. Въ концѣ прошлаго столѣтія появились фабрики и хлопчатобумажныя; но число ихъ возрасло лишь послѣ разоренія французами Москвы вмѣстѣ съ ея фабриками. По изгнаніи французовъ,

возрождавшаяся Москва потребовала массу товаровъ, которые и должны были получаться изъ провинціи, такъ какъ фабрики Московскія не могли вскорѣ устроиться. Провинціальные фабриканты наживали тогда рубль на рубль. Этотъ случай и далъ толчекъ развитію хлопчатобумажной фабрикаціи въ здѣшнемъ краѣ, г. Шуѣ и его уѣздѣ. Новыя бумажныя ткани, преимущественно миткаль, нанка и китайка, явились конкурентами полотнянымъ товарамъ, но послѣдніе шли своимъ ходомъ, не смотря на сравнительную дешевизну первыхъ. Обоимъ родамъ товаровъ въ ихъ успѣшномъ сбытѣ значительно способствовалъ таможенный тарифъ, изданный въ 1810 году въ строго-охранительномъ духѣ для русской промышленности отъ иностранной конкуренціи при министрѣ финансовъ, Голубцовѣ. Къ нашему несчастію въ концѣ прошлаго столѣтія вышла въ Англіи серьезная книга: „Богатство народовъ" знаменитаго англійскаго политико-экономиста Адама Смита, находящая все благо въ полной свободѣ международной торговли, но впрочемъ, съ оговоркой, что свобода конкуренціи можетъ быть допущена *только между народами стоящими на одной степени культурнаго развитія*, въ противномъ случаѣ менѣе развитой народъ будетъ подверженъ разоренію. Это ученіе проникло въ Россію. Ему поддался тогдашній министръ финансовъ, Гурьевъ, не замѣтивъ однако вышеизложенной оговорки. (Впрочемъ, онъ можетъ быть и не читалъ Адама Смита). Подъ впечатлѣніемъ этого ученія онъ, не смотря на неразвитость Россіи, сдѣлалъ два пониженія таможенныхъ пошлинъ на ввозные товары: въ 1816

и 1819 годахъ. Такія пониженія открыли свободный доступъ въ Россію иностраннымъ товарамъ, въ особенности полотнянымъ, съ которыми русскія произведенія не могли состязаться по разнымъ причинамъ, отъ производителей не зависящимъ, и вотъ, наши полотняныя фабрики стали одна за другой закрываться и къ тридцатымъ годамъ не осталось здѣсь ни одной изъ таковыхъ, хотя министръ, одумавшись, въ 1822 году исправилъ свою ошибку, возвысивъ снова тарифъ на ввозные товары; но это средство оказалось и слабымъ, и позднимъ. Въ настоящее время эти полотняныя фабрики напоминаютъ только три осиротѣлые каменные корпуса:— одинъ при домѣ П. И. Попова и два на дворѣ И. Ѳ. Корнилова, какъ жалкіе остатки, уцѣлѣвшіе послѣ крушенія промышленности вполнѣ отечественной; прочіе корпуса уже всѣ разобраны.

Убивъ фабрикацію ткачества льняныхъ полотенъ, либеральные тарифы 16 и 19 годовъ, къ счастію, не произвели того же губительнаго дѣйствія на развивающуюся вновь промышленность ткачества ручныхъ миткалей изъ англійской пряжи. Въ двадцатыхъ годахъ мы видимъ ихъ существующими у купцовъ: И. Ѳ. Корнилова, Д. В. Корнилова, бр. Посылиныхъ, бр. Болотовыхъ и нѣкоторыхъ другихъ фабрикантовъ, менѣе значительныхъ. Эти фабрики продолжали существовать, но въ угнетенномъ положеніи. Къ нимъ со временемъ присоединялись и новыя, но скоро закрывались. Безбѣдно существовали лишь тѣ, владѣльцы которыхъ имѣли свои ситценабивныя заведенія, какъ то бр. Посылины,

Д. В. Корниловъ и бр. Болотовы. Въ тридцатыхъ годахъ на поддержку этой фабрикаціи явились новыя крупныя фабрики: Ѳ. Г. Попова, С. Г. Попова и бр. Калужскихъ. Эти фабрики шли хорошо, но періодъ ручнаго ткачества отживалъ свой вѣкъ. По примѣру Англіи и другихъ европейскихъ государствъ въ Россіи стали вводиться механическо-ткацкіе станки, выработывающіе миткаля гораздо лучше и болѣе успѣшно, чѣмъ выработывались они на станкахъ ручныхъ. Эти новые станки, приводимые въ движеніе паровыми машинами, явились сильными конкурентами ручнымъ станкамъ, и владѣльцы послѣднихъ начали терпѣть затрудненія въ сбытѣ своихъ произведеній. Насталъ критическій періодъ. Что бы не пасть въ неравной борьбѣ, наши фабриканты начали прилагать стараніе объ устройствѣ у себя этого нововведенія. Первымъ, можно сказать, піонеромъ явился на этомъ поприщѣ умный, честный и предпріимчивый И. Ѳ. Поповъ. Онъ въ 1847 г. устроилъ въ Шуѣ первую механическо-ткацкую фабрику для выработки миткалей и, вмѣстѣ съ ней, первую бумагопрядильную, дабы не только состязаться съ англійскими миткальщиками, но и избавиться отъ покупки англійской пряжи, продававшейся дорогими цѣнами. (1) Чрезъ нѣсколько годовъ явились почтенному піонеру подражатели и теперь въ Шуѣ таковыхъ ткацкихъ фабрикъ 6 съ количествомъ станковъ, доходящимъ до 3,600; бумагопрядилень же

(1) Первая бумагопрядильня была устроена въ Шуѣ бр. Посылиными въ 1837 году, но она черезъ два года сгорѣла и не возобновлялась.

вновь не прибавлено. По устройствѣ этихъ механическихъ ткацкихъ, ручное ткачество здѣсь пало и выстроенные для него огромные каменные корпуса стоятъ пустые, какъ сотоварищи корпусамъ, оставшимся отъ убитой насильственнымъ образомъ полотняной фабрикаціи.

Начало устройства въ Шуѣ ситценабивныхъ фабрикъ должно отнести къ двадцатымъ годамъ нынѣшняго столѣтія. Первая изъ таковыхъ устроилась К. Ив. Носовымъ, затѣмъ бр. Посылиными, В. Д. Корниловымъ, С. Ив. Бобровымъ; потомъ въ тридцатыхъ годахъ: бр. Болотовыми, Г. А. Журовымъ, бр. Меньшиковыми (нынѣ въ Иваново-Вознесенскѣ); въ сороковыхъ годахъ и позднѣе прибыло еще 11 фабрикъ: А. А. Посылина, М. И. Локотникова, В. Д. Лодыгина, И. Н. Бѣлянкина, Б. А. Журова, бр. Волковыхъ, И. А. Калужскаго и нѣкоторыхъ другихъ. Но изъ этого перечня, числомъ 18, нынѣ существуетъ только 6, именно С. М. Посылина (это старѣйшая), Д. В. Боброва, бр. Кокушкиныхъ, бр. Рубачевыхъ, И. В. Рубачева и товарищества Шуйской мануфактуры; остальныя же 12, вслѣдствіе внутренней, но, главнѣйше, вслѣдствіе внѣшней конкуренціи, усилившейся со времени пониженія таможеннаго тарифа въ 1851 и 1857 годахъ, пали и ихъ каменные корпуса, въ которыхъ помѣщались набойщики, или разобраны, или стоятъ пустые, какъ ихъ же сотоварищи, оставшіеся отъ фабрикъ полотняныхъ и ручныхъ ткацкихъ.

Это число фабрикъ, нынѣ существующихъ, хотя не велико, но выработка товаровъ на нихъ, какъ

мы видѣли, довольно значительна, гораздо значительнѣе, чѣмъ она была на прежнихъ фабрикахъ. Этому способствуетъ отчасти замѣненіе ручной набивки печатными машинами, работающими и очень скоро и очень хорошо, изъ которыхъ каждая можетъ замѣнить сто ручныхъ набойщиковъ и сдѣлать лучше ихъ. Таковыя машины стали вводиться здѣсь съ тридцатыхъ годовъ. Первая была поставлена на фабрикѣ бр. Посылиныхъ, одновальная, работавшая однимъ колеромъ, преимущественно ситцы рубашечные, затѣмъ стали вводиться машины двухъ—вальныя, трехъ—вальныя, а нынѣ даже шести—вальныя и болѣе, набивающія вдругъ нѣсколькими колерами цѣлый кусокъ въ продолженіе какихъ нибудь четверти часа. Но еще болѣе способствуетъ успѣху выработки нынѣшнихъ фабрикъ то обстоятельство, что на нихъ выработываются ситцы съ непрочными колерами, не требующими для своей выработки столь продолжительнаго времени и столь большихъ хлопотъ, сколько требовали прежніе ситцы, крашенные крапомъ и называвшіеся *заварными*, прочными; въ особенности нейдетъ нисколько въ сравненіе легкость выработки нынѣшнихъ ситцевъ съ прежними, такъ называемыми кубовыми, двукубовыми и саксонскими, красившимися въ кубахъ индигомъ. Хотя эти ситцы, преимущественно платки, выработываются въ Шуѣ и въ нынѣшнее время, но они не составляютъ части значительной: масса состоитъ изъ товаровъ машинныхъ съ непрочными колерами.

Успѣхъ въ улучшеніи ситцеваго товара замѣчательный. Красота и чистота его не можетъ быть

поставлена ни въ какое сравненіе съ прежними товарами двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ, набивавшимися, — иногда, за дороговизною миткаля, даже по холсту, — однимъ или двумя колерами посредствомъ маперовъ (рисунковъ), вырѣзывавшихся на доскахъ грушеваго дерева. Этотъ товаръ, называвшійся набойкой и выбойкой, красился крапомъ, былъ проченъ, но очень грубъ и некрасивъ.

Итакъ либеральные тарифы 16 и 19 годовъ, парализованные тарифомъ 22 года, не могли убить нарождающуюся здѣсь хлопчатобумажную промышленность, какъ убили полотняную, и дали ей развиться и усилиться до размѣровъ весьма солидныхъ.

Но было время, когда и надъ этой промышленностью неслась туча, могшая разразиться грозой, прекратить ея существованіе, а городъ подвергнуть обѣднѣнію. Это была зима 1867—68 годовъ.

Англія, шедшая впереди другихъ странъ по развитію фабричной промышленности, переполнила всѣ внутренніе и даже многіе заграничные рынки своими мануфактурными произведеніями, но за всѣмъ этимъ излишекъ товаровъ тяготилъ ее, и она искала выхода изъ этого затрудненія посредствомъ перенесенія этой тягости на чужую шею. Озираясь кругомъ, она намѣтила, что таковой послушной, терпѣливой, но здоровой для несенія ея ярма могла быть только страна восточная, именно Россія. Намѣтивъ это, Англія приступила къ дѣйствію весьма энергично и успѣшно.

Въ 1865 году по волѣ лорда Росселя, министра президента англійскаго правительства и лорда Кла-

рендона, министра иностранных дѣлъ, былъ отправленъ въ С.-Петербургъ къ англійскому посланнику при русскомъ правительствѣ, Буканану, нѣкто Тамасъ Мичелль, въ званіи секретаря посольства, съ порученіемъ ему, какъ хорошо знающему русскій языкъ, изучить русскую промышленность и составить отчетъ для англійскаго парламента. Мичелль не замедлилъ, и въ 1866 году отчетъ былъ напечатанъ, представленъ парламенту и потомъ лордомъ Кларендономъ переславъ въ Петербургъ Буканану для распространенія его, какъ составленнаго въ духѣ свободной торговли, въ высшихъ петербургскихъ сферахъ финансоваго вѣдомства, пропитанныхъ ученіемъ Адама Смита. Пропаганда пошла смѣлая и назойливая; отчетъ въ видѣ брошюрки навязывался всякому даромъ, кто имѣлъ какое либо вліяніе на подлежащій вопросъ; развозился онъ самимъ Мичеллемъ и по провинціи; раздавалъ его авторъ фабрикантамъ въ Шуѣ, Ивановѣ и Тейковѣ. [1] Въ отчетѣ доказывалось, что русскій таможенный тарифъ очень высокъ, доходящій на нѣкоторые товары до цифры 200%; что его нужно понизить; что это пониженіе будетъ полезно не столько для Англіи, сколько для Россіи и пр. Пропаганда имѣла быстрый успѣхъ: лѣтомъ 1867 года уже явилось распоряженіе правительства приступить къ пересмотру тарифа по европейской границѣ. Это распоряженіе пронеслось громовымъ ударомъ надъ головами фабрикантовъ, видѣвшихъ въ этомъ пересмотрѣ не что иное, какъ пониженіе пошлинъ. Наступившая Нижегородская ярмарка прошла тихо.

---

[1] Одинъ экземпляръ его дошелъ даже до меня.

Однако министръ финансовъ, М. Х. Рейтернъ, боясь худыхъ послѣдствій, не рискнулъ поручить это дѣло однимъ чиновникамъ своего министерства, зная ихъ фритредерское направленіе, но счелъ нужнымъ пригласить въ готовящуюся коммиссію для пересмотра тарифа представителей отъ фабрикантовъ чрезъ посредство мануфактурнаго совѣта и мануфактурныхъ комитетовъ изъ числа ихъ членовъ. Въ силу этого распоряженія, существовавшій тогда во Владимірѣ, Владимірскій мануфактурный комитетъ имѣлъ собраніе 17 октября 1867 г. подъ предсѣдательствомъ г. начальника губерніи В. Н. Струкова, и избралъ депутатомъ въ тарифную коммиссію мануфактуръ совѣтника В. С. Каретникова и кандидатами къ нему: поч. граж. И. Н Гарелина и дѣйствительнаго члена Владимірскаго мануфактурнаго комитета Ѳ. Г. Журова (пишущаго эти строки).

Засѣданіе тарифной коммиссіи открылось подъ предсѣдательствомъ сенатора, вскорѣ члена государственнаго совѣта, Г. П. Небольсина, 1 ноября 1867 года въ Петербургѣ, въ зданіи министерства финансовъ. Чиновниковъ со стороны министерства было 12 человѣкъ, депутатовъ отъ фабрикантовъ столько же, но послѣдніе всегда являлись не въ полномъ числѣ, поэтому перевѣсъ постоянно былъ на сторонѣ чиновниковъ. Владимірскій депутатъ, В. С. Каретниковъ, присутствовалъ въ коммиссіи только два первыя засѣданія, кандидатъ его И Н. Гарелинъ три засѣданія, потомъ замѣнилъ депутата на всю зиму кандидатъ Ѳ. Г. Журовъ. Коммиссія ра-

ботала до 1 марта 1868 г. Въ продолженіе этого времени было 44 засѣданія, кромѣ 64 засѣданій въ коммиссіи экспертной (подготовительной), гдѣ засѣдали эксперты, спеціалисты по каждому роду товаровъ, подлежащихъ обсужденію. Пренія были оживленныя, не рѣдко съ колкими фразами и большею частію перевѣсъ отбираемыхъ голосовъ оставался за чиновниками въ пользу повальнаго пониженія пошлинъ. Въ особенности чиновники недоброжелательно смотрѣли на нашу хлопчатобумажную промышленность, говоря что она *тепличная*, что развилась *до уродливыхъ размѣровъ*. ([1]) Подъ вліяніемъ такого настроенія оппозиціи, пошлины были понижены почти на всѣ *ввозимые предметы и главнымъ* образомъ на товары хлопчатобумажные.

Увидѣвъ такой печальный исходъ дѣла, могшій погубить отечественную промышленность и разорить фабрикантовъ, депутаты отъ купечества, засѣдавшіе въ тарифной коммиссіи, возымѣли смѣлость ходатайствовать предъ высшимъ правительствомъ о пересмотрѣ назначенныхъ коммиссіей пошлинъ, какъ очень низкихъ и для народнаго труда вредныхъ. Высшее правительство благосклонно приняло это ходатайство и, менѣе чѣмъ черезъ мѣсяцъ по закрытіи коммиссіи, Высочайше повелѣно составить комитетъ подъ наименованіемъ: „Особое соединенное присутствіе по пересмотру тарифа при департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта.“ Комитетъ составился подъ предсѣдательствомъ генералъ-адъютанта, предсѣдателя департа-

([1]) Е. Н. Андреевъ, нынѣ умершій.

мента государственной экономіи, К. В. Чевкина при участіи Его Императорскаго Высочества Государя Цесаревича Александра Александровича, нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора, изъ членовъ Государственнаго Совѣта: А. М. Княжевича, П. Ф. Брока, Г. П. Небольсина, бывшаго предсѣдателя тарифной коммиссіи, А. П. Заблоцкаго—Десятовскаго, министра финансовъ М. Х. Рейтерна и дѣлопроизводителя Сомова. Собраніе комитета по хлопчатобумажному отдѣлу состоялась 20 апрѣля 1868 г. въ Царскомъ Селѣ,[x] гдѣ въ то время изволилъ находиться Государь Наслѣдникъ. Въ засѣданіе комитета были приглашены, какъ эксперты, по телеграфу—изъ Москвы: Т. С. Морозовъ, Е. И. Цинделъ и В. К. Крестовниковъ; изъ Петербурга Е. Ѳ. Виппекенъ и отъ Владимірскаго мануфактурнаго комитета Ѳ. Г. Журовъ. Но прежде засѣданія, какъ члены комитета, такъ и прибывшіе во дворецъ эксперты—купцы и фабриканты, были приглашены г. Чевкинымъ въ покояхъ Государя Цесаревича къ закускѣ, чего и удостоились въ присутствіи Его Высочества. Послѣ сего состоялось засѣданіе, въ которое приглашались эксперты три раза. Сперва были приглашены эксперты для показанія своихъ доводовъ въ пользу охраны *бумагопрядѣнія*. Здѣсь спрашивалось, почему они стоятъ за назначеніе одного размѣра пошлины, въ 3 р. 25 к. съ пуда, для всѣхъ №№ бумажной пряжи, какъ ровныхъ, такъ и тонкихъ, тогда какъ большинство членовъ тарифной коммиссіи (изъ чиновниковъ) назначило на низшіе №№ пошлину въ 2 р. 50 к., а на высшіе соглашалось прибавить. Эк-

х) въ Александровскомъ дворцѣ,

сперты заявили, что они о высшихъ №№ уже не ходатайствуютъ въ виду несочувствія большинства членовъ „Коммиссіи“, а ходатайствуютъ лишь о томъ, чтобы охранить хотя низшіе №№, до № 40, какъ наиболѣе для насъ требующіеся. Не основательно бы было стоять за охрану матеріала, мало требующагося, и дать возможность убить низкой пошлиной производство матеріала для насъ крайне необходимаго.

Выслушавъ это показаніе, экспертовъ отпустили въ другую комнату, обсуждали размѣръ пошлины безъ нихъ. Черезъ четверть часа они вновь были приглашены въ засѣданіе для показанія о размѣрѣ пошлинъ *на бумажныя ткани суровыя и бѣленыя*. На вопросъ председателя, обращенный къ Московскимъ экспертамъ, не найдутъ ли они возможнымъ понизить назначенную ими пошлину въ 30 к. съ фунта, хотя до 25 к. Они отвѣчали. что не находятъ возможнымъ безъ риска убить ткацкое производство въ Россіи. Когда же председатель обратился съ тѣмъ же вопросомъ къ эксперту отъ Владимірскаго мануфактурнаго комитета, то онъ отвѣчалъ: „Если московскіе фабриканты не имѣютъ возможности понизить назначенную пошлину, то для нашихъ, владимірскихъ фабрикантовъ, удержать ее еще необходимѣе, потому что у насъ много миткалевыхъ фабрикантовъ мелкихъ, изъ крестьянъ, имѣющихъ по 5, 10 и до 100 ткацкихъ станковъ, для которыхъ внѣшняя конкуренція болѣе страшна, чѣмъ для московскихъ крупныхъ фабрикантовъ. Между тѣмъ земля у насъ не плодородная

хлѣба и при хорошемъ урожаѣ не достаетъ на цѣлый годъ, а при плохомъ не достаетъ и на полгода; крестьяне главнѣйше питаются этимъ ткацкимъ промысломъ; слѣдовательно, если этотъ ихъ промыселъ будетъ убитъ, то они будутъ поставлены *въ безвыходное положеніе*."

По выслушаніи этихъ показаній и по призывѣ экспертовъ вновь, предсѣдатель обратился съ вопросами: на какомъ основаніи эксперты просятъ назначенныя ими высокія пошлины *на ситцы* необходимыми. Нужно прибавить, что присутствующіе здѣсь эксперты находились членами или экспертами въ „Тарифной коммиссіи" и размѣръ пошлинъ представлялся „Комитету", обсужденный уже „Тарифной коммиссіей".

Московскіе и петербургскіе эксперты доказывали, на основаніи данныхъ, сколько стоитъ набить ситецъ въ Англіи и сколько въ Россіи. Разница высшей стоимости въ Россіи и должна служить охраной для отечественныхъ производителей.

На вопросъ же, обращенный предсѣдателемъ къ эксперту владимірскому, послѣдній, какъ и выше, отвѣчалъ, что охрана для владимірскихъ фабрикантовъ гораздо нужнѣе, чѣмъ для московскихъ, вслѣдствіе того, что первые гораздо мельче послѣднихъ; въ числѣ ихъ есть даже крестьяне.

Какъ, крестьяне? Удивленно спросилъ предсѣдатель.

Точно такъ. Напримѣръ, въ селѣ Ивановѣ ([1]) гр. Шереметьева, былъ отвѣтъ.

([1]) Село Иваново преобразовалось въ городъ Иваново-Вознесенскъ послѣ того.

Замѣтно было, что этотъ фактъ былъ для предсѣдателя неожиданной новостью.

По закрытіи комитета, означенные эксперты, Московскіе, Петербургскій и Владимірскій, возъимѣли желаніе принести глубокую благодарность Его Императорскому Высочеству за его участіе въ засѣданіи комитета съ видимою цѣлью защитить отечественную промышленность, и, по ходатайству ихъ объ этомъ, получили разрѣшеніе; вмѣстѣ съ тѣмъ получили разрѣшеніе представиться и Ея Высочеству Государынѣ Цесаревнѣ. Послѣ чего 25 апрѣля 1868 года удостоились быть принятыми Ихъ Императорскими Высочествами въ томъ же Александровскомъ дворцѣ, въ кабинетѣ Ея Высочества, весьма милостиво и благосклонно, и вышли отъ Ихъ Высочествъ, изъ Царскихъ покоевъ, съ чувствомъ неизмѣримой благодарности, обрадованными и милостиво обнадеженными, *что отечественная промышленность не будетъ оставлена безъ поддержки.*

Такимъ образомъ, благодаря участію Его Императорскаго Высочества въ „Комитетѣ“, лично выслушавшаго заявленія экспертовъ, пошлины, назначенныя коммиссіей, были исправлены и нависшая было туча надъ нашей хлопчатобумажной промышленностью пронеслась мимо.

Здѣсь то и были заронены тѣ сѣмена, отъ которыхъ мы получаемъ теперь благодатные плоды, питающіе трудящійся людъ нашего отечества; отсюда—то и произошла перемѣна въ нашей торговой политикѣ въ пользу строгой охраны отечественной промышленности во всѣхъ ея видахъ, не смотря на

сильную оппозицію школы фритредеровъ, пропитанной антипатіею къ труженникамъ отечественнымъ, и симпатіею къ—иностраннымъ; объ этотъ то утесъ и разбились всѣ козни лукаваго Мичелля съ его министерствомъ во главѣ, а впослѣдствіи, и болѣе хитраго, и болѣе коварнаго Бисмарка. Этотъ день 25 апрѣля, день принятія Его Высочествомъ экспертовъ не мѣшало бы фабрикантамъ праздновать.

IV.

Придавая значеніе предпріимчивости и энергіи здѣшнихъ жителей, изстари пріобыкшихъ къ промышленной дѣятельности, умѣющихъ поддерживать и расширять ее и въ настоящее время, нельзя не допустить, что нѣкоторую долю пользы приносило имъ въ этомъ дѣлѣ судоходство по рѣкѣ Тезѣ. Оно, существуя издавна, подъ именемъ стругового хода, не только доставляло гражданамъ нужные матеріалы, но способствовало и расширенію торговли. Впадая въ рѣку Клязьму, а черезъ посредство ея въ Оку и Волгу, Теза соединяется съ Каспійскимъ моремъ, именовавшимся у древнихъ русскихъ *Хвалынскимъ*, и такимъ образомъ дѣлала удобнымъ для жителей г. Шуи имѣть водныя торговыя сношенія съ отдаленной Астраханью и другими торговыми городами Волжскаго бассейна и, преимущественно, съ Нижегородской ярмаркой, именовавшейся въ старинныхъ актахъ ярмаркой у „Макарья Чудотворца“ Но когда именно открыто судоходство по рѣкѣ Тезѣ, историческихъ данныхъ нѣтъ. Извѣстно только, что это судоходство подъ име-

немъ „струго243ваго хода“ уже существовало при Михаилѣ Өеодоровичѣ. Въ одномъ изъ старинныхъ актовъ отъ 1614 года говорится: „А пріѣдетъ Шуянинъ или иногородецъ (въ Шую) *въ суднѣ* съ товаромъ и учнетъ торговати,—и таможникамъ съ тѣхъ людей имати явки и гостинова съ человѣка по двѣ деньги.“ (¹)

Полезность этого судоходства неоспорима. Оно полезно было не только жителямъ города Шуи, доставляя имъ дрова, лѣсъ, рыбу, соль и хлѣбъ, и сплавляя отъ нихъ мѣстныя произведенія въ понизовыя города, но полезно и для самой государственной казны. Въ одномъ актѣ говорится, что въ 1686 году съ судоваго хода по р Тезѣ собрано въ казну дохода 1124 рубля 3 алтына и 5 денегъ. (²) Сумма по тогдашней цѣнѣ на серебро довольно значительная. Но, не смотря на такую полезность даннаго судоходства, находились люди, охочіе тормозить его постройками на Тезѣ мельницъ. Не мало было хлопотъ съ этими мельницами шуйскимъ жителямъ; да достаточно ихъ было и для самаго правительства. На виду у насъ находится 8 старинныхъ актовъ, относящихся до сломки этихъ мельничныхъ построекъ.

Въ 1686 году нѣкто стольникъ Василій Петровъ, сынъ Кругликовъ, построилъ мельницу на рѣкѣ Тезѣ ниже города Шуи, въ Телешевской волости. Вслѣдствіе этой постройки, казеннаго таможеннаго сбора оказался недоборъ 160 рублевъ

(¹) См. „Описаніе г. Шуи“ В. А. Борисова, стр. 82.
(²) Тамъ же, стр. 83.

13 алтынъ $5^1/_2$ денегъ, противъ прошедшаго 1685 года. А по сказкѣ Шуйскій таможенный голова Бориско Селиверстовъ съ товарищи показали причину недобора—„что съ Макарьевской ярмарки того года и изъ иныхъ мѣстъ рѣкою Тезою съ солью и съ иными товары въ Шую приходу судовъ не было за новопостроенною Васильевою мельницею". И вотъ состоялся указъ „отъ Великихъ Государей Царей и Великихъ Князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича и Великія княжны Софіи Алексѣевны въ Шую воеводѣ Ѳедору Иванову Пивову", „что бы онъ тѣ недобранныя Борискомъ Селиверстовымъ деньги доправилъ *на людехъ* ево Васильевыхъ (Кругликова) *и на крестьянѣхъ*, а новопостроенную ево, Васильеву, мельницу сломалъ ево жъ Васильевыми людьми и крестьяны", и всѣ мельницы и плотины на рѣкахъ, на которыхъ бывалъ струговой ходъ, также сломать и вновь строить не допускать. (¹) Мельница была сломана.

Послѣ Кругликова построилъ мельницу на той же рѣкѣ Тезѣ, въ с. Холуѣ, князь А. А. Голицынъ. Отсюда новыя хлопоты. Призываютъ къ отвѣту. Человѣкъ кн. Голицына Петрунька Гуровъ показалъ:

„196 (²) (1688) году *сказка* сентября въ 22 день въ приказѣ большія казны предъ окольничьимъ Алексѣемъ Ивановичемъ Ржевскимъ со товарищи

(¹) Описаніе г. Шуи. 373.

(²) То есть 7196 года отъ сотворенія міра. Такъ тогда велось лѣтосчисленіе.

боярина князя Алексѣя Андреевича Голицына человѣкъ его, Петрунька, сынъ Гуровъ, сказалъ: въ Суздальскомъ уѣздѣ на рѣкѣ Тезѣ вотчина, село Холуйская слободка, была внуки государя моего, боярина князя Алексѣя Андреевича, княжны Мавры Дмитріевны, а княжна Мавра Дмитріевна вышла замужъ за стольника, князя Михаила Ивановича Куракина. А мельницу въ томъ селѣ Холуйской слободкѣ на рѣкѣ Тезѣ поставили крестьяне той Холуйской слободки до указа Великихъ Государей для того, что та рѣка Теза въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ мельница построена, въ земляныхъ угодьяхъ той Холуйской слободки. А водяной струговой проходъ на той рѣкѣ въ томъ мѣстѣ есть и отъ той мельницы струговому ходу помѣшки нѣтъ. А позади пашня боярина князя Алексѣя Андреевича Голицына. Человѣкъ его Петрунька, сынъ Гуровъ, руку приложилъ". ([1])

Но такъ какъ городъ былъ пунктомъ довольно промышленнымъ, имѣвъ заводы и торговлю, а потому весьма нуждался въ струговомъ ходѣ для сбыта своихъ произведеній въ понизовыя мѣстности и привоза оттуда сырья и другихъ товаровъ, то граждане энергично хлопотали о его ненарушимости, и на показаніе „Петруньки, сына Гурова," отвѣчали:

„Сентября въ 23 день нынѣшняго 196 (1688) году въ приказѣ Большой казны Шуяне, посадскіе люди Кузьма Ивановъ, да Якушко Михайловъ сказали: отъ Шуи-де города внизъ по рѣкѣ Тезѣ

(1) Подлинный актъ, на столбцѣ, находится у меня.

до рѣки Клязьмы мельницъ изстари не бывало, а которую-де мельницу въ прошломъ 194 (1686) году на той рѣкѣ Тезѣ построилъ было стольникъ Василей Петровъ, сынъ Кругликовъ, отъ Шуи города въ низъ той рѣки Тезы верстахъ въ восьми, а та-де мельница въ прошломъ же въ 195 (1687) году по имянному ихъ Великихъ Государей указу и по челобитью Шуянъ, посадскихъ людей, сломана и торговые всякихъ чиновъ люди со всякими товары въ стругахъ (особеннаго рода лодки) отъ Шуи города той рѣкой Тезой на Макарьевскую ярмарку прошли; а которую-де мельницу-жъ построили на той же рѣкѣ Тезѣ въ вотчинѣ боярина князя Алексѣя Андреевича Голицына Холуйской слободки крестьяне отъ Шуи въ низъ рѣкой Тезой верстахъ въ пятидесяти, а отъ рѣки Клязьмы верстахъ въ пяти, и та-де мельница построена въ прошломъ 195 (1687) году, послѣ того времени, какъ мельница стольника Василья Петрова, сына Кругликова сломана, и торговые всякихъ чиновъ люди отъ Шуи со всякими товары въ стругахъ на Макарьевскую ярмарку прошли, и нынѣ де съ той Макарьевской ярмарки стругами торговые всякихъ чиновъ люди со всякими товары за той новопостроенной мельницей до Шуи той рѣкой не дошли, а остановились въ Клязьмѣ рѣкѣ; а по рѣкѣ-де Тезѣ струговой ходъ на Макарьевскую ярмарку и въ иные понизовые города и изъ понизовыхъ городовъ въ Шую со всякими товары изстари бывалъ, и отъ тѣхъ-де провозныхъ товаровъ въ Шуѣ таможенному сбору бывало пополненіе, а мельницъ-

де на рѣкѣ Тезѣ ниже Шуи города до рѣки Клязьмы и Клязьмой до Оки и до Волги ничьихъ не бывало; а если-де нынѣ той мельницѣ быть, и за той мельницей впредь струговаго ходу отъ Шуи въ понизовые города и изъ понизовыхъ городовъ въ Шую со всякими товары приходу не будетъ, и въ Шуѣ таможенному сбору нынѣ и впредь будетъ поруха и недоборъ, потому что сбору бываетъ пополненіе отъ привозныхъ товаровъ.“ ([1])

Но зять князя Голицына, князь Михайло Куракинъ, горячо отстаивалъ свою мельницу, полученную въ приданое за женой, княжной Голицыной. Для усиленія своихъ доказательствъ онъ прибѣгъ даже къ подьяческой казуистикѣ, указавъ на такія-то главы и такія-то статьи соборнаго уложенія. Вотъ его прошеніе.

„Бьетъ челомъ холопъ вашъ (Государей, Царей Іоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича) Мишка Куракинъ: Государь мой, бояринъ, князь Алексѣй Андреевичъ Голицинъ далъ въ приданое за внукой своей вотчину въ Суздальскомъ уѣздѣ, въ стародубско-ряполовскомъ стану, село Холуйскую Слободку со всякими угодьи по писцовой книгѣ. А подъ той, Государи мои, вотчиной подъ селомъ Холуйской Слободы построена мельница до вашего, Великихъ Государей, указу, каковой состоялся, вашъ, Великихъ Государей, указъ въ прошломъ въ 195 (1687) году марта въ 17 день въ государственномъ вашемъ посольскомъ приказѣ. А нынѣ бьютъ че-

([1]) Подлинный актъ, на столбцѣ, находится у меня.

ломъ вамъ, Великимъ Государямъ, въ вашемъ государственномъ посольскомъ приказѣ подали челобитную города Шуи посадскіе люди, что бы ту мою мельницу подъ той моей вотчиной сломать, будь-то для струго별аго ходу. А у меня, холопа вашего, тому ихъ струговому ходу остановки никакой нѣтъ и впредь не будетъ, и сдѣланы по вашему Великихъ Государей указу и уложенію тому струговому ходу на плотинѣ ворота. А которые, Государи, торговые люди на стругахъ съ солянымъ своимъ промысломъ той рѣкой ходятъ, и они выгружаются на берегахъ до той моей вотчины не дошедъ верстъ за пять и больше. Да въ вашемъ, Великихъ Государей, указѣ и въ соборномъ уложеніи напечатано въ десятой главѣ, восьмой — пятьдесятъ статьѣ, напечатано: буде кто на рѣкѣ плотину сдѣлаетъ, и ему у той плотины сдѣлать вороты для судоваго ходу. Да въ вашемъ же, Великихъ Государей, указѣ и въ соборномъ уложеніи въ той же главѣ, въ двадесятой статьѣ напечатано: будетъ кто учнетъ вамъ, Великимъ Государемъ, бить челомъ о такихъ мельницахъ, что бы у нихъ мельницы не ломать, и тѣмъ мельницамъ по ихъ челобитью быть. Пожалуйте меня, холопа своего, не велите, Государи, ихъ ложному затѣйливому челобитью повѣрить, и велите, Государи, подъ той моей вотчиной на той плотинѣ того струговаго ходу вороты досмотрѣть, кому Вы, Великіе Государи, укажете; а той моей мельницы по своему, Великихъ Государей, указу и соборному уложенію не велите, Государи, ломать и своего, Великихъ Государей, указа и соборнаго уложенія нарушить,

и велите, Государи, челобитную мою взять.“ А на челобитной помѣта дьяка Прокофья Возницына—„196 (1688) году сентября въ 19 день: взять посадскихъ людей и челобитье, и выписать и положить на столъ.“ (¹)

Сколь ни краснорѣчиво это челобитье князя Куракина, сколь ни опиралось оно на „Соборное Уложеніе“, но всетаки желательнаго дѣйствія для просителя не произвело. Вскорѣ, — 10 октября того же года, — послѣ показанія Шуянъ въ защиту струговаго ходу и о вредѣ ему мельницей Куракина, была прислана отъ Великихъ Государей Царей и великихъ князей: Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича и великія государыни благовѣрныя царевны и великія княжны Софіи Алексѣевны, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцевъ, въ г. Суздаль воеводѣ Тимофею Жемчужникову грамата, въ которой предписывалось воеводѣ мельницу Куракина на рѣкѣ Тезѣ совсѣмъ сломать и чтобы стругоому ходу задержки не было. Вслѣдствіе такого Высочайшаго повелѣнія воевода для сломки означенной мельницы посылалъ Суздальскія приказныя избы подъячаго Алексѣя Трегубова съ приставы, но прикащикъ кн. Куракина „Ганка Кримовъ со крестьяны указу Великихъ Государей учинились не послушны, тое мельницы не сломали и стругоаго ходу не очистили“.

По доносу воеводы на непослушаніе прикащика и крестьянъ кн. Куракина и неисполненіе Высочайшаго повелѣнія, мая въ 6 день, того же 196

(¹) Подлинный актъ, на столбцѣ, находится у меня.

(1688) году ([1]) послана вновь Высочайшая грамота, отъ Великихъ Государей, Суздальскому воеводѣ Мусину-Пушкину, что „для сломки той мельницы кн. Куракина посланъ отъ Великихъ Государей въ Суздаль, приказа большія казны старой подьячей Михайло Афанасьевъ, да съ нимъ два человѣка молодыхъ подьячихъ, да три человѣка приставовъ, да пять человѣковъ московскихъ стрѣльцевъ, и какъ только Михайло Афанасьевъ въ Суздаль пріѣдутъ, то что бы воевода для сломки тое мельницы давалъ ему, Михайлу, къ московскимъ стрѣльцамъ въ прибавку Суздальскихъ приставовъ и рассыльщиковъ и иныхъ чиновъ людей, тутошнихъ жителей, сколько ему, Михайлу, къ тому дѣлу понадобится, и въ сломкѣ тое мельницы ему, Михаилу, (воевода) чинилъ всякое вспоможеніе, не отписываясь ничѣмъ.“ ([2]) И мельница была сломана. ([3]) Но какимъ способомъ! Только военнымъ нашествіемъ могли сломать „княжую мельницу“.

Отсюда можно видѣть, какого труда стоило жителямъ г. Шуи отстаивать отъ посягательствъ сильныхъ людей издревле существовавшій струговой ходъ, необходимый гражданамъ для сплава по немъ своихъ произведеній въ понизовые города и привоза оттуда хлѣба, соли, кожъ и прочихъ сырыхъ продуктовъ, произведенія земли. Полезенъ этотъ струговой ходъ былъ и для государственной

([1]) Здѣсь не должно недоумѣвать, что май слѣдуетъ за сентябремъ и октябремъ одного-же года, потому-что тогда новый годъ начинался 1 сентября.

([2]) „Описаніе г. Шуи“, В. А. Борисова, 376.

([3]) „Старинные акты къ описанію г. Шуи“ В. А. Борисова, 309.

казны, доставляя ей такой крупный доходъ, свыше 1100 рублей тогдашней звонкой монетой, какъ мы видѣли выше сего, безъ всякихъ со стороны государства издержекъ, потому что и сборъ съ судовъ въ казну собирался безвозмездно таможеннымъ головой съ товарищи, избиравшимися изъ Шуйскихъ гражданъ. Долго ли продолжалась эта борьба Шуянъ и даже самаго правительства съ притязательными частными, своекорыстными лицами—неизвѣстно. Но надо полагать, что долго, потому что черезъ 4 года, именно въ 1690 году, вновь Шуяне обращаются съ просьбой, „бьютъ челомъ", о непостройкѣ мельницы на рѣкѣ Тезѣ; но бьютъ челомъ уже не Государямъ, Царямъ и великимъ князьямъ всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцамъ, а самимъ боярамъ, княгинѣ и князю Куракинымъ, крестьяне которыхъ вновь начали застраивать струговой ходъ мельницами. Шуяне вѣроятно разсудили, что лучше прибѣгнуть къ великодушію властей близкихъ, хотя и враждебно настроенныхъ, чѣмъ къ властямъ отдаленнымъ, великимъ государямъ, самодержавная воля которыхъ такъ туго исполнялась. Вотъ челобитная:

„Государынѣ, боярынѣ княжнѣ Ульянѣ Ивановнѣ и государю князю Михаилу Ивановичу (Куракинымъ) бьютъ челомъ сироты великихъ Государей, города Шуи земской староста Афонька Гнѣзышевъ и всѣ посацкіе люди. Жалоба, Государи, намъ сиротамъ вашей Государевой Суздальской вотчины Холуйской слободки на крестьянина на Максима Новоселова съ товарищи. Строитъ онъ, Максимъ, нынѣ въ вотчинѣ вашей Государевой подъ Холуй-

ской слободкой на рѣкѣ Тезѣ, на непроходной заводи вновь мельницу и хочетъ берегъ перекопать, а изъ рѣки Тезы, изъ стрежня, въ ту непроходную заводь воду пустить. А какъ онъ, Максимъ, въ той непроходной заводи мельницу построитъ, — и по рѣкѣ Тезѣ, по стрежню, струговой ходъ перейметца и стрежень въ рѣкѣ Тезѣ осушится. Умилостивтеся, пожалуйте.“ (¹)

Удовлетворено ли это челобитье сиротъ Государевыхъ, извѣстій нѣтъ. Вообще, объ участи стругового хода по р. Тезѣ за послѣдующее время старинные акты молчатъ. Поэтому трудно сказать, долго ли существовалъ этотъ полезный для Шуянъ струговой ходъ. Можно предположить, что онъ существовалъ, пока желѣзная воля Петра Великаго управляла Россіей, потому что Петръ, заботясь о развитіи промышленныхъ силъ государства, не только имѣлъ заботу о поддержаніи существовавшаго судоходства по рѣкамъ, но съ этою цѣлью изобрѣталъ вновь водные пути, прочищая засоренныя рѣки и прорывая судоходные каналы, стоющіе неисчисленныхъ расходовъ и множества человѣческихъ жизней.

Какъ бы то ни было, но извѣстно, что въ царствованіе Анны Іоанновны стругового хода по рѣкѣ Тезѣ уже не существовало, и Шуяне лишены были этого благодѣтельнаго сообщенія цѣлое столѣтіе до временъ Николая Павловича. Но при всем томъ въ ~~XX~~ такое продолжительное время экономическое

(¹) „Старинные акты къ описанію г. Шуи“ В. А. Борисова, 319.

положеніе города Шуи не могло не измѣниться, и оно измѣнилось къ лучшему: городъ значительно увеличился и его промышленность развилась до степени, не идущей нисколько въ сравненіе съ размѣромъ промышленности прежняго времени. Во второй половинѣ XVIII столѣтія въ Шуѣ, какъ уже сказано, основались полотняныя фабрики, а въ концѣ его и началѣ XIX стали устраиваться миткалево-ткацкія и ситценабивныя. Для миткале-ткацкихъ фабрикъ потребовалась бумажная пряжа. Такъ какъ русской пряжи въ то время не было, а получалась она изъ Англіи, то въ числѣ Шуйскихъ гражданъ нашлись предпріимчивые люди и завели торговыя дѣла прямо съ англійскими бумагопрядильщиками и ихъ коммиссіонерами. Главнымъ и первоначально единственнымъ изъ здѣшняго края выписчикомъ изъ Англіи пряжи былъ здѣшній купецъ В. М. Киселевъ. Онъ выписывалъ ее большими количествами и удовлетворялъ ею всѣхъ фабрикантовъ какъ здѣшнихъ, такъ Ивановскихъ и Вичугскаго края. Такимъ образомъ въ Шуѣ сосредоточивалась масса товаровъ, развозившихся потомъ во всѣ стороны Россіи. Это товарное движеніе можно было считать сотнями тысячъ пудовъ. Между тѣмъ желѣзныхъ дорогъ въ то время еще и въ поминѣ не было; грунтовыя были не проѣздныя; провозъ товаровъ былъ крайне затруднителенъ. Болѣе всѣхъ терпѣлъ отъ бездорожицы выписчикъ пряжи, Киселевъ. Получая ее изъ Англіи черезъ Петербургъ и потомъ водой по волжско-маріинской системѣ черезъ г. Плесъ, на Волгѣ,

онъ крайне затруднялся доставкою своего товара отъ Плеса до Шуи, на разстояніи не много менѣе ста верстъ. При этомъ затрудненіи у него перваго явилась мысль, нельзя ли возобновить древній струговой ходъ по рѣкѣ Тезѣ, такъ какъ Теза,—что сказано уже выше,—посредствомъ рѣкъ Клязьмы и Оки соединяется съ Волгой.

Мысль купца Киселева о возобновленіи стругового хода гражданами Шуи принята сочувственно, тѣмъ болѣе, что открытіе судоходства имѣло интересъ для всего города и, въ особенности, для развившихся здѣсь фабрикъ, товары съ которыхъ большею частію поступали на Нижегородскую ярмарку и, конечно, по неудобнымъ грунтовымъ дорогамъ, возвышавшимъ стоимость провоза, а потому и стоимость издѣлій. По принятіи этой мысли, Шуяне сдѣлали собраніе въ думѣ, пригласивъ и нѣкоторыхъ Шуйскихъ купцовъ, проживавшихъ въ с. Ивановѣ (нынѣ г. Иваново-Вознесенскѣ), с. Кохмѣ и другихъ мѣстностяхъ. На этомъ собраніи постановили: ходатайствовать передъ правительствомъ о возобновленіи по рѣкѣ Тезѣ древняго судоходства, а на расходы по этому ходатайству сдѣлать добровольныя пожертвованія. Это постановленіе изложено въ слѣдующей формѣ:

„1830 года мая 27 дня, города Шуи граждане, ревнуя къ общему благу на предметъ изходатайствованія возстановленія отъ города Шуи въ низъ по рѣкѣ Тезѣ судоходства по всемилостивѣйше жалованной городу Шуѣ грамотѣ, согласились сложить нижеподписанную каждымъ сумму и препо-

ручить тому, кому будетъ сдава о семъ довѣрепность". Слѣдуютъ подписи жертвователей:

„Шуйской 1-и гильдіи купецъ василіи максимовъ Киселевъ (торговецъ) (¹) тысячу пять сотъ рублей 1,500

Шуиской 1-и гилдіи купецъ степанъ ивановъ (Посылинъ) збратьями (фабриканты) тысячу пять сотъ рублеи. . . . 1,500

Шуиской 2-и гильди купецъ дмитрѣи васильевъ кориловъ (фабрикантъ) тысячу рублеи 1,000

Шуеской 2-и гильдиея купецъ петрь андревъ волковъ (торговецъ) пять сотъ рублеи 500

Шуиски 2 и гильдеи купечески сынъ Алексеи болотавъ (фабрикантъ) пять сотъ рублей 500

Шуиской купецъ Кирило посовъ (фабрикантъ) сто рублевъ. 100

Титулярныи советникъ иванъ Соколовъ (секретарь магистрата) сто рублевъ . . 100

Шуиски второи Гилди купцы братья Гарелины (фабриканты, въ Ивановѣ) Семьсотъ пидесятъ рублеи 750

Шуиской 2-и гильди купецъ александръ алексеевъ Лепетовъ (фабрикантъ, въ д. Воробьевѣ) пять сотъ рублей . . . 500

Шуськой 2 гильдий купецъ ларионъ сътепановъ удинъ (фабрикантъ, въ с. Ива-

(¹) Всѣ слова, поставленныя въ скобкахъ, отъ автора. Правописаніе соблюдено подлинное. Всѣхъ поименованныхъ здѣсь лицъ въ живыхъ уже нѣтъ.

новѣ) четыре съта рублевъ . . . 400

Шуйской 2 гильдий купецъ Михайло терентиевъ (фабрикантъ) триста рублей . 300

Шуйской 2-й гильдий Купецъ александръ Бабуринъ (фабрикантъ въ д. Воробьевѣ) сто рублевъ 100

Шуйской купецъ михайло Журавлевъ (фабрикантъ, въ с. Ивановѣ) сто рублей . 100

Шуйской куп цъ Алексе Журовъ (торговецъ) Двести рублей 200

Шуйской Купецъ Петръ Меншиковъ (фабрикантъ) двести рублей 200

Шуйской купецъ Михайло денисовъ (торговецъ) сто рублей 100

Шуйски купецки Сынъ петръ Игумновъ (торговецъ) сто рублевъ 100

Шуйской купецъ Лука Зиминъ (торговецъ) сто рублей Авмѣсто Его неграматнаго поего прошению потъписалъ шуйской купецъ Алексей Журовъ 100

Шуеской купецъ григорей флягинъ (фабрикантъ, въ с. Лежневѣ) сто рублей . 100

Шуеской купецъ Яковъ куваевъ (фабрикантъ въ с. Ивановѣ) двести рублей . . 200

Шуйской купецъ афанасей Куваевъ (фабрикантъ, въ с. Ивановѣ) пядесятъ рублей 50 Еще педесятъ рублей авсего сто рублей 100

Шуски купецъ андрей ивановъ малаховъ (фабрикантъ, въ д. Колесницахъ) 100 р. 100

Шуйской 2 г. григорий прокофьевъ медведевъ (фабрикантъ, въ с. Кохмѣ) три ста рублевъ 300

Шуйской 2 гилди купецъ василей Н Чаяповъ (фабрикантъ, въ с. Кохмѣ) усерствую три ста рублей 300

Шуйской купецкой сынъ харламъ Калачески 100 р. (фабрикантъ, въ с. Кохмѣ) 100

Шуйски купецъ 100 р. петръ Зубковъ (фабрикантъ, въ с Ивановѣ) . . . 100

Шуйской 3-и гильдіи купецъ діодоръ бурылинъ (фабрикантъ, въ с. Ивановѣ) двести рублей 200

Шуйскій купѣцъ Гаврило Журовъ (фабрикантъ) пятедесятъ рублей . . . 50

Шуйскій купецъ Василей Бедриновъ (фабрикантъ, въ с Васильевскомъ) Сто Рублей 100

Итого ассигнаціями . 9,700

Послѣ этого постановленія и по собраніи подписныхъ денегъ, дѣло о ходатайствѣ поручено было купцу Алексѣю Ивановичу Болотову, какъ человѣку болѣе другихъ смѣлому и способному. Послѣ долгихъ хлопотъ, нѣсколькихъ поѣздокъ въ Петербургъ и израсходованіи всѣхъ собранныхъ денегъ, жители Шуи достигли желаемаго: судоходство было разрѣшено. Но такъ какъ рѣка Теза оказалась мелководною для судовъ, нѣсколько глубже сидящихъ въ водѣ старинныхъ лодокъ, именовавшихся стругами, то признано необходимымъ устройство въ ней системы шлюзовъ. Это устройство приняла на себя казна. На разстояніи 165 верстъ по руслу рѣки до впаденія ея въ Клязьму сдѣлано пять шлюзовъ.

Первый шлюзъ отъ г. Шуи въ 40 верстахъ. При немъ уровень воды (горизонтъ воды) ниже уровня, находящагося въ Шуѣ, выше городской мельницы, на 2,06 сажени.

Второй шлюзъ въ разстояніи 50 верстъ. Уровень воды ниже Шуйскаго на 2,77 сажени.

Третій шлюзъ въ разстояніи 97 верстъ. Уровень воды ниже Шуйскаго на 4,47 сажени.

Четвертый шлюзъ въ разстояніи 143 верстъ. Уровень воды ниже Шуйскаго 5,69 сажени.

Пятый—160 верстъ. Уровень ниже Шуйскаго 6,85 саж.

При самомъ же впаденіи Тезы въ Клязьму, на разстояніи 165 верстъ, уровень воды рѣки Тезы понижается на 7,74 сажени. (¹)

По устройствѣ шлюзовъ приступлено къ открытію судоходства. Торжество открытія произошло 10 іюля 1837 года. Въ память этого торжества на берегу рѣки, въ самомъ городѣ Шуѣ, близъ моста, поставленъ былъ чугунный памятникъ на чугунномъ же обширномъ подножіи. Форма памятника была въ видѣ четыреугольной съ усѣченными углами колонны, вышиною около 4 аршинъ. На немъ находилась надпись времени торжественнаго открытія судоходства и нѣкоторыя другія дополненія. Къ сожалѣнію содержаніе этихъ дополненій сообщить нельзя, потому что памятникъ вмѣстѣ съ подножіемъ исчезъ съ берега рѣки, неизвѣстно даже когда. Лѣтъ пять тому назадъ почетный гражда-

(¹) Мѣстности шлюзовъ: 1 й при с. Сергѣевѣ, 2 й при д. Полькахъ, 3-й при с Хотимлѣ, 4 й при с. Холуѣ, 5-й ниже с. Холуя

нинъ Петръ Ивановичъ Болотовъ (нынѣ умершій), братъ Алексѣя Ивановича Болотова, наиболѣе прочихъ хлопотавшаго объ открытіи судоходства по р Тезѣ, обращался письменнымъ заявленіемъ въ Шуйскую городскую думу о полезности возобновленія на берегу рѣки Тезы похищеннаго памятника, въ память открытія одного изъ полезнѣйшихъ учрежденій г. Шуи, но дума отклонила отъ себя этотъ вопросъ, очень любезно отвѣтивъ Болотову, что она „объ этомъ памятникѣ не имѣетъ никакихъ данныхъ". Обратиться къ старожиламъ, которые помнятъ его, она не пожелала. Такимъ образомъ, ходатайство Болотова о возобновленіи памятника и содержанія, находившейся на немъ, надписи осталось неудовлетвореннымъ. Послѣ чего единственнымъ памятникомъ этого учрежденія остается исторія, которая сохраняетъ были или факты лучше чугуна и мрамора. Благодаря покойному Владиміру Александровичу Борисову, исторія занесла на свои скрижали это событіе,—учрежденіе судоходства, и оно уже не забудется. Этотъ трудолюбивый и добросовѣстный авторъ увѣковѣчилъ означенное событіе въ своемъ историческо-статистическомъ и этнографическомъ „Описаніи г. Шуи и его окрестностей". Достойно и праведно Шуянамъ почтить его память благодарностью. (1)

---

(1) Весьма было бы похвально, если бы Шуйскіе граждане возымѣли доброе желаніе поставить на забытой могилѣ его хотя бы не очень цѣнный памятникъ. Владиміръ Александровичъ заслужилъ его. Добрый, безкорыстный онъ много потрудился надъ собираніемъ

Полезность исходатайствованнаго Шуянами и открытаго въ 1837 г. судоходства по р. Тезѣ ясно обозначилась. Въ непродолжительное время привозъ и отвозъ кладей по Тезѣ достигли значительнаго размѣра. Вотъ нѣсколько данныхъ по этому вопросу.

Въ 1843 году пришло судовъ въ верхъ по рѣкѣ Тезѣ до г. Шуи 123. На нихъ доставлено кладей, — какъ то: хлѣба, дровъ, матеріаловъ для фабрикъ и разныхъ товаровъ на сумму 139,560 руб. сер.

Отошло судовъ изъ Шуи съ кладью въ низъ по Тезѣ 20. На нихъ отправлено кладей, преимущественно мануфактурныхъ товаровъ хлопчато-бумажнаго производства, въ Нижегородскую ярмарку, въ село Холуй и прочія низовыя мѣста на Волгѣ на сумму 247 тысячъ руб. сер.

Пошлинъ судоходныхъ собрано въ казну 1,290 руб. сер.

Въ 1844 году пришло судовъ въ Шую 112. На нихъ привезено кладей на сумму 81,167 р. с.

матеріаловъ для исторіи своего роднаго города Шуи. И трудъ его остался почти безъ вознагражденія. Два его изданія: „Описаніе г. Шуи" и „Старинные Акты къ описанію г. Шуи", составляя два большихъ тома, заключающіе въ себѣ 860 страницъ, очень мало принесли ему пользы за многолѣтній и хлопотливый трудъ, употребленный на нихъ. Даже самыя изданія не могли бы выйдти въ свѣтъ, если бы не помогли автору матеріальными средствами нѣкоторыя почтенныя, любознательныя и образованныя лица изъ нашего купечества. Первое изданіе вышло на средства Пот. Поч. Гражданина Ив. О. Попова, а второе на средства Пот. Поч. Гражданина Як. П. Гарелина.

Отошло изъ Шуи съ кладью 8 судовъ. На нихъ отправлено товаровъ на 222 тыс руб. сер.

Пошлинъ собрано въ казну 1,138 руб. сер.

Въ 1845 году пришло судовъ 255. Товаровъ и хлѣба привезено на нихъ на 109,809 руб. сер.

Отошло судовъ съ кладью 7. Товаровъ отправлено на 235 тыс. руб. сер.

Пошлинъ собрано 1,293 р. с. (1)

Сложивъ цифры стоимости товаровъ, привезенныхъ въ Шую и отпущенныхъ изъ Шуи по р. Тезѣ за три года (1843—1845), и раздѣливъ ихъ на 3, получимъ, что въ означенный періодъ привозилось товаровъ ежегодно на 110,000, а отпускались на 234,666 рублей, слѣдовательно, судоходство служило болѣе для отвоза здѣшнихъ произведеній, преимущественно произведеній ситцевыхъ фабрикъ, а нынѣ, какъ увидимъ, совсѣмъ наоборотъ.

Къ сожалѣнію не имѣется данныхъ, сколько двѣсти лѣтъ назадъ проходило по Тезѣ струговъ и сколько привозилось и отвозилось кладей въ XVII вѣкѣ, какъ по цѣнѣ, такъ и по количеству. Цѣнность привоза, кажется, можно опредѣлить по размѣру взимавшихся пошлинъ. Этотъ размѣръ таможенныхъ пошлинъ, назначенныхъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ на привозимые въ Шую товары составлялъ въ среднемъ выводѣ около 1%. А такъ какъ въ 1686 году, какъ показано раньше, собрано таковыхъ пошлинъ съ привезенныхъ въ Шую товаровъ 1,124 рубля, то помноживъ эту цифру на

(1) „Описаніе г. Шуи", 139.

100, получимъ сумму привоза въ 112,000 рублей; слѣдовательно привозъ по цѣнѣ былъ нѣсколько болѣе привоза сороковыхъ годовъ. А принявъ во вниманіе, что тогда цѣны на товары стояли значительно ниже сороковыхъ годовъ, найдемъ, что на означенную сумму 112,000 руб.. въ XVII вѣкѣ привозилось товаровъ болѣе не только по цѣнности, но и по количеству, чѣмъ въ сороковыхъ годахъ, когда привозилось на сумму лишь 110,000 рублей.

Здѣсь невольно является вопросъ: почему прежній струговой ходъ имѣлъ возможность болѣе провозить кладей, чѣмъ ходъ новый, снабженный системою шлюзовъ и, вообще, значительно улучшенный? Этотъ вопросъ можетъ быть разрѣшенъ только по опредѣленіи самого состоянія рѣки Тезы, то есть, ея многоводія. Въ виду того, что при прежнемъ, натуральномъ теченіи водъ по естественному руслу рѣки безъ всякихъ искусственныхъ приспособленій и системы шлюзовъ, могло проходить по ней такое большое количество грузовъ, почти безошибочно можно сказать, что рѣка была тогда значительно многоводнѣе, чѣмъ нынѣ Подтвержденіемъ этому могутъ служить самые суда, древніе *струги*, величина которыхъ, должно быть, была довольно порядочная, потому что они ходили не только по Тезѣ, но по Клязьмѣ, Окѣ и даже Волгѣ вплоть до Макарья. Доказательствомъ этого факта служитъ слѣдующая челобитная, поданная Шуянами въ 1672 году Алексѣю Михайловичу:

„Царю Государю и великому князю Алексѣю Михайловичу, всея великія и Малыя и Бѣлыя Рос-

сіи Самодержцу, бьютъ челомъ и являютъ сироты твои Шуяне, посацкіе люди, Якушко, Өедоровъ сынъ, Голятинъ, да Лучка Андреевъ. Въ нынѣшнемъ, Государь, въ 180-мъ году были мы, сироты твои, у Макарья чудотворца на ярмонкѣ для своево промыслишка *стругомъ*; и положили у насъ, сиротъ твоихъ, на кладъ *на стругъ* товару, воску и шелку и краски, (1) Суздальскаго уѣзду села Тейкова, стольника князя Василія Петровича Прозоровскаго крестьяне ево Григорей, Антипьевъ сынъ, да Иванъ, Дмитріевъ сынъ. А въ томъ мы, сироты твои, въ кладовомъ товарѣ дали на себя кладовую запись, въ томъ, что та поклажа вести намъ, сиротамъ твоимъ, *отъ Макарья чудотворца съ ярманки рѣками судномъ до Шуи*. А на томъ, Государь, нашемъ стругу, по ихъ сказкѣ положено было, въ тючкѣ связано за ихъ Григорья и Ивановою печатью, по ихъ сказкѣ, шелку и краски на сорокъ на семь рублей съ полтиною, да воску пять пудъ. И въ нынѣшнемъ, Государь, 180-мъ году іюля противъ 9 числа, какъ я сирота твой Лучка будучи межъ Черные и ниже Дудина монастыря на Окѣ на рѣкѣ, и тотъ нашъ стругъ разбойники разбили и ту ихъ поклажу, Григорьеву и Иванову, что запечатано за ихъ печатью въ тючкѣ и наше, сиротъ твоихъ, и иныхъ людей поклажу тѣ воровскіе люди разбоемъ поимали; и какъ мы, сироты твои, послѣ того разбою. тѣмъ стругомъ

(1) Вѣроятно индиго, потому что въ Тейковѣ крашеніе индигомъ тканей велось изстари, продолжается и нынѣ.

достальнымъ поклажемъ, которое было на стругѣ заложено солью и кожами, пріѣхавъ въ Шую, имъ Григорью и Ивану тотъ воскъ, который остался у боровскихъ людей, у насъ, сиротъ твоихъ, взяли сполна, а росписки намъ, сиротамъ твоимъ, взявъ тотъ воскъ, кладовой не видали. Милосердый Государь.... вели челобитье наше и явку записать..... Царь Государь, смилуйся. (1)

Предположенію о многоводности рѣки есть достаточное основаніе и въ томъ фактѣ, что въ то время берега ея были покрыты дремучими лѣсами, могшими доставлять ей большее изобиліе воды и лучше охранять оную отъ быстраго внсыханія, чѣмъ происходитъ оно теперь при оголеніи ея береговой полосы. Эти лѣса изобиловали звѣрями и дичью, и до того были извѣстны, что около 1738 года, пріѣзжала въ Шую великая княжна, впослѣдствіи Императрица Россійская. Елизавета Петровна и проживала здѣсь нѣкоторое время въ августѣ и сентябрѣ, единственно изъ за охоты, занимаясь оною съ мѣстными и окружными дворянами. По преданію великая княжна занимала домъ первостатейныхъ купцовъ Жуковыхъ, нынѣ не существующій и находившійся противъ валу. (2) Дремучими лѣсами окруженъ былъ и самый городъ. Нынѣ памятниками этихъ дремучихъ лѣсовъ служатъ лишь нѣсколько межевыхъ сосенъ, стоящихъ въ полѣ одиноко, подобно вѣчнымъ часовымъ, отъ временъ Іоанна Грознаго.

(1) „Описаніе г. Шуи" В. А. Борисова, стр. 313.
(2) Тамъ же, стр. 25.

Съ проведеніемъ отъ г. Шуи въ 1868 году желѣзной дороги къ линіи таковой же Московско-Нижегородской, характеръ Шуйскаго судоходства значительно измѣнился. Такъ какъ Шуйско-Ивановская линія дороги прошла почти параллельно рѣки Тезы, то первая, вслѣдствіе ея наибольшаго удобства и наибольшей скорости для перевозки, отхватила отъ послѣдней наибольшую часть грузовъ, въ особенности мануфактурныхъ товаровъ, какъ наиболѣе цѣнныхъ, легко переносящихъ нѣкоторую надбавку за ихъ провозъ по желѣзной дорогѣ въ виду скорѣйшей доставки на мѣсто назначенія, каковая въ коммерческомъ дѣлѣ играетъ не малую роль. Вслѣдствіе этого, существовавшая прежде отправка мануфактурныхъ товаровъ на Нижегородскую ярмарку и въ другія низовыя мѣста изъ Шуи по рѣкѣ Тезѣ, нынѣ совсѣмъ прекратилась. Точно также прекратился и привозъ въ Шую водянымъ путемъ цѣнныхъ матеріаловъ, идущихъ на здѣшнія фабрики съ Нижегородской ярмарки и изъ другихъ мѣстъ годно-волжской системы. Всѣ означенные цѣнные товары и матеріалы теперь идутъ изъ Шуи и въ Шую по желѣзной дорогѣ. Но это отвлеченіе нѣкоторыхъ грузовъ отъ водянаго пути не уменьшило его дѣятельности и полезнаго значенія. Дѣятельность его хотя по цѣнности грузовъ и уменьшилась, но по количеству увеличилась. Въ послѣднее время вся работа водянаго пути состоитъ лишь въ одномъ направленіи вверхъ по рѣкѣ къ г. Шуѣ; обратныхъ же отправленій вовсе нѣтъ. Однако это одноконечное

отправленіе грузовъ значительно превосходитъ, по своему вѣсу, прежнія отправленія въ оба конца, вверхъ и внизъ по Тезѣ. Нынѣшніе грузы состоятъ почти исключительно изъ лѣсныхъ матеріаловъ: дровъ и строеваго лѣса. Съ этими матеріалами пришло въ Шую въ трехлѣтіе 1885—1887 г.г. 2,648 барокъ съ грузомъ 4,634,000 пудовъ. На каждый годъ среднимъ числомъ приходится 883 барки и 1,544,000 пуд. клади. Казенный сборъ съ приходящихъ барокъ взимается, смотря по грузу, не однообразный,—среднимъ числомъ около 3 р. 8½ коп. съ нагруженной барки; съ отходящихъ же пустыхъ барокъ берется по 1 р. 50 к. Таковаго сбора въ означенное трехлѣтіе поступило 8,172 р. 98 к. или по 2,724 р. 33 к. въ годъ. Сравнивъ эти цифры съ таковыми же, вышеизложенными сороковыхъ годовъ, мы увидимъ, что приходъ судовъ по рѣкѣ Тезѣ и сборъ денегъ въ казну увеличился болѣе чѣмъ вдвое; между тѣмъ ежегодная цѣнность грузовъ не превосходитъ 150 тыс. руб.

Кромѣ вышеозначеннаго сбора въ казну, водяной путь даетъ нѣкоторый доходъ и городу Шуѣ. Онъ состоитъ изъ сбора за мѣста по берегу рѣки, отдаваемыя подъ складъ привозимыхъ на баркахъ лѣсныхъ матеріаловъ. Размѣръ этого сбора доходитъ до 1,300 руб. въ годъ.

Но означенный здѣсь доходъ, какъ въ казну, такъ и въ городъ, не составляетъ и десятой доли той пользы, какую доставляетъ жителямъ Шуи водяной ходъ посредствомъ дешевой доставки въ

городъ лѣсныхъ матеріаловъ, преимущественно дровъ. Послѣднихъ привозится въ Шую по Тезѣ отъ 20 до 25 тысячъ саженъ ежегодно, и, вслѣдствіе дешевой доставки, цѣна имъ постоянно стоитъ ниже прочихъ окружныхъ мануфактурныхъ мѣстностей, напримѣръ с. Кохмы и г. Иваново-Вознесенска, не смотря на то, что послѣдніе ближе къ Волгѣ и соединены съ ней желѣзной дорогой, по которой подвозка дровъ въ эти мѣстности производится въ весьма большихъ размѣрахъ. Разница въ цѣнахъ этого матеріала колеблется около 1 рубля и 1 р. 50 коп. въ однополѣнной сажени—къ пользѣ Шуйскихъ жителей. Не будь водяной подвозки по Тезѣ, то дрова въ Шуѣ не только не были бы дешевле таковыхъ же вышеозначенныхъ мѣстностей, но были бы дороже, по крайности на 1 рубль, и тогда шуянамъ пришлось бы переплачивать противъ существующихъ здѣсь цѣнъ не менѣе двухъ рублей въ сажени. А такъ такъ городъ сжигаетъ ихъ по меньшей мѣрѣ 50 тысячъ саженъ, около половины которыхъ доставляется гужомъ,—то городу пришлось бы переплачивать ежегодно до 100 тыс. рублей.

Въ доказательство того, что водяная доставка играетъ значительную роль въ цѣнѣ на дрова, приведу примѣръ дороговизны ихъ, проявившейся здѣсь въ послѣднее время. Лѣтомъ 1888 г. производимы были исправленія нѣкоторыхъ шлюзовъ на рѣкѣ Тезѣ. Исправленіе это продолжалось почему-то долго, такъ что открытіе навигаціи опоздало почти на два мѣсяца. Вслѣдствіе этого

опоздавія пришло тогда въ Шую барокъ только 611 штукъ. Меньше средняго прихода ихъ въ предшествовавшее трехлѣтіе, какъ мы видѣли выше, на 272 барки, почти на одну треть; поэтому на столько же менѣе привезено было на нихъ и дровъ. Этотъ случай произвелъ немедленное, крутое повышеніе цѣнъ на послѣднія, до двухъ рублей въ однополѣнной сажени. Такое огромное повышеніе въ цѣнахъ этого необходимаго для всѣхъ горючаго матеріала тяжелымъ бременемъ легло на жителяхъ Шуи, въ особенности небогатыхъ. Нѣсколько потерпѣло отъ этого случая и само казенное вѣдомство. Выше мы видѣли, что въ предшествовавшее трехлѣтіе казенный сборъ среднимъ числомъ составлялъ 2,724 р. 33 коп. въ годъ. Въ помянутомъ же году, по случаю поздняго открытія навигаціи, онъ упалъ до 1,895 р. 96 коп., тоже почти до одной трети сбора нормальнаго.

Такимъ образомъ, фактъ повышенія цѣнъ на дрова вслѣдствіе кратковременной навигаціи, не давшей возможности доставить въ Шую по рѣкѣ всѣ приготовленные на ея берегу лѣсные матеріалы, достаточно убѣждаетъ насъ въ важности для Шуи водянаго хода. Эта важность еще болѣе увеличивается въ виду ежегоднаго расширенія здѣшнихъ хлопчатобумажныхъ мануфактуръ, требующихъ постояннаго увеличенія топлива при быстромъ уменьшеніи въ ближайшихъ окрестностяхъ лѣсныхъ пустошей.

Движеніе грузовъ по рѣкѣ производится лошадиной тягой на небольшихъ баркахъ, именуемыхъ

тезинками Длина ихъ 29, а ширина 5¾ аршинъ. Дровянаго груза помѣщается на нихъ отъ 20 до 30 однополѣнныхъ саженъ.

Въ 1887 году, этому полезному учрежденію, возобновленному въ 1837 году, судоходству по Тезѣ, минулъ 50-ти-лѣтній юбилей, а мы, Шуяне, и не вспомнили о немъ, не помянули добрымъ словомъ лицъ, нынѣ ужъ покойныхъ, за ихъ хлопоты и жертвы, принесенныя для насъ, ихъ неблагодарныхъ потомковъ, по ходатайству о возобновленіи этого древняго „стругового хода". Выше было уже говорено, что года три назадъ одинъ изъ здѣшнихъ гражданъ, старожиловъ, П. И. Болотовъ. возвысилъ было голосъ въ пользу возстановленія нарушеннаго памятника этому событію, но голосъ его остался неуслышаннымъ.

V.

Переходя, затѣмъ, къ современному состоянію г. Шуи, мы считаемъ не лишнимъ упомянуть о городскомъ бюджетѣ, по которому можно, до нѣкоторой степени, судить о благосостояніи городскихъ жителей. Большіе доходы служатъ доказательствомъ, что городъ имѣетъ средства, съ которыхъ доходы могутъ быть собраны, въ свою очередь крупная цифра доходовъ, издерживаемая на благоустроеніе города, даетъ понятіе объ этомъ благоустроеніи, какъ внѣшнемъ, такъ и внутреннемъ. Приводимыя ниже, довольно значительныя цифры, бюджета на 1890 г. будутъ служить этому доказательствомъ.

Доходы города.

Съ городскихъ земель . . .	10,219 р.
„ общественныхъ зданій (домовъ и лавокъ)	23,365 р.
„ частныхъ недвижимыхъ имѣній, оцѣночный сборъ	14,557 р.
„ документовъ на право торговли и промысловъ	7,800 р.
„ трактирныхъ заведеній, буфетовъ, лавочекъ и пр.	9,400 р.
Отъ городскаго банка . . .	9,277 р.
„ земства вспомоществованіе на учебныя заведенія	1,500 р.
Заемъ, сдѣланный на уплату купленной для выгона земли . . .	16,550 р.
Разные доходы	5,148 р.
Итого .	97,816 р.

Расходы города.

Содержаніе городской управы . .	8,744 р.
„ „ сиротскаго суда и пр. .	2,491 р.
На охраненіе народнаго здравія .	1,260 р.
„ уплату долговъ прежнихъ . .	12,184 р.
Содержаніе тюрьмы и воинской команды	3,775 р.
„ „ полиціи . . .	8,462 р.
„ „ пожарной части . .	5,698 р.
„ „ водопровода . . .	3,389 р.
На народное образованіе . . .	20,133 р.
„ уплату казенныхъ и земскихъ налоговъ на общественныя зданія .	3.187 р.

„ уплату долга за купленную вновь землю . . . . . 18,299 р.
„ Разные расходы . . . . 10,194 р.

Итого . 97,816 р.

Исключивъ цифру займа 16,550 рублей, сдѣланнаго для уплаты за купленную вновь выгонную землю, какъ не составляющую дохода, получимъ сумму годоваго дохода 81,266 рублей. Сумма довольно значительная для удовлетворенія городскихъ надобностей. Замѣчательно, что изъ этой суммы всѣхъ городскихъ доходовъ, почти четвертая часть идетъ на народное образованіе. За то очень мизерна сумма, жертвуемая „на охраненіе народнаго здравія.“ Недостатокъ здоровья болѣе ощутителенъ, чѣмъ недостатокъ въ наукахъ.

Какъ уже было говорено,—состоятельная часть жителей занимается фабрикаціей, заводской и торговой дѣятельностію – менѣе же состоятельная арендуетъ городскую землю, облегающую городъ и занимается хлѣбопашествомъ, обработывая поля наемнымъ трудомъ, что однако не составляетъ замѣтной выгоды по дороговизнѣ здѣсь рабочихъ рукъ. Вслѣдствіе изобилія удобренія урожаи хлѣба бываютъ всегда удовлетворительные, далеко превосходящіе урожаи окрестныхъ деревень. Затѣмъ жители, не принадлежащіе къ состоятельнымъ, работаютъ на фабрикахъ: мужчины преимущественно на ситценабивныхъ, заработывая отъ 15 до 20 рублей въ мѣсяцъ, а женщины на миткале-ткацкихъ, занимаясь ткачествомъ миткалей, выработывая отъ 10 до 15 рублей въ мѣсяцъ. Кромѣ того нѣкоторые

изъ мужчинъ находятся въ услуженіи у частныхъ лицъ въ званіи приказчиковъ и конторщиковъ при фабричныхъ заведеніяхъ и въ торговыхъ лавкахъ, получая порядочныя вознагражденія, а изъ женщинъ—въ видѣ домашней прислуги: горничныхъ, нянекъ, кухарокъ и т. п. Конечно, есть много и другихъ разнообразныхъ работъ, присущихъ небогатымъ труженикамъ, но поименованіе ихъ всѣхъ составитъ большой перечень, не могущій составить большого интереса.

Всѣ эти труженики живутъ довольно порядочно, совершенно безбѣдно, если они избѣгаютъ пьянства. Ихъ жизнь едва ли чѣмъ уступаетъ жизни шуянъ, болѣе состоятельныхъ, двадцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія.

Но если мы взглянемъ на жизнь нынѣшнихъ перворазрядныхъ граждапъ г. Шуи, полную довольства и роскоши, на ихъ богатые дома съ дорогой обстановкой, на ихъ щегольскіе экипажи и шумные балы съ музыкой, танцами и шампанскимъ, то невольно скажемъ, что эта жизнь и въ сравненіе не можетъ быть поставлена съ жизнію ихъ предшественниковъ, жителей Шуи означеннаго періода, конца двадцатыхъ годовъ, оставшейся въ моей памяти. Не такъ жили тогда. Тогдашняя жизнь была скромная, тихая, экономная. Такой роскоши, какъ нынѣ, въ домахъ не было; баловъ съ музыкой и танцами не водилось, потому что музыкантовъ не было и танцовать граждане не умѣли. Изъ экипажей довольствовались простыми дрожками, называемыми нынѣ почему то гитарами и какихъ теперь уже не

существуетъ, да и таковыхъ было не много; самовары имѣлись далеко не въ каждомъ домѣ и чай подавался не каждый день, а лишь по праздникамъ или для гостей. Въ нѣкоторыхъ домахъ вмѣсто свѣчъ жгли лучину, втыкая ее въ рожки свѣтца. Одежда дѣлалась очень экономная, сравнительно съ нынѣшней даже бѣдная. Мужчины ходили въ длинныхъ сюртукахъ, называвшихся *сибирками*. Штаны заправляли за голенища, рубашку на выпускъ. Молодые женщины носили платья, пожилыя сарафаны. Шляпокъ не было. Молодыя дамы повязывались косочкомъ, что называлась повязаться *по модочкѣ*, а пожилыя покрывались платками на кичку. Въ волосахъ, какъ говорилось тогда *простоволосой*, съ непокрытой головой ходить считалось неприличнымъ. Развлеченіе для мущинъ въ зимнее время составляли кулачные бои, чѣмъ не считали за неприличное развлекаться и богатые фабриканты, выходя на стѣнку съ своими фабричными рабочими, предварительно подпоивъ ихъ виномъ. Другихъ развлеченій почти не было. Спать ложились всѣ рано. Обѣдали въ 11 часовъ. Столъ былъ очень умѣренный и экономный. Посты соблюдались строго. Церкви бывали полны молящимися, не смотря на то, что жителей тогда было много меньше нынѣшняго. Денежной картежной игры не было, табаку не курили — считалось предосудительнымъ Встрѣчаясь на улицѣ, знакомые или совсѣмъ незнакомые, непремѣнно раскланивались; рукопожатій не дѣлалось. Изъ опасенія воровства, окна на ночь закрывались закроями и запирались желѣз-

ными болтами. Ворота и днемъ и ночью всегда были заперты; пришедшіе должны были стучаться, для чего придѣлывалось у калитки большое желѣзное кольцо. Дома строились не обширны, отдѣлывались скудно и съ большими неудобствами. Крыши были деревянныя. Мостовыхъ не было; въ дождливую погоду стояла грязь непроходимая. Деньги тратились съ чрезвычайной бережливостью. Тогдашній гривенникъ, стоившій 36 к. ассигнаціями, цѣнился не менѣе нынѣшняго рубля. На рынкѣ преобладали ассигнаціи и монета мѣдная. И первыя и послѣдняя для пріема были обязательными. Такъ какъ послѣдняя для перевозки была очень неудобна, то кредиторы старались всегда получить сумму ассигнаціями, хотя съ нѣкоторой уступкой въ пользу плательщика. Отсюда произошелъ лажъ на ассигнаціи. Сначала онъ былъ въ 2%. Но существовалъ лишь въ отношеніи мѣдныхъ денегъ. Если-же случалось платить ассигнаціями по сдѣлкѣ на звонкую, серебряную монету, — рубль которой равнялся 3 руб. 60 коп. ассигнаціями, то платежъ производился по номинальной цѣнѣ, лажъ откидывался. Этотъ лажъ въ позднѣйшее время произвелъ сильную полемику. Нѣкоторыя газеты поняли такъ, что онъ существовалъ на звонкую, серебряную монету и превознесли достоинство ассигнацій, нынѣшнихъ кредитокъ, до небесъ, утверждая, что онѣ ходили дороже серебра, то есть, съ лажемъ въ отношеніи къ серебру. Это заблужденіе усвоили себѣ ихъ читатели и удерживаютъ по сіе время, не смотря на то, что *неразмѣнныя* бумажныя деньги есть зло,

терпимое государствомъ только по необходимости. Нужно прибавить, что и этотъ лажъ въ отношеніи къ мѣдной монетѣ существовалъ не повсемѣстно, а лишь въ центральной Россіи, гдѣ наиболѣе развита промышленная дѣятельность. Петербургъ его не зналъ. Три дома изъ здѣшнихъ жителей (В. И. Щеколдина, С. Н. Вахрина и Г. А. Журова) имѣли тогда торговлю въ Петербургѣ произведеніями здѣшняго края: пестредкой, тикомъ, равендукомъ, холстомъ, ситцами, полушубками и пр., и имѣли возможность продавать тамъ купленные здѣсь товары съ малой пользой, а иногда и по своей цѣнѣ, но дѣло находили выгоднымъ, потому что получали за товаръ ассигнаціями *безъ лажа*, а, пріѣхавъ домой, отдавали ихъ *съ лажемъ*.

Найдя перемѣну къ лучшему въ жизни нынѣшнихъ обывателей Шуи, мы такую же перемѣну находимъ и въ наружности самаго города. Большею частію видимъ въ немъ не тѣ дома, не тѣ постройки частныя и общественныя, какъ прежде. Шесть каменныхъ и 11 ~~десять~~ деревянныхъ корпусовъ лавокъ, построенныхъ по лучшему плану, замѣнившіе собой два старинные, обветшавшіе корпуса изъ толстыхъ, почернѣлыхъ отъ времени бревенъ стараго лѣса, можетъ быть нѣкогда окружавшаго самый городъ, —подъ такой же ветхой, тесовой крышей,—совершенно измѣнили торговую площадь. Новые и болѣе обширные каменные дома и многочисленные, новые, деревянные совсѣмъ заслонили собой дома старые и сдѣлали рѣзкую перемѣну въ характерныхъ чертахъ улицъ. Возьмемъ въ примѣръ самую лучшую

и самую большую Милліонную улицу отъ моста по нынѣшній Крутицкій переулокъ. Въ двадцатыхъ годахъ на ней было 12 домовъ каменныхъ и 48 деревянныхъ, всего 60. Изъ этого числа сохранилось *въ прежнемъ* видѣ до сего времени только 14 домовъ (8 каменныхъ и 6 деревянныхъ) или съ небольшимъ 23%, а прочіе 77% замѣнились новыми, иныхъ фасадовъ и иной обширности. Если мы этотъ способъ измѣренія, взятый съ Милліонной улицы, приложимъ ко всему центральному городу въ его прежнихъ границахъ, заключавшему въ себѣ въ 1817 году 392 дома, а въ двадцатыхъ годахъ, предположимъ, нѣсколько болѣе, напримѣръ 410, то получимъ число старыхъ домовъ, сохранившихся доселѣ—95. Если это число, 95, примѣнимъ къ числу 1,309 домовъ нынѣшняго города со всѣми его окраинами, то увидимъ, что первые составятъ лишь 7, 2% всего количества а 92, 8% займутъ дома новые. Такимъ образомъ, найдемъ, что городъ почти весь обновился и сдѣлался неузнаваемымъ какъ бы вновь устроеннымъ городомъ. Болѣе видными памятниками прежняго города остались лишь два: церкви и земляной валъ, дающіе понять, что мы находимся въ старомъ, знакомомъ намъ городѣ.

Велика перемѣна въ наружности города, но еще большая перемѣна произошла въ его внутреннемъ составѣ, въ его жителяхъ. Мы видѣли выше, что изъ числа 60 домовъ, зданій Милліонной улицы, сохранилось въ прежнемъ видѣ по сіе время лишь 14. Обратясь къ самимъ жителямъ, владѣльцамъ означенныхъ 60 домовъ, находимъ, что изъ числа

этихъ 60 владѣльческихъ фамилій сохранилось по настоящее время въ своихъ *наслѣдственныхъ* домахъ только 6, что составитъ лишь 10%, а остальные 90% старыхъ фамилій или вымерли, или выселились изъ города, или перемѣстились на его окраины, принадлежащія уже городу новому, современному, или обездомѣли и дома ихъ перешли въ другія, третьи и даже четвертыя руки. Примѣнивъ этотъ процентъ 10, сохранившихся фамилій въ въ одной улицѣ, къ числу всѣхъ фамилій прежняго города, двадцатыхъ годовъ, которыхъ, по предполагаемому нами числу домовъ, было 410 фамилій, какъ домовладѣльцевъ, найдемъ, что старыхъ фамилій сохранилось лишь 41 въ границахъ прежняго города, съумѣвшихъ удержать за собой дома своихъ предковъ.

Эту цифру, 41, сохранившихся фамилій, можно бы примѣнить въ процентномъ отношеніи къ числу фамилій домовладѣльцевъ нынѣшняго новаго города, если-бы она не требовала прибавки къ ней числа фамилій, перемѣстившихся на окраины города или обездомѣвшихъ, но не выбывшихъ изъ него окончательно. По возможно тщательному наблюденію нахожу, что число таковыхъ близко къ числу 41, удержавшихся фамилій на родительскихъ усадьбахъ. Сочтя это опредѣленіе, заслуживающимъ приблизительной точности, найдемъ, что число всѣхъ сохранившихся фамилій, какъ удержавшихся на своихъ усадьбахъ (41), такъ и перемѣстившихся на окраины города (41), будетъ равно 82-мъ. Полученную такимъ образомъ цифру, 82,—старыхъ фа-

милій, примѣнимъ къ цифрѣ 1,309, всѣхъ домохозяевъ нынѣшняго города, считая ихъ по числу домовъ, и получимъ, что она составляетъ лишь 6,2% общаго числа нынѣшнихъ домовладѣльцевъ; остальные же 93,8% составляютъ фамиліи новыя, поселившіяся въ городѣ въ продолженіе съ небольшимъ 60-ти лѣтъ. Слѣдовательно, г. Шуя, какъ по наружности, такъ и по населенію есть городъ почти совершенно новый, а потому и съ новымъ типомъ и съ новымъ общежитіемъ ...

„Велика бываетъ польза отъ ученья книжнаго; мудрость бо обрѣтаемъ отъ словесъ книжныхъ книгомъ бо (въ книгахъ) есть неисчерпаемая глубина“ ([1]) Такъ говоритъ нашъ древній лѣтописецъ Несторъ; такого онъ былъ убѣжденія въ пользѣ ученія книжнаго почти 900 лѣтъ назадъ, но въ насъ это убѣжденіе впиталось лишь въ нынѣшнемъ столѣтіи, да и то въ началѣ его, въ двадцатыхъ годахъ оно было слабо. Въ Шуѣ, напримѣръ, книги читались мало, какъ по недостатку ихъ, такъ и по недостатку желанія и по неумѣнію читать гражданскую печать. Если и читались нѣсколько побольше, то только людьми какъ бы исключительными, современными прогрессистами, имѣвшими торговыя дѣла съ Петербургомъ, Москвой и украйной. Оттуда они привозили по большей части подержанные романы и исторіи въ переводахъ съ иностранныхъ писателей и, конечно, по нынѣшнему малосодержательные. Таковыя были: „Исторія о принцѣ Венеціанѣ,“ „Георгъ Англійскій Милордъ,“ „Малекъ Адель,“

([1]) Полное собр. Русскихъ Лѣтописей. I, стр. 66.

„Бова Королевичъ,“ „Еруслан Лазаревичъ“ и нѣкоторые другіе; изъ русскихъ же сочиненій наиболѣе читались: „Духъ Карамзина,“ который не излишне почитать и нынѣ, и стихотворенія Нахимова, пропитанныя горькой сатирой на тогдашніе суды. Немногіе читали библію, тщательно тогда распространявшуюся библейскимъ обществомъ; нѣсколько болѣе прилежали къ чтенію священныхъ книгъ: часовника, псалтыря и канонника, по которымъ эти лица учились читать. Книги же не проученныя ими читались очень тупо, по складамъ. Изъ періодическихъ изданій извѣстны были только „Московскія Вѣдомости“, печатавшіяся на небольшомъ листѣ и перегибавшіяся въ небольшую четверку. Но онѣ выписывались въ маломъ количествѣ и потому, какъ рѣдкость, переносились изъ дома въ домъ небольшаго числа любознательныхъ людей. Не малымъ препятствіемъ къ развитію потребности въ чтеніи книгъ гражданской печати служилъ и предразсудокъ старшихъ людей. Они въ этихъ книгахъ, какъ *беззастежныхъ*, не видѣли ничего кромѣ худаго и потому чтеніе ихъ считали предосудительнымъ, почти столь же, какъ куреніе табаку, бритье бородъ и картежную игру на деньги.

Не то мы видимъ нынѣ. Потребность въ чтеніи явилась большая. Всѣ поняли, что „велика бо бываетъ польза отъ ученья книжнаго,“ какъ говоритъ лѣтописецъ и обратились къ этому ученію „неисчерпаемой глубины.“

Выше было сказано, что въ городѣ есть довольно порядочная публичная общественная библіотека,

 L 10к.J

откуда можно пользоваться книгами и періодическими изданіями за весьма умѣренную цѣну. Однако этотъ источникъ для гражданъ оказывается недостаточнымъ и они большое число періодическихъ изданій выписываютъ частнымъ образомъ. Вотъ перечень этихъ изданій, выписывавшихся шесть лѣтъ назадъ и выписываемыхъ нынѣ.

ИЗДАНІЯ ЕЖЕДНЕВНЫЯ:

	1884 г.	1891 г.
Биржевыя Вѣдомости	2	3
Гамелецъ	—	2
Гражданинъ	3	2
День	—	13
Московскія Вѣдомости	27	20
Московскій Листокъ	44	50
Новости Дня	3	1
Новости	5	6
Новое Время	14	11
Нижегородскій Биржевой Листокъ	—	4
Правительственный Вѣстникъ	10	11
Русскія Вѣдомости	27	39
Русскій Инвалидъ	2	1
Русскій Курьеръ	12	40
Свѣтъ	24	63
Сынъ Отечества	8	20
Современныя Извѣстія	13	—
Итого экз.	194	286

ИЗДАНІЯ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЯ:

Будильникъ	3	5
Вѣстникъ финансовъ, промышл. и торговли	3	10
Вѣстникъ Модъ	—	10